

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4 (16)
2017**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2017

Редактор
А. П. Володина

Корректоры:
О. В. Балашова
Е. П. Викулова

Технический редактор
С. Ш. Абдуллаева

Верстка оригинал-макета
Е. А. Герасиной

Выпускающий редактор
А. А. Амирсейидова

Автор перевода
А. В. Борзов,
кандидат ист. наук, доцент

За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы

Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых

Адрес редакции:
600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а

Подписано в печать 26.12.17.

Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 12,09
Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии **«Социальные и гуманитарные науки»**

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения (зам. главного редактора серии)
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История сербской философии», Философский факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета Фридрих-Александра, Эрланген – Нюрнберг (Германия)
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
<i>И. Я. Кантеров</i>	доктор филос. наук, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогического государственного университета
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
<i>Г. С. Егорова</i>	кандидат ист. наук, доцент
кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н. И. Горская, Д. О. Федотов

Местная администрация и земство в деле проведения
судебной реформы 1864 года (на материалах Смоленской губернии) 7

А. А. Зданович

Продукт революционного экспромта (к вопросу о создании
Всероссийской чрезвычайной комиссии) 16

А. Н. Гребенкин

Повседневная жизнь воспитанников военно-учебных заведений
России в период революции и Гражданской войны 27

А. Ю. Сизова

Общественно-политическая деятельность профессоров
и преподавателей высших учебных заведений в 1917 г. 34

И. И. Нечаева, В. С. Щитко

Революционные процессы в социокультурной трансформации России 48

ФИЛОЛОГИЯ

И. А. Костылева

Поэтика импрессионизма в русской литературе серебряного века
(Б. Зайцев и Е. Замятин) 54

И. В. Мотеюнайте

«Мужество в решении вопроса»: о рецензии С. Н. Дурылина
на «Тихие думы» С. Н. Булгакова 61

А. В. Марков

Киноэкранный романс в «романсе» Марии Степановой «Памяти памяти» 69

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Аринин, В. С. Мартиросян

Парадоксы термина «верующий» в контекстах
отношений России и Армении 77

П. А. Белоусов

Православная религиозность в семантическом контексте
экономический аспект: этико-антропологические аспекты 87

М. Л. Хижий, В. Б. Диесперов

Возникновение движения «непоминающих» в 1927 – 1945 гг.
в Православной Церкви 96

Сведения об авторах 102

CONTENTS

HISTORY

N. I. Gorskaya, D. O. Fedotov

Local Administration and Zemstvo in the Judicial Reform of 1864
(Case-Study: Smolensk Province) 7

A. A. Zdanovich

Product of Revolutionary Impromptu (Approaching the Problem
of Creation of the All-Russian Extraordinary Commission) 16

A. N. Grebenkin

Everyday Life of Students of Russian Military Schools during
the Revolution and Civil War 27

A. Y. Sizova

Social and political activity of professors and teachers
of higher educational institutions in 1917 34

I. I. Nechaeva, V. S. Tschitko

The Revolutionary Processes in Sociocultural Transformations of Russia 48

PHILOLOGY

I. A. Kostyleva

Poetics of Impressionism in the Russian Literature of the Silver Age
(B. Zaitsev and E. Zamyatin) 54

I. V. Moteiunaite

«Courage in Addressing the Issue»: S. N. Durylin's Review
of «Quiet Thoughts» by S. N. Bulgakov 61

A. V. Markov

Film Ekphrasis in the «Romance» «In Memoriam of Memory»

by Maria Stepanova 69

PHILOSOPHY

E. I. Arinin, V. S. Martirosyan

Paradoxes of the Term «Believer» in the Context

of Russian-Armenian Relations 77

P. A. Belousov

Orthodox Religiosity in the Semantic Context of Economocentrism:

Ethical-Anthropological Aspects 87

M. L. Khizhiy, V. B. Diesperov

The Emergence of the «Non-Mentioning in Prayers» Movement

in the Orthodox Church in 1927 – 1945 96

Contributors 102

УДК 9 (С) 16

Н. И. Горская, Д. О. Федотов

МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ЗЕМСТВО В ДЕЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена подготовке и проведению судебной реформы 1864 г. на территории Смоленской губернии. Основным содержанием судебной реформы 1864 г. было создание окружного и мировых судов, которое на территории Смоленской губернии прошло в два этапа. Авторы раскрывают процесс упразднения уездных судов, создания мировых судов и судебных институтов Смоленского окружного суда. Большую роль в проведении судебной реформы 1864 г. сыграли местная администрация и местное земство.

Ключевые слова: Великие реформы; судебная реформа 1864 г.; Смоленская губерния; мировой суд; Смоленский окружной суд; судебные следователи; присяжные заседатели.

В общественной жизни России 1860-х гг. глубокий след оставила реализация судебной реформы 1864 г. В губерниях и уездах России к отбору кадров на судебные должности и решению других организационных вопросов, связанных с введением сословного, равного и демократического судопроизводства, были привлечены земские учреждения и местная администрация.

Оценивая состояние дореформенной судебной системы, министр внутренних дел С. С. Ланской говорил, что для дореформенной системы правосудия было характерно такое состояние, при котором «администрация ездила на юстиции» [19, с. 26]. В досоветской и советской исторической литературе

утвердилось мнение о неэффективности и коррумпированности судебной системы первой половины XIX века [17, с. 1 – 180; 15]. Историки называли такие пороки дореформенных судов, как «отсутствие гласности, канцелярщина, бесконечная волокита, административно-полицейский произвол», сочетающиеся с сословностью [18, с. 499].

Отмена крепостного права еще острее обнажила недостатки старого судопроизводства. С одной стороны, значительно увеличился приток судебных дел, что объясняется переломом в социальных отношениях в смоленской деревне; с другой – большое число дел осталось нерассмотренными из-за срывов судебных заседаний, рассмотренные дела не приводились в исполнение,

делопроизводство велось нерегулярно и с большими нарушениями [27]. В 1865 г., накануне введения новых судов, в Смоленской губернии из 11 000 судебных решений не исполнено было более 2 500, т. е. 22,7 %. В каждом из 12 уездов не исполнялось по 230 решений [25, с. 36]. Большие «непорядки» в отношении разбора судебных дел наблюдались и в отделениях полиции, которая жила в ожиданиях полицейской реформы [13, Л. 2].

На полный беспорядок, царивший в уездных судах, указывали ревизии смоленского губернского прокурора. Ревизия Краснинского уездного суда обнаружила вопиющие недостатки: крайнюю медлительность делопроизводства, задержки кормовых денег для арестантов, фактический развал судебного архива, неявку дворянских заседателей [Там же, Л. 21, 23, 24]. Эти недостатки имели не только системный, но и ситуативный характер. Администрация губернии и прокуратура не принимали никаких мер к изменению положения в старых судах, а готовились к их ликвидации.

После утверждения Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в правительственных кругах обсуждался порядок их реализации. При обсуждении вопроса о порядке реализации судебной реформы пришлось считаться «с практическими затруднениями и возражениями, которые встречались на каждом шагу» [18, с. 44]. К таким практическим «затруднениям» следует отнести финансовое обеспечение реформы. Как известно, со времени Крымской войны Россия переживала финансовый кри-

зис, а проведение реформ требовало от государства новых финансовых вливаний. Период подготовки к введению Судебных уставов, охвативший более года, проходил в острых спорах внутри лагеря реформаторов по поводу времени и объема введения новых судов [16, с. 53 – 69].

Как известно, реализация судебной реформы 1864 г. началась в апреле 1866 г. открытием новых судов в Московской и Санкт-Петербургской губерниях. Смоленская губерния была отнесена во вторую очередь проведения реформы [21]. На ее территории реформа проводилась в два этапа: сначала были созданы мировые судебные учреждения, а затем окружной суд. В краеведческой литературе два этапа реализации реформы на Смоленщине трактуют по-другому, понимая под первым этапом упразднение дореформенных уездных судов (17 января 1867 г. – лето 1869 г.), а под вторым – создание новых судов [14, с. 36, 47]. Такое деление, как нам представляется, не является корректным, поскольку ликвидация уездных судов носила характер подготовительных работ.

Основные различия между двумя этапами как с точки зрения проведения реформы (субъекты проведения, финансирование), так и содержания реформы (подсудность, судебный процесс) заключались в наличии двух ветвей новой судебной системы: мировой и общей юстиции. Поэтому первый период проведения реформы в Смоленской губернии включал в себя процесс создания мировых судов, а второй – окружного суда.

Мировые суды, которые открылись раньше, создавались усилиями местной администрации и земства. С 1867 г. начались предварительные мероприятия по введению новых судов в губернии. Они заключались в упразднении части уездных судов. Правовой основой этих мер были приняты в 1867 г. «Правила об упразднении некоторых уездных судов губерний Астраханской, Вологодской и Смоленской» [23]. В Смоленской губернии упразднялось семь судов (Поречский, Краснинский, Юхновский, Сычевский, Гжатский, Духовщинский, Ельнинский), а их дела передавались другим уездным судам. Поречский и Краснинский суды со всем делопроизводством присоединялись к Смоленскому уездному суду; Юхновский, Сычевский и Гжатский – к Вяземскому уездному суду; Духовщинский уездный суд – к Бельскому уездному суду, а Ельнинский – к Дорогобужскому [3, Л. 2].

Одна из задач, стоявших перед местной администрацией и земством, состояла в подборе кадров для новых судов. Укрупнение уездных судов неизбежно влекло отставку судей прежних судов, многие из которых выражали желание продолжить службу в мировых судах. В канцелярию смоленского губернатора поступали прошения о предоставлении уволенным судебным чиновникам новых мест. Их имена вносились в списки кандидатов для мировых или общих судов, а затем и фигурировали среди судебных чиновников губернии. Большую роль в подборе судебных кадров играл исполняющий обязанности губернского проку-

рора Ф. Т. Дерюжинский, который рекомендовал себя поборником новых судов. В его обязанности как раз и входил «отбор» кандидатов из чиновников старых судебных мест (по «служебным и нравственным качествам») на судебные должности в новых судах [4, Л. 124, 133].

Для проведения реформы, как и повсеместно, в Смоленской губернии были созданы специальные (особые) губернское и уездные присутствия. Уездные присутствия в трехмесячный срок обязаны были составить списки лиц, имеющих право быть мировыми судьями, а в пятимесячный срок разделить территории уездов на мировые участки [6, Л. 1]. Списки кандидатов в мировые судьи должны были быть направлены в губернское присутствие «не позже сентября» и не позже декабря опубликованы «во всеобщее обозрение» в «Смоленских губернских ведомостях» [Там же, Л. 1 об.]. Занимаясь определением количества судебно-мировых участков и их границ в пределах того или иного уезда, уездные присутствия должны были учесть местные интересы, а затем передать свои соображения на заключение губернского присутствия. По плану Министерства юстиции выборы мировых судей Смоленской губернии должны были состояться в декабре 1868 г. [Там же].

В уездные присутствия вошли представители местной уездной администрации и земского самоуправления. Помимо предводителя дворянства в уездных присутствиях заседали члены земской уездной управы, городской голова, мировые посредники данного

уезда, уездный судья и уездный исправник [22, ст. 12]. Большое место в этой работе отводилось уездной полиции. Уездные исправники не только вошли в присутствия, но и по наставлению губернатора должны были активно участвовать в их работе, оказывать «возможные содействия успешному доставлению необходимых сведений» [6, Л. 8 об.]. Исправники вели наблюдение за благонадежностью лиц, включенных в списки, и в случае необходимости докладывали губернатору. Так, из рапорта гжатского исправника следовало, что гжатское присутствие включило в списки «бывшего студента Московского университета» Владислава Шредерса, «подчиненного секретному полицейскому надзору». Однако, по мнению исправника, Шредерс «во время пребывания в уезде не обнаружил никаких предосудительных действий». В ответ из губернской канцелярии в Гжатск была направлена справка, из которой следовало, что 30 сентября 1868 г. он был «освобожден от надзора» [Там же, Л. 49 – 49 об.]. Как покажет время, В. Д. Шредерс станет одним из самых авторитетных мировых судей Смоленской губернии и будет служить участковым мировым судьей Гжатского уезда до начала 1890-х гг. [11, Л. 1 – 1 об.]

Особые присутствия в уездах стали открываться немедленно с получением губернаторского предписания от 30 июля 1868 г. В августе 1868 г. они действовали во всех уездах Смоленской губернии. Например, в Гжатске подобное присутствие было открыто 2 августа 1868 г., в Сычевском уезде –

4 августа, в Бельском уезде – 5 августа, в Вязьме – 9 августа, в Юхнове – 13 августа 1868 г. [6, Л. 18, 33 – 36].

В начале сентября 1868 г. в губернское присутствие стали поступать первые данные о кандидатах в мировые судьи и предложения по разделению уездов на мировые судебные участки. Первым подобные сведения предоставило особое присутствие Бельского уезда, которое уже 5 августа выслало их в губернский центр; последним – 6 ноября 1868 г. – гжатское присутствие [Там же, Л. 33, 59, 67, 68].

Губернское совещание открылось 18 сентября 1868 г. Оно заседало под председательством губернатора с участием губернского предводителя дворянства, членов губернской земской управы, губернского прокурора, председателей и товарищей палат гражданского и уголовного суда, а также чиновников губернских присутствий [22, ст. 19]. Губернское совещание осуществляло общий контроль над работой уездных присутствий. Сюда поступали жалобы о невозможности баллотироваться тем или иным лицам, о неправильном внесении в избирательные списки тех или иных лиц [8, Л. 44 – 44 об.].

Именно уездные присутствия выполняли основной объем работы по введению судебной реформы в действие. Вместе с тем в работе присутствий имелись и недостатки. Губернское присутствие не всегда вовремя выполняло предписания центральной власти. Так, в «Смоленских губернских ведомостях» не были опубликованы однообразные формы для заполнения сведений о лицах, которые пре-

тендовали на должности мировых судей [8, Л. 71]. В Юхновском уезде в работе присутствия не участвовали мировые посредники, что было нарушением закона. Сычевское присутствие, в свою очередь, затруднялось разъяснить права уездному исправнику, становым приставам, членам ратуши, пожелавшим быть внесенными в списки по избранию мировых судей [6, Л. 46]. Эти недостатки не могли сказаться сколько-нибудь существенным образом на проведении реформы, но в некоторой степени осложняли работу уездных присутствий и показывали, что члены присутствий в недостаточной степени были ознакомлены с правовыми актами по проведению реформы.

Смоленское губернское присутствие провело два заседания: 18 сентября и 18 ноября 1868 г. Их главной задачей было рассмотрение предложений о разделении уездов на мировые участки. Списки лиц, «имеющих право» на занятие должности мировых судей, направлялись губернатору. Однако губернскому присутствию пришлось заниматься и кандидатами в мировые судьи. Оно рассмотрело несколько случаев «недоразумений», споров о правильности внесения кандидатов в списки, поступивших прямо из уездных присутствий и из канцелярии смоленского губернатора Н. П. Бороздны [5, Л. 1, 2, 2 об., 3, 19, 33]. Заинтересованность смоленских помещиков в «правильности» списков свидетельствует об осознании местным дворянским обществом значимости судебной реформы.

18 ноября 1868 г. особое присутствие Смоленской губернии по выбору мировых судей рассмотрело спорные дела по поводу «могущих баллотироваться в мировые судьи» и утвердило разделение уездов на мировые участки. Судебно-мировые участки были городскими, смешанными и сельскими. Число городских и смешанных участков было невелико – 13 единиц; остальные 37 судебно-мировых участков должны были располагаться в сельской местности, а земство – решить вопрос об устройстве (наем, отопление, ремонт) камер мирового судьи. За неимением подходящих казенных помещений в конце 1860-х гг. в сельской местности камеры судей располагались в волостных правлениях или в имениях дворян, получивших должности судей, в уездных городах – в зданиях уездных управ.

Губернское присутствие увеличило число мировых участков на семь единиц по сравнению с предложениями Министерства юстиции, которое в 1866 г. организовало сбор судебно-статистических сведений по Смоленской губернии. Оно увеличило на три единицы количество мировых участков в самом большом по территории Бельском уезде и по одному участку добавило в Духовщинском, Поречском, Гжатском и Рославльском уездах. Увеличение числа мировых участков можно объяснить стремлением местных властей как можно лучше справиться с задачей проведения реформы и обеспечить доступность суда. К тому же было ясно, что мировыми судьями будут в большинстве своем

дворяне, заинтересованные как в получении жалованья мирового судьи, так и в лучших условиях работы.

Следующим шагом на пути введения мировых судов в Смоленской губернии стало проведение уездных земских собраний, которые выбрали мировых судей и утвердили количество и границы мировых участков. 14 декабря 1868 г. губернатор Н. П. Бороздна уведомил уездное начальство о необходимости проведения чрезвычайных уездных земских собраний [6, Л. 67].

С 4 по 12 января 1869 г. в Смоленской губернии прошли чрезвычайные уездные земские собрания [Там же, Л. 98 – 131]. Уездные собрания, которым предстояло финансировать мировых судей, сократили общую цифру судебно-мировых участков в губернии до 45, вместо 50, как полагало особое губернское присутствие. В мае 1869 г. прошли первые съезды мировых судей, на которых после принятия присяги утвержденными Сенатом судьями были распределены судебно-мировые участки, избраны председатели и непременные члены мировых съездов.

Таким образом, процесс создания мировых судов в Смоленской губернии охватил почти год: с июля 1868 г., когда в губернии было получено предписание правительства о введении судебно-мировых учреждений, до мая 1869 г., когда прошли первые съезды мировых судей, распределившие судебные участки. В мае 1869 г. мировые судьи Смоленской губернии приступили к исполнению своих обязанностей.

Одновременно с процессом создания мировых судов продолжались под-

готовительные работы по введению в Смоленске окружного суда и судебных институтов, призванных обеспечить судебный процесс в окружном суде: судебных следователей, прокуратуры, суда присяжных.

В 1860 г. в России появился «предшественник» новой судебной системы – институт судебных следователей [26]. Автором реформы судебных следователей считается один из «отцов» судебной реформы, выдающийся судебный деятель эпохи реформ Н. И. Стояновский. Судебные следователи были независимыми от администрации. Создание этого института до отмены крепостного права исследователи связывают с опасениями роста антиправительственных выступлений после обнародования крестьянской реформы [20, с. 531]. Однако этот прогрессивный институт не мог в полной мере проявить себя в дореформенной судебной системе. Судебные следователи Смоленской губернии работали в условиях постоянного роста преступности, нехватки финансирования и противодействия полиции. На первых порах деятельности института судебных следователей в Смоленской губернии возникали трудности с поиском кандидатур на эти должности. Из 15 кандидатов, предложенных в январе 1864 г. смоленским губернатором министру юстиции для назначения на должность судебного следователя, лишь шестеро полностью и трое с оговорками подходили под предъявляемые законодательством требования. Правда, остальные кандидаты обладали определенным опытом для работы в предвари-

тельном следствии [3, Л. 6, 7, 26, 27]. Перед реформой в 12 уездах Смоленской губернии существовало 23 судебно-следственных участка, следователи которых вошли в состав Смоленского окружного суда. Восемь уездов Смоленской губернии (Поречский, Рославльский, Юхновский, Краснинский, Вяземский, Гжатский, Духовщинский, Ельнинский) имели по два следственных участка; Сычевский и Дорогобужский уезды – по одному [25, с. 15 – 16].

Важнейшим элементом общих судебных мест была прокуратура. 30 июня 1868 г. Правительствующий сенат возложил на товарищей губернских прокуроров обязанность по подготовке проектов по разделению губерний на прокурорские участки. Исполняющий обязанности смоленского губернского прокурора Ф. Т. Дерюжинский предложил разделить Смоленскую губернию для прокурорского надзора на пять участков и подыскал на должности товарищей прокуроров местных чиновников. Через полгода Сенат утвердил шесть прокурорских участков в районе деятельности Смоленского окружного суда: Смоленско-Поречский, Рославльско-Краснинский, Бельско-Духовщинский, Дорогобужско-Ельнинский, Вяземско-Юхновский и Гжатско-Сычевский участки [7, Л. 12 – 13].

С 1 января 1869 г. шла работа по составлению списков присяжных заседателей для рассмотрения уголовных дел в окружном суде [12, Л. 5]. Некоторые комиссии были созданы уже в 1869 г., как например, комиссия Дорогобужского уезда, работавшая 12 – 19 января 1869 г. [10, Л. 6]. Общий список

присяжных заседателей по Смоленской губернии был готов к открытию Смоленского окружного суда 15 декабря 1870 г. Его утвердил губернатор Н. П. Бороздна [24].

10 августа 1870 г. в Смоленск приехала ревизия во главе со старшим председателем Московской судебной палаты, сенатором князем А. Н. Шаховым. В его задачу входило ознакомление с первым опытом деятельности мировых судебных учреждений и следователей и надзор за сохранностью архивных дел старых судов. Скорее, это была не ревизия, а помощь центра в проведении судебной реформы на местах [9, Л. 4]. В результате ревизии сенатора Шахова центральная власть отказалась от планов превращения Смоленска в центр судебной палаты. Смоленский судебный округ с окружным судом был присоединен к Московской судебной палате.

Смоленский окружной суд открылся 16 ноября 1870 г. На церемонии открытия присутствовали губернатор Н. П. Бороздна, губернский предводитель дворянства С. С. Иванов, члены окружного суда и многие мировые судьи. Суд открыл недавно ревизовавший судебные учреждения губернии председатель Московской судебной палаты, тайный советник А. Н. Шахов, специально приехавший в Смоленск по этому случаю. В своей речи Шахов вспомнил исторические заслуги Смоленска в российской истории и «древние традиции справедливости» [1, Л. 101]. Шахов высоко оценил подготовительные мероприятия и процесс введения новых судов в Смоленской

губернии. В своей речи он выразил убеждение, что реформирование судебной системы «увенчается полным успехом и принесёт благие последствия». Специально обратившись к судьям, председатель Московской судебной палаты назвал их «представителями новой судебной власти», на долю которой выпала честь «гласно вершить суд правый, скорый и милостивый» [24]. Первым председателем Смоленского окружного суда стал И. С. Тур (1870 – 1871 гг.), первым прокурором – А. Н. Попов (1870 – 1872 гг.) [2, Л. 5 об. – 7, Л. 151, 152].

Таким образом, состояние судебного дела в Смоленской губернии в дореформенное время требовало создания новой судебной системы. Отмена крепостного права и образование земских учреждений увеличили эту потребность и одновременно создали необходимые условия для реализации реформы, построенной на принципах всеобщности и выборности. Основным содержанием судебной реформы было создание мировых и окружных судов. Большую роль в проведении реформы сыграла администрация Смоленской губернии и Смоленское земство.

Библиографические ссылки

1. Смоленские прокуроры: Страницы истории, проблемы, судьбы / Е. А. Агарков [и др.]. Смоленск, 2001. 263 с.
2. Выдря М. М., Гинев В. Н. Судебная система дореволюционной России // А. Ф. Кони. Собр. соч. Т. 1. М., 1966. 499 с.
3. ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 1. Оп. 4. 1864. Д. 11.
4. Там же. 1866. Д. 89.
5. Там же. Оп. 5. 1868. Д. 58.
6. Там же. Д. 183.
7. Там же. 1869. Д. 163.
8. Там же. Д. 166.
9. Там же. 1870. Д. 91.
10. Там же. 1871. Д. 94.
11. Там же. Ф. 1. Оп. 5. 1875. Д. 3.
12. Там же. Оп. 61. 1860. Д. 141.
13. Там же. Оп. 63. 1864 г. Д. 261.
14. Горская Н. И. Выборный мировой суд России второй половины XIX века. Смоленск, 2008. 200 с.
15. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 109. Оп. 41. Д. 259.
16. ГАСО. Ф.1. Оп. 4. 1861. Д. 8.
17. Давыдов Н. А., Полянский Н. Н. Судебная реформа 1864 – 1914 гг. М., 1915. Т. 1. С. 1 – 180.
18. Джаншиев Г. А. Судебная реформа // Эпоха великих реформ. Т. 2. СПб., 1907. 900 с.

19. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. 184 с.
20. Мамонтов А. Г. Социально-политические мотивы формирования института судебных следователей в России // В. М. Курицын. Концепции истории государства и права. М., 2008. 562 с.
21. О введении мировых судебных установлений в губерниях Вятской, Казанской, Костромской, Олонецкой, Пензенской, Самарской, Саратовской, Сибирской, Смоленской, Тамбовской, Черниговской от 30 июня 1868 г. // Полное собрание законов Российской империи-II (далее ПСЗ). Т. 43. № 46061.
22. Положение о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. от 19 октября 1865 г. // ПСЗ-II. Т. 40. № 42 587.
23. Правила об упразднении некоторых уездных судов губерний Астраханской, Вологодской и Смоленской // ПСЗ-II. Т. 42. Отд. 1. № 44137.
24. Смоленские губернские ведомости. 1871. № 48.
25. Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. (по 32 губерниям). Ч. 1. СПб., 1910. С. 454.
26. Учреждение судебных следователей // ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 1. № 35890.
27. Цебриков М. М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба // Смоленская губерния. Т. 21. СПб., 1862. Прил. 6.

N. I. Gorskaya, D. O. Fedotov

LOCAL ADMINISTRATION AND ZEMSTVO IN THE JUDICIAL REFORM OF 1864 (CASE-STUDY: SMOLENSK PROVINCE)

The article is dedicated to the analysis of preparation and implementation of the judicial reform of 1864 on the territory of Smolensk province. The main content of the judicial reform of 1864 was the creation of district and magistrate courts, which was implemented in two stages. The authors reveal the processes of abolition of county courts, the creation of magistrate courts and judicial institutions of the Smolensk district court. A major role in the judicial reform of 1864 was played by the local administration and local zemstvo.

Keywords: Great reforms; judicial reform of 1864; Smolensk province; magistrate courts; Smolensk district court; judicial investigators; jurors.

**ПРОДУКТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭКСПРОМТА
(К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ)**

В статье рассматривается вопрос о предпосылках и условиях создания в России специального органа по борьбе с контрреволюцией. В теоретических работах К. Маркса, а затем и В. Ленина не предусматривалось учреждение каких-либо специальных служб и регулярной армии. Однако сразу после прихода к власти большевики столкнулись с необходимостью бороться с контрреволюционными проявлениями. Приходилось импровизировать по ходу развития событий. В итоге несколько следственных комиссий разной подчиненности были упразднены и создана Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совнаркоме.

Ключевые слова: Октябрьская революция; Совет народных комиссаров; Петроградский военно-революционный комитет; контрреволюционные проявления; следственные комиссии; Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК).

Даже при самой демократической системе смены власти в той или иной стране путем выборов меняются, как правило, ключевые фигуры государственного аппарата управления. Значительно более радикально этот процесс происходит при государственном перевороте, а тем более после совершившейся революции. Что же касается основных управленческих структур в финансово-экономической сфере, то их стараются сохранить, дабы не допустить резких сбоев в промышленном и сельскохозяйственном производстве. В итоге можно получить недовольство населения, а то и сопротивление новым властям.

Иную картину после государственного переворота и революции мы наблюдаем в правоохранительной сфере. И если к судебной системе и прокуратуре применимо решение о их постепенной реформе, то органы полиции и

аппараты обеспечения государственной безопасности подвергаются резким трансформациям, а то и полному демонтажу – уничтожению. Февральская и Октябрьская революции в России – яркий тому пример. В первом случае уже через несколько дней после смены власти были приняты соответствующие законодательные акты о ликвидации Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции МВД и всех подчиненных ему структур. Здесь особо следует выделить уничтожение системы отделений по охране общественной безопасности. Личный состав всех этих государственных органов подвергался гонениям, многие сотрудники были арестованы, а отдельные просто бессудно убиты. Частично была сожжена служебная документация, разграблены оперативные архивы. Все это происходило не только в столице, но и во многих губернских городах.

В достаточно короткий промежуток времени пришло осознание того, что позднее сформулирует В. И. Ленин: «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...» [16, с. 138 – 139]. Члены Временного правительства верно оценили пагубность сложившейся ситуации, когда отсутствует некая «иммунная система власти», и предприняли попытки реанимировать структуры обеспечения внутренней безопасности страны. Делалось это на новой организационной и кадровой основе и, казалось бы, сулило нужный эффект. Но дальнейшее развитие событий не оставило шансов на завершение начатой было работы.

После Октябрьской революции то, что успело предпринять Временное правительство, вновь, как это произошло в феврале 1917 г., было разрушено. Здесь сработал не принцип революционной целесообразности, а теоретические воззрения большевиков, базировавшиеся на некоторых выводах основоположников их идеологии – К. Маркса и Ф. Энгельса. Они, в частности, отмечали, что завоевавшему политическую власть рабочему классу придется, скорее всего, вести оборонительную войну. Ведь классовая борьба не исчезнет и придется применять меры насилия, чтобы подавить сопротивление свергнутых классов [20, т. 18, с. 611]. Революции без контрреволюции быть не может – это усвоил и В. Ленин. Вместе с тем, как и его учителя, глава большевистской партии считал, что после уничтожения старой государственной машины для подавления сопротивления классовых врагов не нужно создавать какие-либо специальные

органы и необходимые оборонительные действия предпримет вооруженный народ и народная милиция. Лозунг «всеобщего вооружения народа» был программным требованием всех марксистов. Данное положение было включено в программу РСДРП, принятую еще в 1903 г. на Втором съезде партии [15, с. 62]. Но реальная практика властвования очень быстро «приземлила» большевиков-руководителей. Теоретическая модель «вооруженного народа» в российских условиях того времени оказалась полнейшей абстракцией.

Почти на 4 месяца раньше, чем большевики приступили к созданию Красной армии для защиты от внешнего врага, им пришлось незамедлительно учреждать разного рода комиссии, которым предстояло организовать противодействие внутреннему врагу: погромщикам, саботажникам, бандитам, а главное – контрреволюционерам. А ведь еще 12 октября 1917 г. (по старому стилю) всего за две недели до Октябрьского переворота в разработанной структуре образованного при Петроградском Совете Военно-революционного комитета (ПВРК) как органе подготовки и проведения вооруженного восстания не предусматривалось какого-либо специального аппарата по борьбе с контрреволюцией [9].

Но, тем не менее, уже в последних числах октября в рамках ПВРК была создана Следственная (Военно-следственная) комиссия (СК – ВСК), более известная в исторической литературе как «75-я комната Смольного». В данной комиссии трудились активные члены РСДРП(б): П. А. Красиков, Н. В. Крыленко, Б. Д. Мандель-

баум, П. И. Стучка, М. С. Урицкий, Я. С. Шейкман [8, с. 51]. В ряде расследований СК – ВСК принимал участие юрист по образованию, член большевистской партии с 1905 г., бывший подпоручик А. И. Тарасов-Родионов [29]. Первоначально председателем Следственной комиссии (иногда обозначаемой как Следственно-юридический отдел ПВРК) утвердили Я. Шейкмана, но уже через несколько дней этот пост занял П. И. Стучка, окончивший юридический факультет университета. Общее руководство работой СК осуществлял член ВРК и военно-революционного центра большевистской партии, глава ее секретариата Я. М. Свердлов.

Параллельно со Следственной комиссией ПВРК в российской столице функционировала аналогичная комиссия при Петроградском совете. Ее председателем был назначен выпускник юридического факультета Московского университета, член большевистской партии с 1900 г., М. Ю. Козловский [10, с. 263]. Специально подчеркну, что П. Стучка, П. Красиков и А. Тарасов-Родионов имели юридическое образование.

В самом начале декабря 1917 г. в газете «Известия ЦИК» появилось объявление о том, что Петроградский совет учредил пост «Чрезвычайного военного комиссара по охране Петрограда». Этим комиссаром стал большевик Г. И. Благодеров. Ему предписывалось «уничтожить винные склады, очистить Петроград от хулиганских и контрреволюционных банд, разоружить и арестовать бесчинствующих» [11]. Отмечу, что этот большевик тоже имел правовую (обучался на юридическом факультете Московского университета),

а плюс к тому еще и военную подготовку (окончил школу прапорщиков).

Исходя из текста постановления Народного комиссариата юстиции от 16 декабря 1917 г., определявшего порядок арестов и иных следственных действий, можно утверждать, что на этот период, т. е. с конца октября и до середины декабря 1917 г., в Петрограде функционировали Следственная комиссия при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, следственные комиссии при районных советах, Следственная комиссия при Революционном трибунале, некие специальные следственные комиссии, включая военно-морскую, Комитет по борьбе с погромами при Центральном исполнительном комитете Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (бывшая военно-следственная комиссия ПВРК – «75-я комната») и Всероссийская чрезвычайная комиссия, созданная 7 декабря [12]. Здесь следует отметить, что борьбой с контрреволюционными проявлениями помимо решения других задач занимались практически все из перечисленных учреждений. Параллелизм налицо.

В разрезе вопросов, непосредственно связанных с образованием Всероссийской чрезвычайной комиссии, но которых коснемся ниже, важно еще раз подчеркнуть, что личный состав Следственной комиссии с самого начала состоял из большевиков, причем с многолетним партийным стажем. Возможно, несколько рядовых комиссаров СК ПВРК являлись левыми эсерами. Однако мне не удалось найти (по крайней мере в доступной исторической литературе) упоминания о левых эсерах – сотрудниках «75-й комнаты».

Известно, что члены этой партии были отозваны своими партийными вождями из всех подразделений ПВРК уже 22 октября 1917 г. И если в состав Совета народных комиссаров левые эсеры возвратились в начале декабря, то в работе ПВРК (включая и Следственную комиссию) не принимали участия до конца его существования.

Некоторые авторы исторических исследований пытаются доказать, что большевики сознательно выдавливали своих политических оппонентов из разного рода структур, в задачи которых входила борьба с контрреволюционными проявлениями [17, с. 346; 12]. Одним из первых эту мысль высказал американский историк Л. Герсон [34, с. 23]. Этому автору поддержал профессор МПГУ С. В. Леонов [18, с. 72]. Чтобы подкрепить свои выводы, я бы сказал – предположения, последний дает ссылку на текст, написанный заместителем председателя ВЧК М. И. Лацисом в закрытом издании «Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности». [21, с. 8]. Однако опытный исследователь по какой-то причине не придавал значения тому факту, что упомянутый отчет был напечатан в год проведения открытого судебного процесса над правыми эсерами (1922 г.) и ждать от М. Лациса другого вывода относительно левых эсеров не приходилось. Ведь до Февральской революции 1917 г. эсеры были едины, а левые создали свою партию (ПЛСР) только в конце ноября [24, с. 442]. Аналогичным с С. Леоновым образом поступил и американский историк А. Рабинович. Он тоже дает ссылку на М. Лациса и тоже не связывает слова этого чекиста с судебным процессом [27, с. 139 – 140].

Опубликованные документы, а также изученные мной материалы архива ФСБ России, относящиеся к периоду с октября по декабрь 1917 г., не дают почвы для подтверждения вывода указанных выше ученых-историков. Элементы межпартийной борьбы, безусловно, имели место, но это не представляется решающим фактором при формировании кадров различных следственных комиссий, включая и ВЧК. Наоборот, создается впечатление, что в указанные органы направляли тех, кто, что называется, были под рукой, а не по принципу партийной принадлежности.

В подавляющем большинстве партийцы-эсеры, кстати говоря, не расходились с большевиками в вопросе подавления контрреволюционных проявлений. Чего стоит, к примеру, факт издания приказа № 1 назначенным в конце октября 1917 г. начальником обороны Петрограда левым эсером подполковником М. А. Муравьевым. Согласно тексту данного приказа рабочим предоставлялось право на месте без суда и следствия расправляться с заподозренными в контрреволюции лицами, т. е. допускался самосуд [28, с. 56]. При этом следует, конечно же, различать подход к осуществлению репрессий конкретных деятелей партии левых эсеров и подход, выраженный в разного рода резолюциях центральных партийных органов ПЛСР. Представители этой партии зачастую спорили с большевиками лишь по вопросу о том, кого относить к контрреволюционерам, в каком объеме использовать следственные и судебные процедуры, а также о применении тех или иных мер наказания, особенно смертной казни. Левые эсеры, назначенные в наркомат

юстиции, и прежде всего сам нарком И. З. Штейнберг не меньше, чем большевистские руководители стремились взять под контроль следственные аппараты и проводить через них собственные взгляды относительно борьбы с контрреволюционными элементами. Если мы посмотрим, что происходило в последующие годы, когда эсеров уже удалили из всех ведущих государственных учреждений, то можно однозначно утверждать, что дело было совсем не в партийной принадлежности при комплектовании кадров и определении полномочий оперативно-следственных органов. Налицо было постоянное наличие компонента конфликтности во взаимодействии оперативно-розыскных и следственных органов с надзирающими инстанциями в лице наркомата юстиции и прокуратуры. Но это тема отдельного исследования.

С. Леонов и А. Рабинович настойчиво пытаются убедить читателей в том, что в первые месяцы после октябрьской революции, а не после событий конца августа – начала сентября 1918 г. только большевики придерживались линии на максимально жесткие меры (вплоть до расстрелов) в отношении активных противников новой власти – заговорщиков, террористов, организаторов восстаний и саботажников и т. д. Есть много фактов, позволяющих сомневаться в данном утверждении. Обратим, к примеру, внимание на следующий фрагмент воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, близкого в рассматриваемый период к лидеру большевистской партии и председателю Совнаркома В. И. Ленину. «Борясь с пьяными погромами, – писал он, – где совершенно ясно шла контрреволюция

и антисемитская агитация, мы наталкивались ... на все большие доказательства объединения всех антибольшевистских течений... Собрав достаточно много данных, я сделал первый доклад по этому вопросу председателю Совета народных комиссаров. В докладе сами факты подчеркивали, что во главе этого движения стоят кадеты. Владимир Ильич с крайним вниманием выслушал все и с большой придирчивостью стал критиковать данные доклада ... потребовал к себе документы, обосновывавшие и подтверждающие эту часть доклада. Тщательно проверив и прочтя все, ... он не мог не признать, что действительно движение саботажа существует, что оно руководится по преимуществу из одного центра и что этим центром является в большинстве случаев партия к.д. Само собой возникал вопрос: что с этим делать?... Ну, что же, – заговорил он, – ... раз так ... **придется предложить им выехать на годик в Финляндию... Там одумаются...**» (выделено авт.) [1, с. 188]. При всей критичности отношения к писаниям В. Д. Бонч-Бруевича вообще и к точности изложения им многих фактов в частности нельзя не отметить, что даже предложенная В. И. Лениным мера сковывания активности кадетов не была реализована на практике. И только 28 ноября (по старому стилю) 1917 г. на основании декрета СНК кадеты были объявлены «партией врагов народа» со всеми вытекающими из этого последствиями [4, с. 16].

Кстати говоря, партия левых эсеров не предприняла активных действий по блокировке реализации данного декрета, а лишь протестовала «в кабинетах».

Это в своих воспоминаниях признал и бывший нарком юстиции И. Штейнберг [33, с. 48]. Более того, придя в начале января 1918 г. во Всероссийскую ЧК, представители ПЛСР активно проводили в жизнь меры, прописанные в указанном выше декрете.

А теперь возвращусь к событиям, предшествовавшим созданию ВЧК. Несмотря на то что Военно-следственная комиссия Военно-революционного комитета (уже подчинявшегося не Петроградскому совету, а Всероссийскому ЦИК) действовала достаточно эффективно, на заседании ВРК 21 ноября 1917 г. по предложению Ф. Э. Дзержинского принимается решение о создании новой комиссии по борьбе с контрреволюцией (КБКР) [30, с. 8]. Здесь замечу, что, как это не кажется странным, сам Ф. Дзержинский в состав данного органа включен не был. Никто из состава СК – ВСК также не был упомянут в протокольной записи. В руководстве ВРК посчитали необходимым привлечь к работе в комиссии новых лиц, как то: Н. С. Скрыпника, И. П. Флеровского, Г. И. Благоднарова, А. В. Галкина и В. А. Трифонова [31]. Все они были членами большевистской партии, однако только Н. Скрыпник и Г. Благоднаров имели юридическое образование. Надо иметь в виду, что все предложенные в КБКР партработники выполняли в это время иные, не менее важные поручения.

Каких-либо документов, подтверждающих реализацию решения о создании КБКР, мне найти не удалось. Причины, побудившие Ф. Дзержинского выступить с явно непродуманной инициативой и при этом не подвигшие его выдвинуть свою кандидатуру (если,

конечно, она не была отклонена участниками совещания без отражения этого в протоколе), остаются абсолютно непонятными. Сказанное относится и к последовавшему решению ВРК. Иначе как непродуманным экспромтом, продиктованным неким произошедшим в Петрограде случаем, все это назвать нельзя. Исходя из последующих событий, можно лишь предположить, что Ф. Дзержинский озвучил «наказ» близкого ему человека – Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, стремившегося, как известно, упорядочить работу Военно-революционного комитета.

Но в отличие от других отделов ВРК Военно-следственная комиссия действовала достаточно эффективно. На ее счету было расследование дела о восстании юнкеров, поимка скрывшегося из-под надзора бывшего царского министра внутренних дел А. Д. Протопопова; операция по выяснению состава и последовавший арест 27 членов стачечного комитета Союза союзов; проведение следствия над группой офицеров Гатчинской авиационной школы, подозревавшихся в подготовке вооруженных акций против новой власти, а также в отношении нескольких офицеров из Совета союза казачьих войск, признанного контрреволюционным органом; выявление склада оружия в городском лазарете; пресечение саботажных действий начальника милиции Петрограда Н. Иванова. Военно-следственной комиссией проводились активные мероприятия по состоявшему в основном из кадетов «Комитету спасения родины и революции» [22, с. 279]. Удачно была завершена операция по вскрытию организации монархиста В. М. Пуришкевича. Все ее руководители подверглись аресту [23, с. 152].

Безусловно, требовалась чистка среди рядовых сотрудников ВСК и даже удаление некоторых ответственных работников, таких как секретарь комиссии матрос Л. Н. Алексеевский. Он некоторое время даже стал руководить всей оперативно-следственной работой после ухода из ВСК (3 ноября 1917 г.) большевика Я. Шейкмана. Как стало известно в конце декабря, пользуясь своим служебным положением, Алексеевский вымогал взятку за освобождение одного из арестованных [32, с. 20].

В условиях забастовки государственных и банковских служащих, массовых винных погромов, грабежей и иных преступлений в Петрограде вдруг 5 декабря 1917 г. принимается решение о прекращении деятельности и роспуске Военно-революционного комитета, включая, естественно, и его следственный аппарат [14]. Ликвидационной комиссии предлагалось осуществлять лишь экстренные меры по борьбе с контрреволюцией. Комиссии давалось семь дней на проведение необходимой работы, т. е. до 12 декабря. Здесь обращу внимание читателей на значимый, по моему мнению, факт – Ф. Дзержинский не вошел в состав ликвидационной комиссии.

При рассмотрении этого исторического сюжета соглашусь с утверждением профессора С. В. Леонова, что «бытовавшие в историографии объяснения, что ВРК якобы выполнил возложенные на него задачи, явно не соответствуют действительности» [19, с. 343]. Понятно, что были иные причины ликвидации ВРК и, на мой взгляд, прежде всего субъективные.

Историки, изучавшие события первых послереволюционных месяцев, не

раз отмечали сложный характер взаимоотношений этой структуры с Советом народных комиссаров и с самим председателем СНК В. И. Лениным. Но это не относилось к деятельности Военно-следственной комиссии. По крайней мере, это не нашло отражения в сохранившихся документах. Поэтому можно предположить, что для ВСК просто не сделали исключения при роспуске ВРК. Но что интересно, в решении о роспуске ВРК прямо приказывалось Военно-следственной комиссии передать все дела в Военно-революционный трибунал при Петроградском совете. Отсюда вроде бы ясно, что никакого другого органа, подчиненного Совнаркому, вместо ВСК создавать не предполагалось. Напомню – это решение от 5 декабря 1917 г., т. е. за два дня до создания ВЧК. Опубликовано оно было только 7 декабря [15]. Но в сообщении о ликвидации ВРК указывалось следующее: «Военно-революционный комитет, выполнивший свои боевые задачи в дни Петроградской революции и считая, что дальнейшие работы ВРК должны быть переданы отделу по борьбе с контрреволюцией при ЦИК С.Р.С. и Кр. Депутатов» (выделено авт.).

Что же получается? Роспуск ВРК инициировал скорее всего председатель Совнаркома В. Ленин, настойчиво добивавшийся преодоления параллелизма в работе наркоматов и отделов ВРК. Но в структуре СНК не было специального аппарата, который должен был руководить подавлением контрреволюционных проявлений, а следовательно, по данному направлению государственного управления ни о каком параллелизме говорить не прихо-

дится. Тогда напрашивается вопрос: зачем ликвидировали уже достаточно эффективно работающую структуру – Военно-следственную комиссию? Подвергая сомнению доводы историков С. Леонова и А. Рабиновича об эсеровском факторе, побудившем создать ВЧК, еще раз напомним, что ни одного левого эсера якобы, как писал М. Лацис – «плакальщиков за контрреволюционеров» – в ее составе не имелось.

При рассмотрении последующих событий следует иметь в виду роль председателя Всероссийского исполнительного комитета Я. М. Свердлова. О нем ранее не упоминалось в связи с созданием ВЧК. Но ведь именно он вместе с Ф. Держинским входил в Военно-революционный центр большевиков по проведению восстания в Петрограде, составлявший ядро ВРК, осуществлял общее руководство работой Военно-революционного комитета и его Военно-следственной комиссией, подписал постановление о функциях ВРК, среди которых была охрана революционного порядка и борьба с контрреволюцией [25]. Поэтому нельзя исключать, что именно Я. Свердлов настоял на включении в постановление о ликвидации ВРК пункт о создании органа по борьбе с контрреволюцией при ВЦИК как высшем органе власти.

Судя по воспоминаниям управляющего делами Совнаркома В. Бонч-Бруевича, председатель СНК первоначально не думал о создании специального органа по борьбе с контрреволюцией и даже не рассматривал конкретные кандидатуры на пост главы данного ведомства. Вот что писал Владимир

Дмитриевич в своих воспоминаниях: «Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, – якобы заявлял В. Ленин, – который привел бы в порядок расхолодившуюся контрреволюцию» [2, с. 190]. Если доверять написанному В. Бонч-Бруевичем, то ясно, что В. Ленин в ноябре – начале декабря 1917 г. еще не имел конкретных планов по созданию подчиненного Совнаркому органа по борьбе с контрреволюционными проявлениями и не определился с кандидатурой его главы. Можно предположить, что 5 или 6 декабря после ознакомления с решением о роспуске Военно-революционного комитета и, в частности, с пунктом о создании специального аппарата при ВЦИК решил действовать. В. Ленин перехватил инициативу Я. Свердлова и как некую компенсацию председателю ВЦИК предложил близкого к последнему Ф. Держинского на пост председателя Всероссийской ЧК, но создаваемой не при ВЦИК, а при Совнаркоме. В. Ленину было известно, что Ф. Держинский, вероятно рассчитывая получить постоянный и конкретный пост в Военно-революционном комитете, еще 21 ноября предлагал создать в рамках ВРК комиссию по борьбе с контрреволюцией. И это предложение было принято. Однако, как это не кажется странным, соратники Ф. Держинского не только не назначили его на пост главы комиссии, но даже не ввели в ее состав [5, с. 19].

Впервые фамилия Ф. Держинского фигурирует в протоколах заседаний СНК в пунктах, посвященных борьбе с саботажем и контрреволюцией, только 6 декабря 1917 г. Интересно отметить,

что будущий глава ВЧК на заседание Совнаркома приглашен не был, а о состоявшемся решении поручалось довести до него Г. И. Петровскому – народному комиссару внутренних дел. Приведу дословно соответствующий пункт решения СНК: «Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа. К завтрашнему заседанию представить списки членов этой комиссии и мер борьбы с саботажем» [3, с. 18].

Хотелось бы отметить, что в поручении Ф. Дзержинскому прямо не говорится о создании какого-либо органа по борьбе с саботажем. О борьбе с иными контрреволюционными проявлениями вообще не упомянуто. Даже сам термин «контрреволюция» не фигурирует. Ничего нет о создании ВЧК также в написанном лично В. Лениным и направленном Ф. Дзержинскому проекте декрета о борьбе с контрреволюцией и саботажем. Проект данного нормативного акта был подготовлен председателем СНК днем 7 декабря 1917 г., а вечером того же дня Ф. Дзержинский фактически реализовал свое предложение Военно-революционному комитету, сделанное, как мы помним, еще 21 ноября, о создании комиссии

по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Он выступил на заседании СНК не с доработанным проектом ленинского декрета, а с конкретным планом создания Всероссийской чрезвычайной комиссии [7, с. 23]. В связи со сказанным важно подчеркнуть, что Ф. Дзержинский не привлек к участию в рабочей группе никого из числа тех, кто еще позавчера состоял членом Военно-следственной комиссии. Будущий председатель ВЧК пригласил к обсуждению поставленного Совнаркомом вопроса некоторых бывших членов ВРК и других однопартийцев, но не входивших в руководство РСДРП(б). На мой взгляд, сделал он это сознательно, дабы не создалась обстановка, подобная заседанию ВРК 21 ноября, когда реализовать приведенное выше предложение Ф. Дзержинского решили не под его руководством.

Таким образом, на основании изложенного в докладе можно утверждать, что решение о создании Всероссийской ЧК было спонтанным, без какого-либо предварительного плана или даже замысла и во-многом лично мотивированным со стороны В. Ленина и Ф. Дзержинского. Не ставилось цели повести борьбу с контрреволюцией и саботажем независимо от представителей партии левых социалистов-революционеров.

Библиографические ссылки

1. Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. 2-е изд., стер. М., 1931. С. 188.
2. Там же. С. 190.
3. Вооруженное выступление юнкеров произошло в конце октября 1917 г. Оно было организовано «Комитетом спасения Родины и Революции», возглавля-

- емым сторонниками партии социалистов-революционеров, включая и бывшего командующего войсками Петроградского военного округа полковника Г. П. Полковникова. За несколько дней восстание было подавлено.
4. В. И. Ленин и ВЧК : сб. докл. (1917 – 1922 гг.). М., 1987. С. 16.
 5. Там же. С. 19. Авторы комментариев к протоколу заседания СНК 6 декабря 1917 г. ошибочно полагали, что в рамках Военно-революционного комитета существовала комиссия по борьбе с контрреволюцией. Действительно, предложение Ф. Дзержинского о ее создании было рассмотрено руководством ВРК 21 ноября, но на практике не реализовано. Был лишь утвержден ее состав: Н. Скрыпник, И. Флеровский, Г. Благодоров, А. Галкин и В. Трифонов. Продолжала работать Военно-следственная комиссия.
 6. Там же. С. 18.
 7. Там же. С. 23.
 8. Голиков Д. Л. Крушение антибольшевистского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1980. С. 51.
 9. Известия ЦИК. 14 окт. 1917. № 196.
 10. Там же. 16 дек. 1917. № 253 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР : энцикл. / гл. ред. С. С. Хромов. М., 1983. С. 263.
 11. Известия ЦИК. 3 дек. 1917. № 243.
 12. Там же. 17 дек. 1917. № 254.
 13. Известия ВЦИК. 7 дек. 1917. № 245.
 14. Там же.
 15. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов. Т. 1. М., 1983. С. 62.
 16. Ленин В. И. Отчет Центрального комитета 18 марта // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 38. М., 1969. С. 138 – 139.
 17. Леонов С. В. Государственная безопасность советской республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917 – 1922 гг.) // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 346.
 18. *Он же*. Создание ВЧК: новый взгляд // Исторические чтения на Лубянке : сб. ст. М. ; Нижний Новгород, 1999. С. 72.
 19. *Он же*. Государственная безопасность советской республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917 – 1922 гг.) // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 343.
 20. Маркс К., Энгельс Ф. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Полн. собр. соч. В 50 т. Т. 18. М., 1961. С. 611.
 21. Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. Первая организационная часть. М., 1922. С. 8.
 22. Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т. 2. М., 1966. С. 279.
 23. Там же. С. 152.

24. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энцикл. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1996. С. 442.
25. Правда от 13 нояб. 1917.
26. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008.
27. Там же. С. 139 – 140.
28. Там же. С. 56.
29. Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885 – 1938). В 1908 г. окончил юридический факультет Казанского университета. В период Первой мировой войны был мобилизован в армию, окончил офицерские курсы и выпущен в звании подпоручика. Принимал участие в аресте генерала П. Н. Краснова. С 1918 г. в Красной армии на командных должностях. С 1922 г. работал в наркомате юстиции, а затем занялся литературным трудом. В период массовых репрессий был арестован и приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.
30. Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917 – 1926 гг. : сб. докл. М., 2007. С. 8.
31. Там же.
32. Там же. С. 20.
33. Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. М., 2017. С. 48.
34. Gerson L. D. The Secret Police in Lenin's Russia. Philadelphia., 1976. P. 23.

A. A. Zdanovich

**PRODUCT OF REVOLUTIONARY IMPROMPTU
(APPROACHING THE PROBLEM OF CREATION
OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION)**

The article deals with the prerequisites and conditions for the creation in Russia of a special body to combat counterrevolution. In theoretical works by K. Marx and then V. Lenin, there was no provision for the establishment of any special services or regular army. However, immediately after coming to power, the Bolsheviks faced the need to fight counter-revolutionary manifestations. One had to improvise in the course of events. As a result, several investigative commissions of different subordination were abolished and the All-Russian Cheka was established under the Council of People's Commissars.

Keywords: October Revolution; Council of People's Commissars; Petrograd Military Revolutionary Committee; counterrevolutionary manifestations; investigative commissions; The All-Russian Extraordinary Commission.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСПИТАННИКОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

В статье охарактеризованы изменения в повседневной жизни воспитанников российских военно-учебных заведений, вызванные событиями революции 1917 г. и Гражданской войны. Рассмотрено влияние революционных событий на символику и эмблематику военно-учебного ведомства, организацию учебных занятий и отдыха, бытовые условия (помещения, пищу) и неофициальные традиции воспитанников.

Ключевые слова: Российская империя, кадетский корпус, повседневная жизнь, революция, Гражданская война.

Несмотря на относительную изоляцию военно-учебных заведений от окружающего мира, революционный вихрь не мог обойти их стороной. Кадетские корпуса и военные училища, являвшиеся важной составной частью военной организации Российской империи, не только испытывали на себе влияние хаоса событий, вплотную подступавших к их стенам, но и подвергались целенаправленному правительственному воздействию, целью которого была адаптация системы подготовки офицеров к изменившимся политическим и социокультурным условиям.

Февральские события 1917 г. в первую очередь повлекли за собой изменения в символике и эмблематике военно-учебных заведений: из нее исключались «имперские» элементы. Так, в Морском корпусе с погон были сняты вензеля наследника цесаревича – шефа корпуса, а черная ленточка была сшита посередине таким образом, чтобы скрыть «шефскую» часть названия.

Посягательство на традиционную «кадетскую атрибутику» было воспри-

нято воспитанниками крайне болезненно. Один из питомцев Одесского корпуса, носившего имя великого князя Константина Константиновича, вспоминал: «Когда мы получили из цейхгауза обмундирование, ... обнаружили, что на погонах с великокняжеских вензелей были сняты короны. Осталось лишь трафаретное двойное «К». ... Минуты две длилось недоуменное молчание, а затем раздался чей-то ясный голос: «Что это? Корпус Керенского получается? – Никогда!» Появились перочинные ножи, и весь трафарет был соскоблен» [8, с. 276]. Многие кадеты продолжали демонстративно носить вензеля и короны, а под погоны в знак своего сочувствия рухнувшей монархии продевали белые платки.

Столь же трепетным было отношение ко всему, что было связано с царской фамилией. Сохранялись вопреки строжайшим запретам императорские портреты. В 3-м Московском корпусе несколько кадетов, взяв ружья, трое суток простояли у портретов императоров, не позволяя их снять, и остави-

ли свой пост лишь после того, как директор дал обещание перевесить портреты в корпусной музей [2, Л. 4]. На внутренних крышках парт и в крышках карманных часов появились фотографии членов императорской семьи, к портупоям стали крепиться монархические эмблемы в виде двуглавых орлов и императорских корон [12, Л. 1]. Часто во время прохождения колонн демонстрантов мимо зданий корпуса кадеты открывали окна и начинали петь гимн «Боже, царя храни!»

Новые революционные символы отрицались, а при первой же возможности – уничтожались. Кадеты рвали и сжигали красные флаги, срывали банты с демонстрантов, категорически отказывались разучивать «Рабочую Марсельезу». Если кадетов все-таки удавалось выводить на революционный парад, они демонстративно шли не в ногу, шаркали, опускали винтовки в положение «вольно».

Приказ № 1 Петросовета оказал на кадетскую массу эффект, обратный ожидаемому: стремясь в отличие от армейских частей сохранить дисциплину, «все кадеты стали еще более отчетливыми по отношению к своим офицерам-воспитателям и проявляли максимум чиновничества ко всем офицерам» [Там же]. Уроки и строевые занятия шли прежним порядком. Кадеты оставили прежние шалости, и классная дисциплина заметно повысилась. Демонстративно негативное отношение допускалось только к тем преподавателям и воспитателям, которые объявили о том, что являются сторонниками новой власти.

В июле 1917 г. военным министром было утверждено «Положение по учеб-

но-воспитательной части для гимназий военного ведомства», в соответствии с которым кадетские корпуса подлежали не только переименованию*, но и некоторой демилитаризации: роты переименовывались в возрасты, у первой роты отнимались винтовки, строевые занятия отменялись, офицеры-воспитатели заменялись гражданскими воспитателями из числа преподавателей, погоны и звания вице-унтер-офицеров и вице-фельдфебелей упразднены [3, с. 28].

Кроме того, в целях приобщения питомцев гимназий военного ведомства к общественно полезному труду «дядьки» и прислуга увольнялись, и воспитанники должны были сами заниматься уборкой помещений, чисткой одежды и обуви, дежурить по столовой.

Кормить кадетов стали несколько хуже, чем до революции: так, вместо пшеничного хлеба часто давали ржаной. Резко сократилась возможность приобретения лакомств за пределами заведений. Однако на фоне стремительно ухудшавшегося продовольственного положения снабжение кадетов пищей выглядело почти идеальным. В некоторых заведениях (например, в Морском корпусе) воспитанники перед отъездом на каникулы получали пищевое довольствие на несколько дней: хлеб, котлеты, масло, чай и сахар.

Октябрь 1917 г. ознаменовал начало нового этапа в жизни российской военной школы. После перехода власти в руки большевиков кадетские корпуса, по мнению одного из бывших

* Поскольку словосочетание «гимназия военного ведомства» в обиходе заменялось на «кадетский корпус», мы продолжим называть реформированные заведения кадетскими корпусами (примеч. автора).

питомцев 1-го кадетского корпуса, стали представлять собой «странное соединение неизжитых и неисчезавших, твердо укоренившихся старых духовных основ кадетского бытия с новыми формами, данными... советской властью вместе с проявлениями в нашей внутренней жизни отражений и отголосков «народной стихии» [5, с. 19 – 20].

Вскоре после октябрьских событий директора кадетских корпусов были заменены комиссарами, как правило, враждебно относившимися к военно-культурному наследию отечественной военной школы и стремившимися неуклонно проводить в жизнь все предписания, направленные на разрушение традиционного социокультурного пространства кадетских корпусов.

Кадетская символика продолжала активно уничтожаться. Погоны было приказано спороть. В Морском корпусе их заменили золотыми углами на рукавах, а в Хабаровском корпусе в 1918 г. планировалось введение особых знаков различия (красных ромбиков), схожих с теми, что использовались в РККА. Кадеты, дорожившие своими погонами, долго отказывались расставаться с ними: лишь после неоднократных напоминаний и угроз они спорили погоны на шинелях, а затем много позже – на мундирах. Снятые погоны бережно прятались или зарывались в землю. Шинельные петлицы также были спороты, околыши фуражек – затянуты черной материей. Во многих заведениях обмундирование стало перешиваться «с целью придать ему возможно более штатский вид» [6, с. 318]. В итоге кадетские корпуса превратились в «...какие-то неизвестного вида среднеучебные заведения без на-

звания, без формы и без погон» [9, с. 73]. Воспитанники донашивали старую форму, постепенно терявшую вид, а новое обмундирование выдавалось комиссарами военно-учебных заведений из бывших корпусных цехгаузов крайне неохотно. Во многих корпусах запасы формы и белья были разграблены красноармейцами или мародерами. Поэтому руководство заведений стремилось к всемерному сохранению кадетской одежды и обуви: в Одесском корпусе летом у кадетов отбирались сапоги и верхняя одежда, вместо которых выдавался лишний комплект нательного белья. Когда запасы обмундирования окончательно иссякли, единство формы стало вынужденно нарушаться. В Сибирском корпусе «обмундирование было то румынское, светло-серое, то английское» [13, с. 348]. Еще более пестрый вид имел строй кадетов Одесского корпуса: «Многие были во фронтальной одежде или в смешанной с кадетской, другие сохранили еще кадетскую форму, а некоторые добавляли к ней отличительные знаки добровольческих частей, в которых они были на фронте» [11, с. 110]. Старая форма береглась для парадов и отпусков. Желание восстановить единство формы вынуждало руководство отступать от дореволюционных образцов: так, в Донском корпусе кадетам было пошито обмундирование защитного цвета с такими же погонами. Поскольку кадеты закрытых или разгромленных корпусов массово зачислялись в уцелевшие (Донской) или вновь созданные (Крымский, 1-й Русский) корпуса, они надевали форму и погоны этих заведений. Так постепенно стирались традиционные границы между воспитанниками отдельных корпусов.

Регулярные классные занятия продолжались лишь до рождественских каникул: в январе 1918 г. учебная жизнь в большинстве заведений замерла. Во время Гражданской войны занятия велись урывками, курс проходил в ускоренном порядке, а итоговая аттестация зачастую не проводилась. Даже когда наступало относительное затишье и можно было занять подходящее помещение, наладить учебное дело удавалось далеко не всегда: не было учебных пособий, тетрадей, преподавателей. Лишь Донской кадетский корпус, в 1920 г. разместившийся в Египте, в Исмаилии, благодаря помощи Юношеской христианской ассоциации (УМСА) получил не только необходимые учебники, но и нескольких педагогов, поэтому «учение шло почти нормально» [7, с. 191]. Интернатный режим был резко ослаблен: во многих заведениях кадеты предоставлялись самим себе с обязательством являться лишь на занятия. Даже там, где руководство стремилось держать воспитанников под контролем, шанс отлучиться из корпуса без ведома начальства стал предоставляться кадетам чаще, чем в дореволюционных корпусах, а наказание за отлучку было гораздо мягче.

Вслед за октябрьскими событиями 1917 г. в кадетские корпуса пришел голод. Запасы продовольствия постепенно иссякали, и пищу зачастую приходилось готовить из гнилых овощей. В 1918 г. в меню воспитанников московских корпусов появились супы из картофельной шелухи. В годы Гражданской войны кадетский паек в большинстве заведений был настолько скудным, что воспитанники были вынуждены перейти на «подножный корм». В

Киевском корпусе кадеты возделывали огород и даже сами пекли хлеб. Воспитанники Одесского корпуса, в 1919 г. нашедшего приют в Туапсе, грабили заброшенные фруктовые сады. В 1920 г. после возвращения в Одессу они лишились этой возможности, и дневной рацион приобрел следующий вид: «утром – кусок черной замазки и жестяная кружка чая; обед – тарелка мутного, без определенного состава супа и немного ячневой каши; ужин – кусок хлеба и чай» [9, с. 88]. Дарами природы (орехами, малиной, виноградом) утоляли голод и кадеты-сибиряки, в 1919 г. разместившиеся на Русском острове вблизи Владивостока. Резко выделялся в лучшую сторону Донской корпус, снабжавшийся во время пребывания в Исмаилии продуктами из английского склада по нормам, установленным для английских солдат. Даже в будничные дни донские кадеты получали кофе, какао, сыр и варенье, а обеды и ужины были «сытными до возможности» [1, с. 20].

Большинство кадетов страдало не только от голода, но и холода. Спальни и классные помещения не отапливались или отапливались так слабо, что к утру в чернильницах замерзали чернила. Корпуса, неоднократно подвергавшиеся эвакуации (Одесский, Хабаровский, Донской), часто были вынуждены занимать разрушенные, непригодные для проживания и ведения учебных занятий помещения. Так, после эвакуации Одесского корпуса весной 1919 г. в Туапсе кадеты были размещены в здании бывшей гимназии, не приспособленном для жилья: «Жили в пустых классных помещениях, где жизнь кадетов превратилась в хаоти-

ческий бивак. Не было умывалки, а недостаток и иногда отсутствие воды превратились в бедствие. О кроватях и хотя бы самой примитивной мебели не было и речи. Спали на полу вповалку» [9, с. 74]. После возвращения корпуса в Одессу в 1920 г. кадеты поселились в своем разграбленном и разгромленном здании, которое не отапливалось. Исключение представлял лишь Донской корпус, в бытность свою в Исмаилии находившийся в достаточно комфортных климатических условиях, и постройка нескольких бараков легкой тропической конструкции стала вполне приемлемым выходом из ситуации. В лучшую сторону выделялся и Сибирский кадетский корпус, который во время своего пребывания на Русском острове занимал три трехэтажные казармы из красного кирпича, а воспитателям и преподавателям были предоставлены отдельные коттеджи с электрическим освещением. Однако эти великолепные здания зимой почти не отапливались.

Несмотря на тяжелые материальные условия, руководство военно-учебных заведений старалось не лишать кадетов ни праздничных торжеств, ни связанных с ними традиционных лакомств. Так, во 2-м Московском кадетском корпусе 8 ноября 1917 г., через несколько дней после Октябрьского вооруженного восстания, состоялся корпусной праздник. Торжества, как и положено, открылись службой в церкви, на обед кадеты получили третье блюдо, а вечером состоялся спектакль («На бойком месте» Островского), после которого было подано праздничное угощение [10, с. 25 – 26]. В Морском корпусе программа праздника 6 ноября

1917 г. была усеченной (не было ни парада, ни бала), однако воспитанники получили на обед традиционных жареных гусей. В Донском корпусе, жизнь которого была в меньшей степени затронута революционными событиями, корпусной праздник праздновался и в 1918, и в 1919 гг.

По мере возможности сохранялись и старые традиции организации культурно-досуговой работы. В 1919 г. во время полудикой жизни кадетов Одесского корпуса в Туапсе офицер-воспитатель подполковник Болецкий и его супруга сумели «создать любительскую театральную труппу и поставить на открытой сцене городского парка спектакль, который привлек много зрителей из числа горожан и вызвал их восторженное одобрение» [9, с. 62]. Кадеты-сибиряки на Русском острове создали музей естественной истории, разбили парк, организовали оркестр, хор и любительский театр. Появились и новые развлечения: так, донские кадеты в Египте пристрастились к купаниям и игре в футбол, крикет, комнатный теннис. В практических целях им преподавались автомобильное дело и электротехника. Кроме того, для них в 1921 г. были устроены две экскурсии: на Пасху – в Иерусалим и по святым местам, а в конце года – в Каир, где воспитанники смогли увидеть комплекс пирамид в Гизе, Большого сфинкса и Исторический музей с выставленными в нем мумиями фараонов.

Однако социокультурное пространство многих заведений быстро изменилось до неузнаваемости. Один из воспитанников Морского корпуса вспоминал: «В январе – феврале (1918 г. – А. Г.) в Столовом зале был открыт се-

зон «народных» балов с соответствующей публикой. Около Столового зала были устроены «кубрики счастья», а «барышни» нового стиля, взобравшись на палубу брига «Наварин», лутили семечки... Чудная картина для оставшихся в училище воспитанников!» [14, с. 38]. В корпусах, находившихся на периферии, элементы традиционной военной культуры сохранялись гораздо дольше. Так, последний бал в Донском кадетском корпусе был дан 6 декабря 1919 г., причем по своей роскоши он мало чем уступал дореволюционным: классные помещения силами кадетов были превращены в нарядные гостиные, повсюду размещались киоски с прохладительными напитками, играл прекрасный корпусной оркестр, среди приглашенных были донские гимназистки и институтки, а также воспитанницы Смольного и Харьковского институтов.

Босяцкое, полуголодное существование и преждевременное знакомство с изнанкой жизни не могли не отразиться на облике воспитанников. Война ломала характеры и калечила судьбы. Один из бывших кадетов-одесситов отмечал: «Во время Гражданской войны мы все огрубели, распустились и приобрели качества и манеры, которые в прежнее время в корпусах были недопустимы. И таких кадетов в корпусах бы не терпели, а просто выгоняли» [4, с. 101].

С другой стороны, осознание воспитанниками трагизма происходивших в стране событий (чему немало способствовало участие многих из них в боевых действиях) серьезно повлияло на настроение кадетской массы и вызвало трансформацию традиционной

системы взаимоотношений. Старшие кадеты, желая оказать помощь воспитателям, взяли на себя заботу о младших, запрещая им устраивать массовые выступления («бенефисы») против офицеров. Во время пребывания кадетов Крымского корпуса (бывшего сводного Одесско-Киевского) в Массандре, когда некоторые воспитанники стали практиковать продажу казенных вещей с последующей их «реквизицией» у покупателей, старшие кадеты приняли постановление о категорическом запрете мародерства, а виновные были лишены погон и выпороты шомполами.

Вместе с тем традиционные шуточные обряды и церемонии, призванные снять напряжение и дать выход энергии, сохранялись. В Морском корпусе старшими гардемаринами по-прежнему устраивались ночные парады в Столовом зале. Как и до революции, участники парада, на которых были лишь фуражки и портупей, проходили церемониальным маршем перед Нептуном, восседавшим на троне и державшим в руках трезубец. Аналогичные парады проводились кадетами и в годы Гражданской войны: в течение нескольких месяцев собирались оружие и погоны, шнурами от оконных штор расшивались доломаны, доставались чудом сохранившиеся генеральские мундиры отцов. Церемонии устраивались в ночное время зачастую за пределами корпусов в соответствии со всеми правилами: парад принимал «генерал выпуска», в строй выносилась «Ее Превосходительство Звериада», церемониальным маршем проходили «господа офицеры» в карнавальных костюмах.

Таким образом, революция 1917 г. и последовавшие за ней события при-

вели к существенным изменениям в жизни отечественной военной школы. Выработанные в течение десятилетий, казавшиеся незыблемыми правила и формы кадетского и юнкерского бытия пришли в столкновение с революционным хаосом, не признававшим старых устоев и стремившимся к их безжалостному разрушению. На границе

этого конфликта рождалась новая модель экзистенции военно-учебных заведений, главной целью которой была не подготовка офицерских кадров, а сохранение и трансляция русской военной культуры в исключительно агрессивной внешней среде. Реализовать ее удалось в кадетских корпусах Русского Зарубежья.

Библиографические ссылки

1. Гончаров Ю. Ф. Донской кадетский корпус в Египте // Африка глазами эмигрантов: россияне на континенте в 1-й половине XX в. М. : Восточ. лит. РАН, 2002. С. 18 – 22.
2. Горская (Переверзева) Н. С. Воспоминания // Архив библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» им. А. И. Солженицына (далее – Архив БФРЗ). Ф. 1. А-64.
3. Гурковский В. А. Российские кадетские корпуса за рубежом. М. : БЕЛЫЙ БЕРЕГ, 2009. 242 с.
4. Есаулов Г. История конца Одесского кадетского корпуса // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине / сост., науч. ред., предисл. и коммент. д-ра ист. наук С. В. Волкова. М. : Центрполиграф, 2003. С. 90 – 109.
5. М. С. Последние дни Первого кадетского корпуса // Кадеты и юнкера ... С. 19 – 24.
6. Марков С. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус // Кадеты и юнкера ... С. 316 – 347.
7. Милоданович В. Долгий путь Донского императора Александра III кадетского корпуса (По рассказам бывшего кадета В. С.) // Кадеты и юнкера ... С. 183 – 195.
8. Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899 – 1924 гг. Нью-Йорк, 1974. 365 с.
9. Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917 – 1920 гг. // Кадеты и юнкера ... С. 56 – 90.
10. Павлов Б. Конец 2-го Московского императора Николая I кадетского корпуса // Кадеты и юнкера ... С. 24 – 32.
11. Росселевич А. Отход Одесского кадетского корпуса на румынскую границу в 1920 г. // Кадеты и юнкера ... С. 109 – 124.
12. Сейфуллин В. В. Отношение к революции кадетов Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Архив БФРЗ. Ф-1. А-115.
13. Соколов В. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус // Кадеты и юнкера ... С. 347 – 352.
14. Щепинский Б. Рота Его Высочества Морского Е.И.В. наследника цесаревича кадетского корпуса // Кадеты и юнкера ... С. 32 – 38.

A. N. Grebenkin

**EVERYDAY LIFE OF STUDENTS OF RUSSIAN MILITARY SCHOOLS
DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR**

This article characterizes changes in everyday life of students of Russian military schools caused by events of the Revolution of 1917 and Civil war. The author examines the influence of revolutionary events on symbols and emblems of military training office, organization of classes and recreation, living conditions (rooms, food) and unofficial traditions of pupils.

Keywords: The Russian Empire, cadet corps, everyday life, revolution, Civil war.

УДК 94(47)

A. Ю. Сизова

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРОВ
И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1917 г.**

В статье рассматриваются общественно-политический облик профессуры на момент свержения самодержавия, участие профессоров и преподавателей вузов в общественно-политической жизни страны, расклад политических сил среди преподавателей высшей школы, их отношение к основным политическим вопросам и событиям, динамика изменений этих характеристик на протяжении 1917 г.

Ключевые слова: революция в России 1917 г., высшие учебные заведения в 1917 г., российская профессура в 1917 г., общественно-политическая жизнь в 1917 г., интеллигенция в революции 1917 г., Временное правительство, средние городские слои в 1917 г., научное сообщество и революция.

Все преподаватели высших учебных заведений по своему статусу были личными потомственными дворянами или личными почетными гражданами. Однако это вовсе не означало, что они были таковыми по своему происхождению. Послужные списки, проанализированные А. Е. Ивановым, дают точные сведения об их изначальной сословной принадлежности. Они выявляют значительную демократизацию профессорско-преподавательского со-

става высшей школы, увеличение в его рядах разночинного элемента. Это объясняется сословно-классовыми сдвигами студенческого контингента, из рядов которого неизменно рекрутировались преподаватели и профессора.

Профессорско-преподавательский корпус высших учебных заведений формировался из оставленных при университетах «профессорских стипендиатов», как правило, выпускников тех же университетов.

Большинство «оставленных при университетах» не получало помощи от государства и не имело недвижимости, приносящей доход, их достаток складывался только из оплаты их преподавательского труда. Время приготовления к защите диссертации для тех, кто не имел других доходов, превращалось в сущую аскезу [16, с. 131; 27, с. 97]. На такую жертву были готовы не многие. Поэтому высшая школа, да и вся российская наука испытывала серьезный дефицит в научных и педагогических кадрах.

Материальное обеспечение не устраивало ни профессоров, ни младших преподавателей вузов, подогревая отчасти их оппозиционные настроения. Среднегодовой доход ординарных и экстраординарных профессоров был меньше, чем у многих учителей средних школ. Жестоким экономическим кризис, вызванный войной и революцией, естественно, сказался и на материальном положении преподавателей высшей школы. В 1917 г., несмотря на инфляцию, оклады преподавателей высших школ так и остались без изменения по сравнению с 1895 г. [20, с. 327].

Еще более пагубно инфляция отразилась на научном творчестве российских ученых. К осени 1917 г. из-за резкого подорожания бумаги публикация научных трудов стала делом практически невозможным, закрылось большинство научных журналов [11, с. 284].

Стремясь улучшить свое материальное положение, преподаватели высших учебных заведений нередко совмещали работу в нескольких вузах. Учитывая хронический дефицит российской высшей школы в профессорско-преподавательских кадрах прежде

всего из-за скудного их содержания, практика совмещения нескольких преподавательских должностей в различных учебных заведениях стала повсеместной. Трудились таким образом многие выдающиеся российские ученые того времени.

В Ростове-на-Дону в университете, на Высших женских курсах и в медицинском институте работали одни и те же преподаватели [37, с. 16]. На Московских высших женских курсах профессорско-преподавательский состав также замещался в основном преподавателями университета [17, с. 137]. Подобная ситуация была типична вообще для всех высших женских курсов.

Отношения самодержавной власти и ученых в начале XX в. можно характеризовать как компромиссно-конфликтные.

С одной стороны, власть рассматривала преподавателей, так же как и студентов, в качестве «отдельных посетителей вузов», старалась пресекать их неформальное общение со студентами и держать и тех и других под постоянным контролем.

Бесправное политическое и профессиональное положение профессоров и преподавателей резко противоречило их стремлению к академической автономии, которой обладали их коллеги в западноевропейских и американских вузах. Она вытекала прежде всего из представлений профессуры о задачах высшей школы не только в служении утилитарным интересам государства, но и в просвещении граждан всеми доступными средствами и предполагала свободу преподавания без мелочной бюрократической регламентации и право самостоятельного избрания админи-

страции вузов. В условиях самодержавия столь широко понимаемая академическая свобода была недостижима, что делало конфликт власти и вузовской общественности перманентным, по большей части скрытым, но время от времени выплескивавшимся наружу.

С другой стороны, система чиновничьего производства делала российских ученых составной частью бюрократии. Показательна в этом смысле практика награждения наиболее ценным гражданским отличием – придворным званием за научные заслуги. Сами профессора никогда не отказывались от возможности повышения в чине, более того, зачастую стремились именно к этому, невзирая на свои оппозиционные политические взгляды.

Вузовская профессура находилась в непростой ситуации. Чувствуя на себе ответственность за обеспечение полноценного и бесперебойного хода учебных занятий, она оказывалась между двух огней. С одной стороны, они ощущали мощное давление со стороны самодержавной власти, с другой – постоянно и непосредственно соприкасались со студенческими беспорядками, вызванными по большей части тем же административным давлением на высшую школу. Пытаясь успокоить постоянно волнующееся и готовое в любой момент забастовать студенчество, профессора старались сгладить административное давление власти на студенческое сообщество. Одновременно, неся чиновничью ответственность перед государством, они невольно становились проводниками административных мер в вузе, вызывая тем самым недоверие студентов. В итоге полностью не доверяли профессорам ни студенты, ни власть.

Идейно-политическая жизнь профессиональной группы вузовской интеллигенции определилась еще в середине XIX века и представляла собой постоянное противостояние либерального большинства и консервативного меньшинства. Нередким явлением среди профессоров было членство в кадетской партии, под флагом которой они активно участвовали в политической жизни страны. Вплоть до 1917 г. академическая группа составляла 28 % всех членов ЦК кадетов [15, с. 202], что само по себе оправдывало наименование кадетской партии как «профессорской».

Таким образом, к 1917 г. профессора и преподаватели высшей школы подошли как часть российской научной интеллигенции, притом большая ее часть, являясь корпорацией профессионалов-интеллектуалов, в большинстве своем исповедовавших либерально-реформаторские взгляды.

Как и большинство российского общества профессора и вузовские преподаватели встретили Февральскую революцию с радостью и надеждой на благотворные изменения в стране. Почти от всех советов высших учебных заведений Временное правительство получает приветственные телеграммы [32, с. 11]. После февраля 1917 г. многим деятелям науки казалось, что революция открывает возможности для кардинального преобразования жизни, в том числе для решительного изменения в сфере науки и образования.

С другой стороны, рьяные студенческие восторги по поводу вершащихся общественно-политических событий, полная остановка учебной жизни и анархия, которую внесла революция

в высшую школу, повергли профессоров в некоторую растерянность и нескрываемую тревогу за судьбу высших учебных заведений, ответственность за которые они ощущали на себе [24, с. 293]. Некоторые выдающиеся ученые, такие как В. В. Бартольд, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, Е. О. Патон, с самых первых дней революции, предвидя все грядущие связанные с ней трудности, преодоление которых еще только предстоит, не скрывали свой скептицизм [18, с. 64].

Поддержка, оказанная Февральской революции профессорско-преподавательскими коллегиями вузов, обуславливалась прежде всего их либеральными взглядами и приверженностью конституционно-демократической партии, получившей в мартовские дни властные полномочия в стране.

Правительство, пришедшее к власти в результате революционных событий февраля 1917 г., с большим вниманием отнеслось к высшей школе вообще и к профессорской корпорации в частности. Первым осмысленным шагом Временного правительства относительно преподавательского состава вузов стало постановление от 11 марта 1917 г., возвращавшее в высшую школу профессоров и преподавателей, уволенных во времена царской реакции. В университеты вернулись ученые с мировыми именами, покинувшие кафедры в знак протеста против политики самодержавия: Н. Д. Зелинский, В. М. Хвостов, С. А. Чаплыгин, Е. Н. Трубецкой, А. А. Кизеветтер, П. М. Новгородцев, В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, М. А. Мензбир и др. [31, с. 25].

Профессорам, назначенным в годы реакции, было предложено подать в отставку [40, Оп. 249. Д. 112 а. Л. 69, 71 об, 73, 73 об.]. Ушли, однако, не все из них. Многие были оставлены при кафедрах в качестве сверхштатных профессоров [35, Раннее утро, 16 апр.]. Администраторов, придерживавшихся реакционных взглядов, заменяли людьми, занявшими свою должность на основании выборов в советах вузов. 30 апреля 1917 г. ректор Московского университета – убежденный монархист М. К. Любавский – покинул свой пост. Его место занял только что вернувшийся в вуз и сразу избранный советом кадет М. А. Мензбир [3, Оп. 95. Д. 926. Л. 13]. Отставку получил ректор Томского университета. Новый ректор был избран в Киевском университете [35, 14 мая]. Отправилось в отставку все руководство Академии художеств, включая ее президента – великую княгиню Марию Николаевну [26, с. 72].

Выражаемая профессорами готовность к сотрудничеству с Временным правительством не была голословной. После Февральской революции многие представители научной интеллигенции самым непосредственным образом включились в государственную работу, активно участвуя в городских и губернских органах власти, в центральных государственных учреждениях.

Начать с того, что все три министра народного просвещения Временного правительства А. А. Мануйлов, С. Ф. Ольденбург, С. С. Салазкин были представителями корпорации Российской профессуры [25, с. 32].

В марте 1917 г. заместителями министра народного просвещения, быв-

шего профессора Московского университета А. А. Мануйлова, стали член ЦК кадетов, ректор Петроградского университета, профессор римского права Д. Д. Гримм, профессора О. П. Герасимов и Д. С. Зернов [9]. В начале августа 1917 г. в новый состав Временного правительства включается академик С. Ф. Ольденбург, ему поручаются обязанности министра народного просвещения. 11 августа 1917 г. академик В. И. Вернадский утверждается указом Временного правительства в должности товарища министра народного просвещения [1, с. 26]. В своей автобиографии он указывает на то, что по моральным соображениям не мог отказаться от работы по разработке реформ, «хотя чувствовал всю непрочность положения, приближение катастрофы...» [38, с. 287 – 288].

Значительную роль в корректировке либеральной программы в названный период играло Юридическое совещание – орган при Временном правительстве, образованный в начале марта и действовавший до 24 октября 1917 г. Совещание фактически представляло собой высшую государственную коллегия, где было сосредоточено решение всего комплекса юридических вопросов, возникающих при осуществлении Временным правительством законодательных функций. В состав Совещания вошли известные юристы, виднейшие специалисты в различных отраслях права, среди них ректор Петроградского университета Д. Д. Гримм [7, с. 339].

Профессор истории Петроградского университета Е. В. Тарле вошел в состав Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по

расследованию преступлений царского режима.

Даже знаменитый историк, профессор Петроградского университета А. С. Лаппо-Данилевский, живший исключительно «только наукой и для науки», не смог остаться в стороне от глобальных событий и принял участие в работе комиссии по выработке избирательного закона в Учредительное собрание [18, с. 70].

Идеальную возможность претворить в жизнь давние надежды на реформирование российского образования Временное правительство предоставило профессорам в форме участия в работе государственных органов по разработке реформ в сфере образования. В Комиссию по реформе высшей школы, работавшей под руководством зоолога из Московского университета М. М. Новикова, вошел целый ряд российских ученых: профессор Петроградского университета И. М. Гревс, профессор Петроградского политехнического института Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, В. Э. Грабарь и др. [35, Оп. 196. Д. 1185. Л. 188; Оп. 226. Д. 274. Л. 6]. И. М. Гревс помимо этого вошел в состав Государственного комитета по народному образованию. В состав Совещания по реформе вузов также вошли представители профессуры и младших преподавателей вузов Министерства народного просвещения [44, Оп. 95. Д. 924. Л. 164 об. Л. 220].

Этот список можно продолжать. Фактически во все органы государственной власти, создаваемые Временным правительством, привлекались для работы прежде всего вузовские профессора.

Профессора и преподаватели российских вузов, представляя собой значительную часть интеллектуальной элиты общества, так необходимую новой власти в работе по гармонизации революционного хаоса, с радостью откликались на призывы правительства о помощи. Да иначе и быть не могло, ведь долгожданная, и для либералов в том числе, к числу которых принадлежала большая часть вузовской преподавательской общественности, Февральская революция, казалось, дала, наконец, возможность для воплощения своих гражданских идеалов лучшим представителям российской интеллигенции.

Профессора остались верны Временному правительству до конца и даже после его падения они продолжали считать его единственной законной властью в стране.

В 1917 г. традиционной для российских профессоров и преподавателей была работа на ниве народного просвещения.

В столь сложное время невежество оборачивалось катастрофой для нации. Российский народ безнадежно не выдерживал экзамена революции. Острое стремление к просвещению ощущалось и со стороны так называемой «народной темноты». Одной из наиболее глобальных проблем российской деревни стала катастрофическая нехватка информации, при том что потребность в ней после революции для крестьян стала насущной необходимостью. Ситуация усугублялась практически полным отсутствием популярной литературы по основным политическим вопросам. А если какая-то книга случайно и доходила до деревни, то

написана она была таким языком, что, для того чтобы ее прочесть, крестьянину требовался специальный переводчик.

Таким образом, перед просвещенными людьми России встала непростая задача: помочь простому народу разобратся в изменениях, произошедших в обществе, донести до их сознания отблески научного знания. Необходимость народного просвещения и вообще распространения образования признавалась всеми сколько-нибудь прогрессивными людьми России.

Уже после первой русской революции профессора и преподаватели вузов немало потрудились на поприще распространения научных знаний среди широких слоев населения, обойденного образованием. После февраля 1917 г. эта деятельность чрезвычайно активизировалась. «Необходимо элементарное политическое просвещение народной массы, не выполним мы этого долга, лежащего на всех нас, тогда мы обманем народ, и кто знает, не отмстит ли это тогда жестоко нам тем, что народная масса обманет наши лучшие ожидания, отдав свое доверие тем, кто его не заслуживает и кто им злоупотребит», – писал в Вестнике воспитания приват-доцент М. М. Рубинштейн [5, с. 27]. История показала, что так в итоге и получилось. Но тогда, в 1917 г. энтузиазм их был столь велик, что некоторые из них даже сами выступали с предложениями о наложении на себя трудовой повинности по просветительской работе в народных массах [36, Оп. 226. Д. 221. Л. 1 – 2].

Лекторы и докладчики старались освещать наиболее актуальные темы момента. Вот некоторые из тем докладов: «Законность и единство», «Мо-

нархия и республика», «Учредительное собрание и местное самоуправление», «Избирательное право», «Революция и война», «Из истории русских революций», «Русские политические партии», «О сущности социализма», «Рабочий вопрос», «Аграрный вопрос», «Городское самоуправление», «Классы и классовое самосознание» и др. [4, с. 149 – 150].

Профессора старались обстоятельно и спокойно, без примеси излишнего политиканства разъяснять народным массам суть происходящих в стране событий, знакомить их с принципами мирового избирательного права, историей политических течений, земельным кодексом и т. д. Их лекции были лишены революционной «зажигательности» площадных ораторов, зато содержали в себе профессиональные знания и анализ происходивших событий. Однако горячее революционное время требовало совершенно иных речей. Нетерпеливые так называемые «представители народа», приходившие на их лекции, с несравнимо большей готовностью воспринимали эмоциональные, зажигательные речи ораторов-революционеров. Само время не располагало к обстоятельному анализу. Поэтому лекции профессоров зачастую казались скучными для их слушателей, и их знания оказывались невостребованными. Лекции зачастую вызывали разочарование у самих лекторов, например у профессора Н. И. Кареева. Летом 1917 г. он читал в одном из российских сел лекции об аграрных программах политических партий, стараясь избежать какой-либо партийной пропаганды, а просто излагать аргументы защитников и противников различных

аграрных программ. По окончании одной из таких лекций он услышал вопрос от местного крестьянина: «Да вы скажите нам прямо, как нам нужно на этот случай думать» [23, с. 268].

Немалое влияние оказала Февральская революция на темы лекций, читавшихся преподавателями для студентов в университетских аудиториях. Стараясь актуализировать учебный процесс в соответствии с переживаемыми событиями, профессора и преподаватели вузов оперативно вводят в учебную программу ряд новых курсов. В Казанском университете, например, в 1917/18 учебном году приват-доцент С. П. Сингалевич впервые ввел курс лекций по Великой французской революции. Приват-доцент В. И. Огородников прежний курс по истории России в царствование императора Александра I заменил на практические занятия по истории русской общественной мысли в первой четверти XIX века [22, с. 11]. Университет Л. А. Шанявского на академическом отделении в 1917 – 1918 учебном году ввел два новых курса по рабочему и аграрному вопросам, второй из которых было предложено читать А. В. Чаянову [41, Оп. 3. Д. 124. Л. 1, 5].

Не меньшее значение ученые придавали печатному слову. Они не только готовили печатные статьи на злободневные темы для газет и журналов, но и брались за написание небольших брошюр, тематика которых была примерно такой же, как и тематика лекций. Количество названий брошюр, изданных в феврале – октябре 1917 г., исчислялось тысячами, а тиражи – десятками и сотнями тысяч экземпляров [14, с. 150].

Политические взгляды деятелей высшей школы под воздействием революционной обстановки меняются не сильно.

Что касается монархистов-консерваторов, то после Февральской революции их деятельность сходит на нет и политическая позиция практически никак не проявляется. Зато кадеты, напротив, чрезвычайно активизируются.

Определенный отклик в сознании вузовской научной интеллигенции находила идеология социалистов-народников и социал-демократов, некоторые из которых были учеными-естественниками. Однако таких людей было немного, большинство профессоров и преподавателей в российской высшей школе все же исповедовало либеральную идеологию.

Особое отношение к происходящим общественно-политическим событиям вырабатывалось у историков. С одной стороны, они ощущали свою обязанность проанализировать и объективно отобразить революционный процесс. Но, находясь в эпицентре происходящих событий, эта задача была непосильной даже для ученых. С другой стороны, революция оказала самое непосредственное влияние на научное творчество некоторых ученых, занимавшихся русской историей, как на Б. И. Сыромятникова, научный интерес которого кардинальным образом изменился под влиянием русской революции. Он стал систематически собирать материалы о деятельности видных представителей освободительного движения 1840 – 1860 гг., декабристах и политических партиях. При этом пик творческой научной жизни Сыромятникова пришелся именно на 1905 – 1917 гг. [19, с. 82].

Даже «окунаясь с головой» в политическую работу после Февральской революции, большинство российских профессоров оставалось прежде всего учеными. Политику они воспринимали, скорее, как нравственную обязанность, нежели как призвание, оставаясь приверженцами научной работы, сосредоточенности и кабинетных раздумий. Поэтому в среде научной и в том числе вузовской интеллигенции была и другая весьма значительная группа, которая, невзирая на социально-политические потрясения, захлестнувшие страну, отказывалась от участия в политике ради своей профессиональной деятельности. Для них отстраненность от общественно-политической жизни была ключевым принципом. Полагая, что единственную реальную помощь стране они могут оказать лишь своей профессиональной деятельностью, эта часть ученых представляла собой группу аполитичной интеллигенции, противопоставлявшую себя любому «политиканству» не только бесполезному, но опасному и вредному с их точки зрения занятию.

Некоторые преподаватели, увлекшись политикой на волне революции 1905 г., вскоре открыли для себя всю чуждость политической работы, прежде всего с психологической точки зрения. Поняв, что политическая жизнь тяготила их в силу собственного созерцательного и аналитического склада характера, более подходившего для кабинетного ученого, нежели политика, они отходят от политической жизни и в 1917 г. остаются полностью индифферентными к политике. Такими, например, были профессора И. В. Луцицкий, Н. И. Кареев, Ю. В. Готье.

Определенная доля истины есть в словах профессора В. А. Стеклова, высказывавшего по этому поводу мысль, что «в большинстве случаев настоящий ученый по самому складу ума своего, по самой природе своей всегда остается только ученым и за редким исключением плохим политиком и мало полезным практиком... люди науки, берясь за несвойственное им дело, могут часто принести лишь вред, а не пользу» [14, с. 121].

Многие профессора в 1917 г., невзирая на социально-политические потрясения и серьезные материальные трудности, продолжают активную творческую работу, проводя научные эксперименты и готовя к публикации научные труды. Знаменитый хирург Н. Н. Бурденко, преподававший в то время в Тартуском университете, выпускает в 1917 г. в свет два сборника «Материалы по вопросам военно-полевой санитарии и хирургии» [21, с. 155]. Профессор-лингвист Казанского университета В. А. Богородицкий в 1917 г. заканчивает подготовку своего фундаментального научного труда «Курс экспериментальной фонетики». Несмотря на то что жизнь его (1857 – 1941 гг.) пришлась на эпоху бурных социальных потрясений, все они прошли мимо него, никак не отразившись на его биографии, его судьбой стало ежедневное служение избранной им лингвистике [3, с. 114]. Академик Е. О. Патон, спроектировавший десятки мостов и выучивший немало талантливых инженеров, вспоминал то бурное революционное время так: «Во всех этих страстях мне трудно было разобраться, да и не очень хотелось: пусть и «левые», и «правые» оставят меня в покое. Я вел

уединенную жизнь типичного дореволюционного профессора, знал только свои мосты и убежден был, что ничто и никто никогда не выведет меня из круга сугубо технических проблем» [33, с. 52].

В условиях воцарившегося в 1917 г. хаоса и революционной анархии многие ученые кладут все свои силы на сохранение культурных основ общества, таков, например, историк Ю. В. Готье, немало потрудившийся в деле сохранения разграбляемых и сжигаемых архивов [18, с. 85]. Сложной оказалась судьба преподавателей эвакуированного в Ростов-на-Дону Варшавского университета. Практически одни и те же люди спасли университет во время эвакуации в 1915 г., почти на пустом месте создав крупнейший научно-учебный центр на юге России, они же сохранили этот островок цивилизации в период революционной стихии и Гражданской войны, когда власть в Ростове неоднократно менялась [36, с. 142]. Примером профессиональной деятельности как альтернативы политике служит работа ректора Саратовского университета П. П. Заболотного, на долю которого выпало возглавлять университет в самый сложный за всю его историю период с 1914 по 1918 гг. Избежать судьбы многих вузов в этот период, сохранив университет от хаоса и предотвратив его закрытие, ему удалось лишь благодаря своему терпеливому и бесконфликтному характеру и отказу от собственной политической позиции во имя сохранения вверенного ему учебного заведения. В некотором смысле подобную позицию можно рассматривать как беспринципную, но во многом на плечах таких людей

страна оказалась вынесенной из хаоса революции и гражданской войны, а российская наука и высшее образование сумели-таки выжить при любой власти и даже при отсутствии таковой.

Что касается вопроса о войне, то большинство российских профессоров высказывалось за продолжение участия России в войне, Восприятие войны не только как борьбы за геополитическое влияние и рынки сбыта, но и, прежде всего, как борьбы культуры против милитаризма было традиционным для российских ученых. В годы войны с университетских кафедр и со страниц публицистических изданий российской профессурой было произнесено бесчисленное множество патриотических речей с неизменной и ставшей вскоре избитой милитаристской риторикой о «священной жертве России на алтаре гуманизма и культуры», о «немецком хищническом ультраимпериалистическом милитаризме» и т. д. Естественно, что в духе таких настроений нота П. Н. Милюкова в апреле 1917 г. была воспринята российской профессурой весьма благосклонно.

В ученой среде даже имели место некоторые герmanoфобские настроения: с призывом отказаться от изучения немецкого языка в гимназиях выступал М. В. Довнар-Запольский [30, с. 27]. Историк античности М. И. Ростовцев развил в годы войны теорию об оторванности германской нации от античной цивилизации – носительнице подлинной культуры, сумевшей передать ее всем европейским народам (включая русский) за исключением немецкого. Он же в порыве патриотизма оставил кафедру в Петроградском университете и встал

за станок ради изготовления боевых снарядов [2, с. 162].

Уже после взятия власти большевиками в ноябре 1917 г. отказ России от союзнических обязательств был воспринят либеральной профессурой как личное оскорбление и унижение их человеческого достоинства.

После Февральской революции стремление к профессиональной самоорганизации, охватившее большинство российского общества, затронуло и преподавателей высшей школы. На волне революционной самоорганизации был создан Союз деятелей высшей школы Москвы, Совет депутатов трудовой интеллигенции, ставший одной из наиболее крупных интеллигентских организаций, возрождается деятельность Академического союза, созданного в 1905 г. на волне первой русской революции.

Основным действием, которое сумел предпринять в 1917 г. Академический союз, стал созыв Академического съезда с 7 по 10 июня. В работе съезда участвовало всего около 70 делегатов из 8 российских городов [8, Оп. 1. Д. 26. Л. 73 – 74].

С течением времени радужные настроения научной интеллигенции по поводу свершившейся революции неумолимо рассеивались. Власть все больше теряла доверие общества, в том числе и доверие ученых. Общество было охвачено крайне тревожными настроениями. Каждый день происходили события, оставлявшие после себя самые пессимистичные ожидания.

Исполненный уверенности в необходимости установления твердой власти, совет Московского университета в середине июля 1917 г. посылает во

Временное правительство телеграмму, заканчивающуюся словами, больше похожими на вопль отчаяния: «Россия гибнет; памятуя, что всякое промедление приближает нас к крушению свободы, не дайте истории сказать, что Россию погубила революция» [44, Оп. 249. Д. 112 а. Л. 306].

Еще более пессимистичный вывод делает в июле историк Ю. В. Готье: «Вынуты душа и сердце. Разбиты все идеалы. Будущего нет. Россия погибает...» [10, с. 155].

Ученые все больше самоизолировались от общества, которое к осени 1917 г. оказалось безнадежно расколотым.

Октябрьские события большинство российской профессуры восприняло как катастрофу и национальное бедствие, напрямую отождествляя ее с анархией и вандализмом, а большевиков воспринимая как узурпаторов законной власти.

Взаимоотношения с новой властью складывались чрезвычайно болезненно. Помимо идеологического неприятия российской профессурой большевиков, главным камнем преткновения был вопрос об автономии высшей школы. Для новой власти постановка такого вопроса была неприемлема, для профессуры же после достигнутой с таким трудом корпоративной свободы недопустимым было любое посягательство на неё.

Через несколько дней после октябрьских событий на совещании представителей ученых учреждений и высших учебных заведений по призыву Академии наук почти все руководство высших учебных заведений высказалось за непризнание Совета народных комис-

саров, было решено ни в какие взаимоотношения с комиссарами не вступать.

Первое время в большинстве своем ученые не верили в долговечность новой власти, предпочитая считать, что власть в России отсутствует вовсе. В постановлении совета Московского университета от 11 ноября 1917 г. говорилось: «Тот массовый психоз, который овладел сейчас народными массами, и связанная с ним анархия и разруха должны уступить место скорейшему отрезвлению».

Газета «Известия» сообщала в декабре 1917 г. о бастующих врачах, которых поддержал ряд профессоров-медиков [1, с. 37]. Российские профессора, приняв посильное участие в забастовке служащих, саботировали декреты советской власти вплоть до начала 1920-х гг.

Однако всем, включая тех, кто стоял на бескомпромиссно враждебных позициях, приходилось считаться с первостепенно важным обстоятельством – проблемой финансирования, без решения которой деятельность вузов была невозможна.

Профессора университетов, оказавшихся под властью белогвардейцев в годы Гражданской войны, активно сотрудничали со штабами генералов А. И. Деникина, П. Н. Краснова, Н. Н. Юденича, А. В. Колчака. Профессура Казанского университета с радостью приветствовала КОМУЧ, а после его падения предприняла отчаянные попытки «исхода на Восток», дабы не оставаться «под Советами» [28, с. 126].

На территориях, подконтрольных большевикам, аресты и обыски стали типичным средством общения власти с

профессорами. Только в сентябре – октябре 1919 г. были арестованы и заключены в тюрьму свыше 20 сотрудников Петроградского университета, среди них такие видные профессора, как О. А. Добиаш-Рождественская, Д. Д. Гримм, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, М. Я. Пергамент и др., часть из которых в 1921 г. были расстреляны. Тогдашний ректор Петроградского университета А. А. Иванов вынужден был направить наркому просвещения А. В. Луначарскому докладную записку, в которой сообщал, что аресты преподавателей грозят университету «полным расстройством его академической жизни и вообще всякой его деятельности» [29, с. 12].

Жизнь в период Гражданской войны в России оказалась невыносимо тяжелой для ученых как в психологическом, так и материальном отношении. Как-либо повлиять на ход политических событий они не могли. Все что им оставалось, это либо смириться и пойти на службу к Советской власти и тогда подвергаться остракизму среди коллег, либо отважно бороться с красным террором и неизбежно погибнуть, либо отстраненно наблюдать за событиями и умирать от голода.

Уволенный из университета знаменитый историк Н. И. Кареев, обменяв всю свою одежду на пищу, в прямом смысле слова вынужден был ходить в рубище. Дабы раздобыть средства на существование, А. А. Кизеветтеру пришлось работать продавцом в книжной лавке кооперативного издательства «Задруга», где в это время еще продавались и его книги.

Профессор В. В. Бартольд записал в эти дни: «Лучше всего теперь тем, кто умер вовремя; но пока приходится жить...» [12, с. 121].

В первые годы советской власти действительно ушли из жизни многие российские профессора. Большинству из них не было и 60 лет. Из профессорско-преподавательского коллектива Петербургского университета 1916/17 учебного года к 1922 г. осталось меньше половины [18, с. 70; 34].

Летом 1922 г. часть оставшейся в живых особенно непримиримой к власти профессуры, в том числе ректор Московского университета профессор М. М. Новиков, ректор Петроградского университета профессор Л. П. Карсавин, профессора В. В. Стратонов, Н. О. Лосский, Б. Н. Одинцов, П. А. Сорокин, Д. Ф. Селиванов, А. А. Кизеветтер и другие были «изловлены» и как «активный антисоветский элемент» высланы из страны на «философском пароходе» [39, с. 184].

Сосредоточив свое внимание прежде всего на административном контроле, большевистское руководство в конце концов хоть и без труда, но все же достигло к началу 1920-х гг. своей главной цели – вырвало высшее образование из рук строптивой профессуры и подчинило его общегосударственной социалистической политике. К 1922 г. независимые профессорские коллективы прекратили свое существование. Открытую критику политики в сфере высшего образования удалось заставить замолчать.

Октябрьская революция* и пришедший за ней политический режим привели к доминированию технократической культуры над гуманитарной. По-

* Автор рассматривает ее здесь именно как революцию по масштабам социально-политических и культурных изменений, к которым она привела.

этому ученые технических и естественных наук имели больше шансов на сотрудничество с новой властью (А. Ф. Самойлов, К. А. Тимирязев, Е. О. Патон, П. К. Штернберг – большевик, рассчитавший в дни ноябрьских боев в Москве установки для стрельбы из тяжелого орудия, из которого красногвардейские отряды расстреливали с Воробьевых гор юнкеров, и др.). Но этого нельзя сказать о гуманитариях рубежа XIX – XX веков, по

большой части подверженных влиянию идеализма и поэтому в новых условиях обреченных в лучшем случае на мучительную адаптацию, в худшем – на физическое уничтожение.

По сути реформаторы (либералы 1917 г. и ученые-гуманитарии) были одни и те же лица, а их детище – целые отрасли в гуманитарной науке и либеральная политическая идеология – оказалось на долгое время погребенным под обломками Российской империи.

Библиографические ссылки

1. Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М. : Политиздат, 1987. 270 с.
2. Анциферов Н. П. Из дум о былом. М. : Культурная инициатива, 1992. 511 с.
3. Аристов В. Страницы славной истории. Рассказы о Казанском университете. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. 222 с.
4. Вандалковская М. Г. П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М. : Наука, 1992. 285 с.
5. Вестник воспитания. 1917. № 3 – 5.
6. Вестник Временного правительства. 1917, 2 июня.
7. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М. : РОССПЭН, 2003. 428 с.
8. ГАРФ. Ф. 2315. Министерство просвещения Временного правительства.
9. Голос Казани. 1917, 22 марта.
10. Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 7 – 8.
11. 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись / под ред. Г. А. Тишкина. СПб. : Изд-во С-Петербур. гос. ун-та, 1999. 421 с.
12. Жалменова О. П. В. В. Бартольд: Ученый и власть: ученый и власть (политический мир научной интеллигенции) // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х гг. : материалы Междунар. науч. коллоквиума (6 – 9 июня 2001 г.). СПб., 2003. 528 с.
13. Зернов В. Записки русского интеллигента // Волга. 1993. № 11.
14. Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого октября. Л. : Наука, 1988. 349 с.
15. Иванов А. Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть ...
16. *Он же*. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 392 с.
17. *Он же*. Студенчество России к XIX – XX вв. Социально-историческая судьба. М. : РОССПЭН, 1999. 414 с.

18. Историки России XVIII – XX вв. Вып. 4 / под ред. А. А. Чернобаева. М. : Арх.-информ. агентство, 1997. 175 с.
19. Историки России XVIII – XX вв. Вып. 6. М. : История-Сервис, 1999.
20. История Московского университета Т. 1 / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1955. 563 с.
21. История Тартуского университета, 1632 – 1982 / под ред. К. Сийливаска. – Таллин : Периодика, 1982. 279 с.
22. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина / сост. Ю. Фролов. М. : Планета, 1980. 159 с.
23. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 382 с.
24. Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ленина за 125 лет. 1805 – 1930. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1930. 382 с.
25. Красовицкая Т. Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 гг. М., 2002. 415 с.
26. Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М. : Совет. худож., 1983. 495 с.
27. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. М. : Мысль, 1981. 285 с.
28. Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть ...
29. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. 1917 – 1965 / сост. Е. М. Балашов. СПб. : Изд-во С-Петерб. ун-та, 1999. 280 с.
30. Михальченко С. И. М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1993. № 6.
31. Олесич Н. Я. Российское студенчество в февральские дни в 1917 г. // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. Вып. 4. 1991. С. 22 – 30.
32. Орлов А. С., Чепелкин М. А. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. 63 с.
33. Патон Е. О. Воспоминания. М. : Молодая гвардия, 1958. 368 с.
34. Раннее утро. 1917, 7, 9 марта, 16, 30 апреля, 14 мая.
35. РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения.
36. Российские университеты в XVIII – XX вв. Вып. 5 / отв. ред. В. И. Чесноков. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 230 с.
37. Ростовский государственный университет (1915 – 1985) : очерки / под ред. Ю. А. Жданова. Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1985. 224 с.
38. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / сост. Н. Филиппова. М. : Наука, 1981. 352 с.
39. Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в советской России (1918 – 1922) // Власть и наука, ученые и власть ...
40. ЦИАМ. Ф. 418 (Московский университет).
41. ЦИАМ. Ф. 635 (Университет Л. А. Шанявского).

**SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF PROFESSORS AND TEACHERS
OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN 1917**

The article examines the social and political appearance of the professors at the time of the overthrow of the autocracy, the participation of university professors in the socio-political life of the country, the distribution of political forces among the teachers of higher education, their attitude to major political issues and events, the dynamics of changes in these characteristics throughout 1917.

Keywords: revolution in Russia in 1917, higher educational institutions in 1917, Russian professors in 1917, social and political life in 1917, intelligentsia in the 1917 revolution, Provisional Government, middle urban layer in 1917, the scientific community and the revolution.

УДК 316.7

И. И. Нечаева, В. С. Щитко

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ**

В статье анализируются основные социокультурные факторы развития России. Даются общие оценки экономического состояния России, ее социальной структуры, а также оценивается уровень социального самочувствия граждан.

Ключевые слова: развитие России, экономика, социальная структура, социальное самочувствие, человеческий капитал, революционные процессы.

В новом тысячелетии мир, вполне вероятно, в корне преобразуется. Социокультурные системы превращаются в социетальные, чему в большей мере способствует глобализация. Преобразование Европы, объединённой на конфедеративной основе, существенно меняет как социальную, так и экономическую обстановку в мире.

Россия при всей своей самобытности не в состоянии развиваться в изолированном мире. Западные и восточные культуры в равной степени влияют на формирование социокультурного

пространства России, превращая ее в некий буфер между Европой и Азией.

Характер социокультурных изменений, происходящих в России в последние два десятилетия, имеет как внешний, так и внутренний аспекты. Внешний определяется изменением места России в современном мире, влиянием международных факторов на характер ее развития. Внутренний – формой и направленностью экономических, социально-политических и культурных изменений в рамках российского общества и государства. С уче-

том того что Россия сама представляет собой целый мир, являясь многонациональным государством, отношения между народами и культурами внутри страны становятся важным фактором ее стабильного и бескризисного развития.

Россия непременно должна воспользоваться своим исключительным геополитическим состоянием, природными и человеческими ресурсами. К сожалению, сырьевая экономика России очень медленно преобразовывается в промышленно-индустриальную и постиндустриальную. Соответственно социокультурные и социоэкономические составляющие общества во многом стали зависеть от мировых цен на энергоносители. Социоэкономическое развитие России возможно лишь при расстановке приоритетов в сторону образовательного потенциала. На это еще в 2008 году было указано Президентом РФ В. В. Путиным на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». В. В. Путин отметил, что единственной реальной альтернативой является стратегия инновационного развития страны, опирающаяся на одно из наших главных конкурентных преимуществ – на реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом [3].

Человеческий потенциал Российской Федерации выступает основой стратегии национального развития страны, нацеленной на обеспечение нормального и безопасного существования государства, ощутимого прогресса в повышении качества жизни ее граждан.

От образования и здоровья людей, их стремления к самосовершенствованию, использованию своих навыков и талантов во благо своей страны зависит будущее России, ее внутренние и внешние успехи. Совершенствование человеческого потенциала Российской Федерации является абсолютным национальным приоритетом российского государства [7, с. 68].

Современный мир переходит на уровень информационной экономики, требующей кадрового обеспечения принципиально иного, нового качества. Нужны мотивационные технологии, стимулирующие и создающие условия для формирования у человека навыков и умений, которые обновляются уже не в рамках одного-двух поколений, а в течение одного поколенческого цикла.

Однако тенденции развития последних лет, к сожалению, не в пользу данной компоненты. Продолжается утечка мозгов, перекачка капиталов в развитые страны, что соответственно дает мало шансов социально-экономическому прорыву России в ближайшем обозримом будущем. Только за последние три года Россию по официальным данным покинуло около 1 млн человек: 2014 год – 310496 человек, 2015 год – 353233 человек, 2016 год – 313210 человек [9].

Даже хорошо подготовленный интеллектуальный потенциал страны, образованная молодежь едва ли в состоянии ускорить научно-технический прогресс, если фактически отсутствует развитая современная инфраструктура. Как и прежде, требуется скорейшая интеграция высшей школы с производством не только материальным, но и духовным.

Хорошего патриота страна может воспитать лишь тогда, когда гражданин чувствует себя защищенным в своем родном доме. Однако сегодня работа по обеспечению безопасности в экономической, политической, социальной, культурной сферах оставляет желать лучшего. Безопасность гражданина непрерывно связана с безопасностью страны. Сегодня следует говорить о социально-экономической безопасности страны и ее гражданина.

По оценке советника Президента РФ по вопросам развития интеграции академика РАН Сергея Глазьева наша страна на единицу леса, нефти производит продукции в 5 – 10 раз меньше, чем мы можем на нашей сырьевой базе. Россия находится в состоянии глубокой внешнеэкономической зависимости, которая сложилась в постсоветский период. Мы теряем ежегодно 100 млрд рублей утечки капитала. Привлекаем чужие деньги под высокие процентные ставки и на сегодняшний день уже давно превысили нормальный, допустимый уровень зависимости от притока капитала. Так, уже 10 лет платим за границу больше, чем получаем, т. е. совокупный трансфер легальных инвестиционных операций у нас складывается с отрицательным балансом плюс процентные платежи, которые намного превышают доход от поступления иностранных инвестиций. При этом огромная часть средств уходит на закупку технологий и оборудования [4]. Под иностранной юрисдикцией также находится, по разным оценкам, 80 – 95 % крупной российской собственности (в том числе и большая часть списка стратегических предприятий России).

Деструктивным образом на экономическую безопасность страны влияет незаконный вывод капиталов. По оценке счетной палаты в результате совершения импортно-экспортных товарных сделок незаконный вывод капиталов из страны в 2013 – 2015 годах составил 1,2 трлн руб. При этом вызывает большое количество вопросов эффективность борьбы с подобного рода правонарушениями. «Таможенными органами в этот период возбуждено и передано в Росфиннадзор 17374 дела об административных правонарушениях в сфере валютного контроля и валютного регулирования. В результате деятельности Росфиннадзора на участников внешнеэкономической деятельности наложены штрафы в размере 663,4 млрд руб. Фактически в федеральный бюджет по постановлениям Росфиннадзора взыскано около 3 млн руб., что составляет 0,0005 % от суммы выявленных нарушений» [8].

Однако экономическая безопасность государства зависит не только от его экономического могущества, но и от людей, организаций в системе отношений в социуме. Иначе говоря, духовное, культурное развитие возможно лишь при развитых социальных отношениях, при развитом социальном государстве.

Вопиющей представляется сложившаяся в настоящий момент ситуация с уровнем социального неравенства. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2016 году в России насчитывалось 19,8 млн человек с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, что составляет 13,5 % от общего количества населения [6]. При этом по утвержде-

нию замминистра финансов России Татьяны Нестеренко «самыми бедными в России, около 37 % из числа всего бедного населения, являются молодые семьи, которые имеют двух детей». Кроме этого по оценке НИУ ВШЭ «в структуре российского общества преобладают средние слои с душевым доходом в интервале от 75 до 200 % от медианного показателя по населению в целом; их доля составляет более 60 %. При этом медианный доход населения превосходит минимальный стандарт жизни – прожиточный минимум – лишь в полтора раза, что определяет достаточно скромный стандарт жизни этой наиболее массовой части населения» [1].

Если рассматривать уровень социальной дифференциации в историческом контексте, то имущественное и социальное неравенство в Российской империи было вполне умеренным и гораздо меньше, чем в западных странах. Так, в последние годы царского режима децильный коэффициент составлял около 7, в то время как в США и Великобритании – порядка 20 – 40, где не было даже намека на революционную ситуацию.

В социологии и политологии считается, что разрыв в уровне обеспеченности крайних имущественных групп приводит к революционной ситуации и кризису общества. По официальным данным в современной России децильный коэффициент составляет 16 – 17, а в столичных городах, ставших очагами революций, 35 – 40, при критической величине этого показателя 6 – 7. По данным отчета Global Wealth Report за 2015 г. (исследование банка Credit Suisse), Россия сегодня является стра-

ной с самым высоким в мире имущественным неравенством. На долю 1 % россиян приходится 71 % всех активов физических лиц в России. Но на этом фоне неудовлетворенность сложившейся системой власти, собственности и распределения доходов в основном носит латентный характер.

Определяющим базовым компонентом политической психологии русского человека является его государственность. Потребность в сильном государстве противоречиво сочетается с общим равнодушием к власти [5, с. 33]. Подобная картина характерна как для начала XX, так и для начала XXI веков.

Таким образом, работа с населением в условиях кризиса считается важнейшей задачей в условиях предотвращения/раздувания революционных настроений. Сегодня в России отмечается неблагоприятная тенденция в характере социальных настроений. По данным ВЦИОМ, за последние несколько лет значения индексов общественных настроений значительно ухудшились. Например, индекс «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую вы ведете?» с 3-го квартала 2014 года по сентябрь 2017 года упал на 30 пунктов (с 75 до 45)* [2]. А значение индекса поддержки внутренней политики современных властей упал за аналогичный период на 45 пунктов (с 76 до 31) [10].

Сама по себе неудовлетворенность и напряженность в обществе может существовать долго и не перерасти в открытый конфликт. Для того чтобы неудовлетворенность состоянием дел и

* $Jч = S$ положительных и средних оценок – S отрицательных оценок.

ходом развития событий привела через рост социальной напряженности к политическому конфликту, необходим инцидент – формальный повод для начала конфликта. В конкретных исторических условиях января – февраля 1917 г. поводом для конфликта стал хлебный голод в Петрограде, созданный искусственно организаторами революции.

Оппозиция и господствующий класс, используя PR-технологии, прилагали огромные усилия по дискредитации монархии и пропаганде революции. Идеи обнищания населения, общенационального кризиса, провалов на фронтах, жирующих буржуа и мародеров тыла, немецкого засиления при царском дворе, слухи о неограниченном влиянии Распутина на императорскую семью, сплетни об императрице Александре Федоровне занимали главное место в агитации против монархии. Это ослабляло авторитет самодержавия прежде всего в глазах офицерства, солдат и столичных жителей, отражалось на их настроениях, вызывая чувство неудовлетворенности и разочарования. Накануне революции, когда в российском государстве и обществе стремительно усиливались разрушительные процессы, именно слухи и вымыслы, утверждение «виртуальных фактов», сознательное конструирование «искусственной действительности», умелая манипуляция настроениями масс и коммуникационный «шум» стали чрезвычайно

важными факторами, формировавшими деструктивное общественное мнение.

Сегодня еще остается слабо исследованным аспект Февральской революции как технологии современных цветных революций. Основные ее черты: дискредитация власти в средствах массовой информации и выступлениях влиятельных политиков, организация широкого протестного движения, образование вакуума власти в ситуации «управляемого хаоса», принуждение заинтересованной группой активистов (военных и политиков) к отставке руководства страны якобы для ее спасения, поддержка переворота западными странами для ее легимитации. Эти технологии были применены для развала Российской империи, Советского Союза, в странах Ближнего и Среднего Востока, на Украине.

Таким образом, главными задачами современной России являются сохранение своей целостности и недопущение развития революционных настроений, провоцируемых как изнутри страны, так и из-за её пределов. Главным инструментом решения данных задач должны стать инвестиции в население страны, в развитие человеческого капитала и потенциала. Именно население страны с его знаниями, умениями, ценностными ориентирами способно остановить идущие в государстве деструктивные процессы и дать мощный толчок к дальнейшему развитию страны.

Библиографические ссылки

1. Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс] / ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya (дата обращения: 09.08.2017).
2. Оценка властей [Электронный ресурс] / ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej (дата обращения: 09.08.2017).

3. Выступление В. В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (дата обращения: 21.08.2017).
4. Глазьев С. Ю. О сегодняшнем состоянии российской экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://russnov.ru/sergej-glazev-o-segodnyashnem-sostoyanii-rossijskoj-ekonomiki-11-11-2016> (дата обращения: 21.08.2017).
5. Коробков Ю. Д. Старое в новом, новое в старом. Морально-психологические предпосылки революции 1917 г. // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 29 – 38.
6. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Октябрь 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://isp.hse.ru/data/2016/11/30/1112632862/07_%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D0%92%D0%A8%D0%AD.pdf (дата обращения: 21.08.2017).
7. Нечаева И. И., Щитко В. С. Человеческий капитал и человеческий потенциал в оценке экспертов Владимирской области // Коммуникология. 2015. № 3. С. 59 – 67.
8. Счетная палата предлагает усилить уголовную ответственность за незаконный вывод капиталов за рубеж [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/27976/> (дата обращения: 04.09.2017).
9. Федеральная служба государственной статистики. Общие итоги миграции населения [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 04.09.2017).
10. Федеральная служба государственной статистики. Уровень жизни [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 04.09.2017).

I. I. Nechaeva, V. S. Tschitko

THE REVOLUTIONARY PROCESSES IN SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS OF RUSSIA

The article analyzes the main socio-cultural factors of development of Russia. The article presents the general assessment of the economic condition of Russia, its social structure and the level of social wellbeing of citizens.

Keywords: the development of Russia's economy, social structure, social wellbeing, human capital, revolutionary processes.

УДК 821.161.1

И. А. Костылева

**ПОЭТИКА ИМПРЕССИОНИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (Б. ЗАЙЦЕВ И Е. ЗАМЯТИН)**

В статье рассматриваются некоторые элементы поэтики импрессионизма в русской литературе серебряного века на материале творчества Б. Зайцева и Е. Замятина. Импрессионизм не стал отдельным направлением в русской литературе конца 19-го – начала 20-го века, как, например, символизм или акмеизм, однако приемы импрессионистического стиля активно использовали представители разных литературных школ, в частности, писатели-неореалисты Б. Зайцев и Е. Замятин.

Ключевые слова: импрессионизм, цветопись, символизм, модернизм, неореализм, экспрессионизм, софиология.

Использование цветовой символики в искусстве как важного смыслового, эстетического, эмоционального приема имеет очень древние корни [7]. Тема цветописи актуальна и для русской литературы начала 20-го века, в частности, для творчества Б. Зайцева и Е. Замятина как ярких и в то же время парадоксально непохожих представителей русского импрессионизма рубежа веков.

Давая достаточно критическую характеристику отечественному импрессионизму, Г. Федотов в своей статье «Борьба за искусство» подчеркивал чувственную природу этого явления: «Сознательно отказываясь от целостного образа мира, импрессионизм хочет вознаграждать себя за отрывочность своего восприятия его обостренностью. Вложить всю силу своего жизненного порыва в этот отрезок действительно-

сти, в это красочное пятно – такова его цель. Все линии и тем более поверхности и объемы растворяются в пятнах, в сгустках чувственной материи...» [9].

«Я начал с импрессионизма», – так Борис Зайцев определял стиль своего раннего творчества, называя первую книгу рассказов «небольшой поэмой в импрессионистическом роде». В автобиографическом очерке «О себе» писатель следующим образом охарактеризовал начало собственного творческого пути: «Чисто поэтическая стихия, избравшая формой не стихи, а прозу (поэтому и проза проникнута духом музыки. В то время меня нередко называли в печати “поэтом прозы”). Это основное, “природное”, свое» [4]. Ярко выраженный лиризм «бессюжетных рассказов-поэм» (Б. Зайцев), особое «тургеневски-чеховское» настроение, эмоциональность и приподнятость

тона, живописность стиля, звукопись и светопись – эти и другие поэтические особенности творчества молодого талантливоего прозаика выделяли его среди писателей начала века. Справедливо отмечал Ю. Айхенвальд: «На горизонте русской литературы тихо горит чистая звезда Бориса Зайцева. У нее есть свой особый, с другими не сливающийся свет, и от нее идет много благородных утешений» [2].

Импрессионистическая избыточность цвета, звука, запаха проявляется практически во всех ранних дооктябрьских произведениях: «Миф», «Тихие зори», «Аграфена», «Голубая звезда» и др. Так, например, в рассказе «Миф» Б. Зайцев выступает, по определению Ю. Айхенвальда, как «солнцепоклонник»: он создает своего рода мифологический мир, райский сад, сказочный космос, выполненный в очень изысканной колористической гамме с преобладанием золотого тона. Образ сада создается с помощью эмоционального живописного эпитета, соединяющего в себе цвет, звук, запах, что повышает экспрессию стиля. Богатство оттенков золотого цвета поразительно: «сонно-желтеющие купы», «золотистые покровы», «солнечный дым», «солнечно-полевой и радостный запах», «поблескивающие снопы», «светло-солнечная рыба», «золотисто-рыжеватое существо», «фон бледного золота», «дымно-золотистый воздух», «рыжеватосияющая» и т. д. Здесь солнце – «золотой приятель», «горизонт молчит в солнечном дыму», герой мечтает «растопить душу в свете» и т. д. Главный цвет – золотой.

В христианском искусстве этот цвет имеет очень важное значение. Е. Н. Тру-

бецкой в своей книге «Три очерка о русской иконе» писал: «Как бы ни были прекрасны другие небесные цвета, все-таки золото полуденного солнца – из цветов цвет и из чудес чудо. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении и как бы образуют вокруг него «чин». Перед ним исчезает синева ночная, блекнет мерцание звезд и зарево ночного пожара. Самый пурпур зари – только предвестник солнечного восхода. И, наконец, игрою солнечных лучей обуславливаются все цвета радуги: ибо всякому цвету на небе и в поднебесье источник – солнце» [8]. С. С. Аверинцев, размышляя о «таинстве золота» в христианской цветовой символике, отмечал: «Но в чем оно состоит, это таинство золота? Самое первое, что можно сказать о золоте, – что оно являет созерцающему глазу и умствующему уму образ света, а потому “означает” или “символизирует” свет... его можно назвать “абсолютной метафорой” света» [1].

Однако в раннем творчестве Б. Зайцева в связи с проблемой использования цветного эпитета можно проводить параллели не только с символикой античного или христианского искусства, а со спецификой именно импрессионистического искусства начала века, о чем убедительно писал В. М. Жирмунский в работе «К вопросу об эпитете»: «Романтизм впервые принципиально оправдывает индивидуальную точку зрения и индивидуальное словоупотребление: вместо традиционного *синего* моря поэт увидел море *розовым* или *зеленым*, вместо *белого* паруса в поэзии появился *рыжий* парус... На смену объективного и идеального

художественного стиля выступает индивидуальная манера, обусловленная точкой зрения или темпераментом поэта. Завершение этого пути – в художественной технике эпохи импрессионизма, окончательно разрушившей в искусстве статические и вневременные идеи предметов и отдавшей его во власть мгновенных, текучих и колеблющихся оттенков непосредственного восприятия» [3].

Именно поэтому в ранних (и не только) произведениях писателя-импрессиониста преобладают очень изысканные цветовые определения, характеризующие Б. Зайцева как художника-модерниста, неоромантика и неореалиста, обладающего очень острым и современным зрением. Вот некоторые из его живописных эпитетов: «солнечно-полевой и радостный запах», «прозрачно-персиковое тело», «лилово-дымчатая луна», «бархатно-черный» тон смерти и пр. Если искать соответствия колористической гамме произведений Б. Зайцева в современной ему живописи, то вспоминаются такие художники, тяготеющие к импрессионизму, как В. Борисов-Мусатов, И. Левитан, К. Коровин, В. Серов. Наиболее близким писателю по элегическому настроению, цветовой символике является, безусловно, В. Борисов-Мусатов, художник-символист, увлекавшийся импрессионизмом в начале века и, возможно, как и многие в это время испытывавший влияние философии В. Соловьева. Вспоминаются его знаменитые картины «Водоем», «Одиночество», «Зеленое ожерелье», выполненные в однотонной голубой и зеленой гамме, проникнутые меланхолией, настроением светлой печали.

С точки зрения проблемы символики цвета в творчестве Б. Зайцева классически совершенной и законченной является повесть 1918 года «Голубая звезда», завершающая ранний московский период творчества писателя, своеобразное посвящение кумиру юности философу В. Соловьеву и в известной степени прощание с ним. Монохромная цветовая гамма, медитативность, созерцательность, настроение светлой печали гармонично соединяются в повести с популярной в эпоху серебряного века соловьевской идеей Вечной Женственности, символом которой становится образ голубой звезды Веги, освещающей своим таинственным светом все пространство этой своеобразной лиро-эпической поэмы. Как говорит главный лирический герой повести, «в мире нет ничего выше христианства». Однако христианство Христово воспринимает сквозь призму соловьевской софиологии, обнаруживая доказательства зримого присутствия Вечной Женственности в мироздании, вселенной, облике своей любимой. Цвет и свет в «Голубой звезде» не только создают характерное для многих произведений Б. Зайцева элегическое настроение умиротворенности, душевного покоя и тишины, но и несут определенную смысловую нагрузку в соответствии с традиционной цветовой символикой.

Цветовой доминантой повести неслучайно стал голубой цвет, созвучный высокой идее служения Вечной Женственности и торжественному настроению произведения. Е. Н. Трубецкой так писал о природе этого цвета: «Смысловая гамма иконописных красок – необозрима, как и передаваемая

ею природная гамма небесных цветов. Прежде всего, иконописец знает великое многообразие оттенков голубого – и темно-синий цвет звездной ночи, и яркое дневное сияние голубой тверди, и множество бледнеющих к закату тонов светло-голубых, бирюзовых и даже зеленоватых. Нам, жителям севера, очень часто приходится наблюдать эти зеленоватые тона после захода солнца. Но голубым представляется лишь тот общий фон неба, на котором разворачивается бесконечное разнообразие небесных красок – и ночное звездное блистание, и пурпур зари, и пурпур ночной грозы, и пурпуровое зарево пожара, и многоцветная радуга, и, наконец, яркое золото полуденного, достигшего зенита солнца. В древнерусской живописи мы находим все эти цвета в их символическом, потустороннем применении. Ими всеми иконописец пользуется для отделения неба запредельного от нашего, посюстороннего, здешнего плана существования. В этом – ключ к пониманию неизреченной красоты иконописной символики красок» [8].

Колористический рисунок повести, таким образом, призван воздействовать на читателя не только на уровне непосредственного впечатления, чувственного восприятия, но и на более глубинном, символическом, мистическом уровне. Приведем пример из заключительной части произведения: «Голубая бездна была над ним, с каждой минутой синела и отчетливей показывая звезды. Закат гас. Вот разглядел уж он свою небесную водительницу, стоявшую невысоко, чуть сиявшую золотисто-голубоватым светом. Понемногу все небо наполнилось ее эфирной голубизной, сходящей на землю. Это была голубая Дева».

Е. Замятин, современник Б. Зайцева, в поисках новых форм изобразительности, адекватных драматическому состоянию мира начала 20-го века, пришел к другому искусству – модернистскому искусству резких, тревожных красок, гротеска, именуемому экспрессионизмом. Одним из первых на необычность, «нереалистичность» творчества Е. Замятина обратил внимание А. К. Воронский, назвавший писателя экспериментатором. По мнению критика, эксперимент у Е. Замятина доведен до крайности, до предела, что привело к созданию «сгущенного», «отчужденного» стиля. В своей статье «Современная русская литература» Е. Замятин отмечает такие черты нового направления, как преувеличенно выпуклые, режущие-яркие краски, наличие обобщений – символов, сказ. По его мнению, изображение мира и людей в новом искусстве должно поражать преувеличенностью, уродливостью, фантастикой.

В то же время Е. Замятин, как и Б. Зайцев, испытал сильное влияние символизма и импрессионизма. По его словам, искусство нового времени, искусство неореализма, синтетизма, экспрессионизма рождено сочетанием реализма и символизма. Отрицая самое главное в русском символизме, его таинственный, мистический, неисчерпаемый символ, Е. Замятин активно использует технику символистской поэзии и прозы, в частности импрессионистскую манеру письма. Для него импрессионизм – удобная система приемов, позволяющая сделать образ более «дерзким, смелым, выпуклым». Ему импонирует новое зрение импрессионистов, новизна и открытость света

и цвета. Современные писатели-неореалисты, как пишет Замятин, научились смотреть на мир «новыми глазами»: «Они поняли, что почти никогда не бывает *idem* цвета. Человеческая кожа никогда не бывает «телесного цвета»: под солнцем – она – глиняно-красная (Петров-Водкин); под луной – зеленоватая; под золотым осенним деревом – золотая... Оттого у новых писателей, как у новых художников – острая яркость красок» [5, с. 102]. В открытии этой новой философии искусства, по мнению писателя, – огромная заслуга символистов.

В своих теоретических работах по технике современного стиля Е. Замятин подчеркивал «три основные черты импрессионизма в живописи: 1) только основное, в рисунке – детали, зритель; 2) то, что называется *plain air* и 3) воспроизведение *impressions* художника».

Обратимся к конкретным примерам использования цветописи у Замятина. Глава из сатирической и одновременно трагической повести «На куличках» под названием «Голубое» выполнена в подчеркнуто-голубой монохромной гамме, где этот цвет, в отличие от «Голубой звезды» Б. Зайцева и в соответствии с атеистическими авторскими установками, не содержит никакой высокой, мистической, традиционной семантики – просто создает определенное настроение – «*impressions* художника». Писатель преследует выразительно-изобразительные цели: «Океан... курит внизу у ног, сонно-голубым своим куревом мурлычет дремливую колдовскую песню. И золотые столбы солнца то мирно лежали внизу на го-

лубом, а то вдруг выросли, поднялись, подперли стены – синие нестерпимо! А мимо плавно плывет в голубое, вглубь богородицына пряжа, осенняя паутина...». Автор намеренно большое внимание уделяет инструментровке текста, которая строится на педальировании согласного «л». Этот звук, по мнению Замятина, говорит о чем-то бледном, голубом, холодном, плавном, легком. Таким образом, для достижения своих целей он активно использует не только цветопись, но и звукопись.

Интересным примером одновременного использования цветовой и звуковой символики является рассказ «Знамение», где автор добивается впечатления одухотворенности, покоя и гармоничности картины синтезом голубого, белого, золотого и зеленого (плюс инструментровка на гласные «о» и «у»). «Озеро – глубокое, голубое. И у самой воды, на мху изумрудном – белый кипенный город, зубцы и башни и золотые кресты; а в воде опрокинулся другой, сказочный городок, бело-золотой на изумрудном подносе... Поет колокол в сказочном городке, колокол медлительный, негулкий, глубокий, гудит в зеленой глуби». Символика золотого и белого цвета очевидна – это символы вечности, царственности, торжественности.

Одним из лучших рассказов Е. Замятина считается рассказ «Русь». В изображении русской земли присутствуют мотивы вечности, неизменности, верности традициям предков. «Бор – дремучий, кондовый, с берлогами медвежьими, с крепким грибным и смоля-

ным духом, с седыми лохматыми мхами. Видал и железные шеломы княжьих дружин, и куколи скитников старой, настоящей веры, и рваные шапки Степановой вольницы, и озябшие султаны наполеоновских французишек. И – мимо, как будто и не было, и снова: синие зимние дни, шорох снеговых ломтей – сверху по сучьям вниз, ядреный морозный треск, дятел долбит; желтые, летние дни, восковые свечи в корявых зеленых руках, прозрачные медовые слезы по заскорузлым крепким стволам, кукушки считают годы».

Импрессионистическая красочность рассказа «Русь» способна соперничать с лучшими образцами подобного искусства в литературе. Здесь «синие зимние дни», «синяя зимняя тишина» контрастируют с «желтыми летними днями» и «золотой» летней тишиной. Летом здесь жара, «дни желтые – тяжелые той желтью, что бывает у яблок, уже спелых и готовых упасть». Цветовая насыщенность и яркость, колористическая смелость передают душную и знойную атмосферу города Кустодиева и тот накал чувственности, который скрывается в душе главной героини, русской Венеры, купеческой дочки красавицы Дарьи. Название города не случайно, оно указывает на тесную связь рассказа с творчеством Б. Кустодиева. Отсюда и лубочная, яркая, ярмарочная цветовая палитра рассказа,

«купеческий» сюжет и образы, роковые страсти, пышные декорации. Как известно, рассказ Замятина «Русь» вышел с иллюстрациями Б. Кустодиева. Встреча Е. Замятина и Б. Кустодиева состоялась в 20-е годы и была неслучайной. Обоих мастеров сближал неизменный интерес к национальной проблематике, уездной, провинциальной жизни с ее колоритными типами, образами русских красавиц. Замятин писал в воспоминаниях о совместной работе, что «Кустодиев видел Русь другими глазами, чем я, – его глаза были куда ласковей и мягче». Два художника здесь сотворили живописный миф об ушедшей Руси, создав замечательную стилизацию в духе Лескова, Островского, русского фольклора.

Таким образом, цветовая символика в творчестве Б. Зайцева и Е. Замятина помогает достижению многих задач: выражению авторской позиции, определенных философских и эстетических принципов, целям эмоционального воздействия на читателя. В то же время очевидно, что глубинные семантические подтексты того или иного цвета, сложившиеся в традиционной христианской культуре, способствуют не только постижению смысла художественного текста, но и говорят о его включенности в единое пространство национальной культуры [6].

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры [Электронный ресурс]. URL: http://ec-dejavu.ru/g/Gold_Aver.html/ (дата обращения: 10.08.2017).

2. Айхенвальд Ю. И. Борис Зайцев [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/ (дата обращения: 14.09.2017).
3. Жирмунский В. М. К вопросу об эпитете // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука, 1977 [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2083891-pall.html/> (дата обращения: 12.09.2017).
4. Зайцев Б. К. О себе [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1943_o_sebe.shtml/ (дата обращения: 18.09.2017).
5. Замятин Е. И. Техника художественной прозы // Литературная учеба. 1988. № 6. С. 79 – 107.
6. Пименова М. В. Номинация в диахронии (на материале обозначений цвета в рукописных травниках) // Вестник ВлГУ. Владимир. 2015. № 1. С. 51 – 56.
7. См.: Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Слово и миф. М., 1989. С. 256 – 270 ; Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 110 ; Колесов В. В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» // Слово и дело: Из истории русских слов. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 344 – 358 ; Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Поэтика ранневизантийской литературы. СПб. : Азбука-классика, 2004. С. 404 – 425.
8. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе [Электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru/trubeckoy-evgeniy-nikolaevich/book/78441-tri-ocherka-o-russkoj-ikone/> (дата обращения: 18.08.2017).
9. Федотов Г. Борьба за искусство [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/borba-za-iskusstvo/ (дата обращения: 12.08.2017).

I. A. Kostyleva

**POETICS OF IMPRESSIONISM IN THE RUSSIAN LITERATURE
OF THE SILVER AGE
(B. ZAITSEV AND E. ZAMYATIN)**

The article discusses some elements of the poetics of impressionism in the Russian literature of the Silver Age by means of analysis of works by B. Zaitsev and E. Zamyatin. Impressionism did not become a separate trend in the Russian literature of the late 19th – early 20th centuries, such as symbolism or acmeism, however, the techniques of the impressionist style were actively used by representatives of different literary schools, in particular the neo-realist writers B. Zaitsev and E. Zamyatin.

Key words: impressionism, tsvetopis, symbolism, modernism, realism, expressionism, sophiology.

**«МУЖЕСТВО В РЕШЕНИИ ВОПРОСА»: О РЕЦЕНЗИИ
С. Н. ДУРЫЛИНА НА «ТИХИЕ ДУМЫ» С. Н. БУЛГАКОВА**

В статье анализируется рецензия С. Н. Дурылина на сборник С. Н. Булгакова «Тихие думы», опубликованная в газете «Понеделник» в 1918 г. Автор рассматривает материалы книги Дурылина «В своем углу» и его письма и доказывает, что Дурылин в своей рецензии отозвался, прежде всего, не на текст книги, а на доклад С. Н. Булгакова «Владимир Соловьев и Анна Шмидт», память о котором долгие годы не оставляла его, поскольку отражала мировоззренческие различия между ним и соратниками по Московскому религиозно-философскому обществу (МРФО).

Ключевые слова: С. Н. Дурылин, С. Н. Булгаков, «Тихие думы», «В своем углу», Анна Шмидт, МРФО, газета «Понеделник».

Взаимоотношения С. Н. Дурылина с современниками – одна из тем, привлекающих сегодня внимание историков гуманитарной науки, старающихся восстановить картину развития «русской мысли» в период ее активнейшего формирования [2, 8, 9, 11, 12, 14, 15]. Частному эпизоду этого процесса и посвящена данная статья.

В газете «Понеделник» № 16 за 17 (4) июня 1918 г. была напечатана рецензия С. Н. Дурылина на вышедшую в том же году книгу С. Н. Булгакова «Тихие думы», куда вошли его статьи 1911 – 1915 гг. [7]. Сборник «Тихие думы» С. Н. Дурылин воспринимает «как бы дополнением к основной книге Булгакова "Свет не вечерний" (1917 г.)», которая названа «законченным и широким изложением его сложной, многогранной, считающейся со всеми основофактами современной культуры, религиозно-философской системы, христианской по существу, но уходящей корнями в религиозное эллинизма» [6].

Такая предельно обобщенная характеристика булгаковского «Света...» вызвана, кажется, не только жанровыми требованиями газетной рецензии.

В письме о. Павлу (Флоренскому) в 1919 г. Дурылин признавался: «Не прочёл даже «Света» Булгакова (отрывки только)» [11, с. 206]. В X тетради книги «В своем углу» 29 декабря 1927 г. он отмечает (запись № 23): «В Омске мне попал в руки "Свет не вечерний"». И здесь оценка этой основной булгаковской книги дана со свойственной жанру «Угла...»^{*} прямотой: «Нельзя читать» [5, с. 430]. Весной 1918 г. Дурылин был в Москве, наезжая в Сергиев Посад и Оптину Пу-

^{*} «В своем углу» по жанру ближе всего «Опавшим листьям» В. В. Розанова. Это 14 тетрадей разнотемных записей, включающих размышления и заметки, мемуары и письма, стихи и выписки. Книга создавалась с 1924 по 1939 гг. в тяжелый период ссылок и безработицы и была предназначена лишь нескольким близким по духу читателям. При жизни автора не публиковалась.

стынь [13, с. 121 – 134]; в Омск он мог попасть только после 1923 г. во время ссылки. Таким образом, можно утверждать, что, характеризуя в 1918 г. «Свет невечерний» Булгакова, Дурылин опирался не на текст книги, а на свои жизненные впечатления об авторе.

Общее представление о нем у последнего сложилось из их личного общения в 1912 – 1918 гг. в Московском религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева, секретарем которого был С. Н. Дурылин, из переписки (доступны 8 писем Булгакова 1912 – 1916 гг. [10]), а также благодаря сотрудничеству в различных проектах, связанных с надеждами на реформирование Церкви, как раз в 1918 г. В 1917 – 1918 гг. Дурылин принимает активное участие в разных начинаниях, связанных с этими надеждами, разделяемыми и Булгаковым, например, в плане издания серии «Духовная Русь», в подготовке Поместного собора Православной российской церкви 1917 – 1918 гг., в выпуске журнала «Возрождение» (выходил в мае – августе 1918 г.), в работе богословских курсов весной 1918 г., где С. Н. Дурылин читал лекции, посвященные церковному искусству. О близости с Булгаковым в этот период говорит включение Дурылиным в составленный им список рекомендуемых книг «по вопросам о вере и неверии и об отношении религии и науки» четырех работ Булгакова: «Интеллигенция и религия», «Воскресение Христово и современное сознание», «Религия человекобожия у русской интеллигенции», «О первохристианстве» [6, с. 544 – 547]. В своей статье «В одиннадцатый час»,

опубликованной во втором номере журнала «Возрождение» за 1918 г., Дурылин обильно цитирует работу 1907 г. «Интеллигенция и религия», называя ее провидческой. Совпадая с Булгаковым в понимании причин кризиса духовной жизни России, Дурылин пишет: «Интеллигенция – эта давняя учительница и воспитательница народа – оказалась грубо отброшенной народом и переживает теперь жуткую трагедию непризнания, отвержения и ненавидения, а народ, проходивший школу атеистического просвещения в форме социалистической пропаганды, толстовского морализма, естественно-научного безбожия, явил поистине лик звериный» [Там же, с. 453]. Таким образом, в конце 1910-х гг. мыслителей сближала оценка современности и чаяние обновления духа церковной жизни и религиозного просвещения народа. Однако история интересующей нас рецензии, написанной тогда же, позволяет увидеть и точки их глубинного мировоззренческого расхождения, усиливавшегося со временем.

Личное общение Дурылина с Булгаковым на протяжении всего периода знакомства отражено в его «Своем углу» рядом упоминаний информативного характера. Например, его имя встречается в ряду присутствовавших на лекции А. Белого («были А. Блок, Струве, М. Волошин, Эллис, Е. Трубецкой, Булгаков, Бердяев, Эрн, С. Котляревский» [5, с. 518]), а также на торжественном публичном заседании Соловьевского общества в память К. Н. Леонтьева [Там же, с. 805 – 806]. Судя по мемуарам, каковых в составе тетрадей «В своем углу» немало, общение двух

Сергеев Николаевичей было довольно насыщенным: «Помню его <М. О. Гершензон – И.М.> на вечеринке у С. Н-ча [Булгакова?]]» [5, с. 543], «Булгаков говаривал...» [Там же, с. 139], «читал у Булгакова» [Там же, с. 430]. Однако композиционное и стилевое оформление упоминаний Булгакова в этой книге выявляет мировоззренческие расхождения соратников. С. Н. Булгакова, о. П. Флоренского, Н. А. Бердяева и Е. Н. Трубецкого Дурылин всегда противопоставляет любимому В. В. Розанову: «Розанов ближе к церкви, чем Булгаков и Флоренский» [Там же, с. 175], «... как холодны и скупы перед ним <Розановым – И.М.> "праведники" – Трубецкой, Флоренский, Булгаков. У "грешника", должно быть, хлеб мягче, оттого, должно быть, что и рука мягче: не столь тверда и уверена, как у "праведника"» [Там же, с. 179]. Характерно, что он закавычивает определения, даваемые первым, отчуждаясь от них: они «самые прилежные разыскатели "русской философии"» [Там же, с. 165], «праведники» [Там же, с. 179], «идеалисты» [Там же, с. 248]. Расхождение с ними, несмотря на близость общения, были очевидны Дурылину еще в 1915 г., когда он читал свой «Град Софии». Как следует из той же записи 1927 г., «...книжка была *прикровенно* направлена и против него <Е. Н. Трубецкого – И.М.>, как против Вл. Соловьева» [Там же, с. 430].

Важность расхождений между Дурылиным и Булгаковым улавливается и в том, чему Дурылин уделил в своей рецензии на «Тихие думы» основное место. В сборнике есть статьи о Ф. М. Достоевском, А. С. Пушкине и К. Леонть-

еве – об авторах, неизменно привлекавших Дурылина; но большую часть рецензии он посвящает другому: «Первое место среди статей сборника должно отвести статье "Владимир Соловьев и Анна Шмидт"». Самый большой из пяти абзацев рецензии посвящен именно этой статье, которая характеризуется так: «Несомненно, статья Булгакова есть самое значительное из всего, что писано у нас о Соловьеве в последние годы. Она мужественно-смела и вызывает на такое же мужество в решении вопроса, которое она обнаруживает в авторе» [6]. Что же он называет мужеством?

4 июля 1930 г. в Томске Дурылин вспоминает чтение Булгаковым доклада, по которому написана статья «Владимир Соловьев и Анна Шмидт». Приведу эту запись полностью:

«... когда Булгаков написал свою статью "Вл. Соловьев и А. Шмидт", он не решался прочесть ее даже в закрытом заседании Соловьевского общества, а читал персонально приглашенным лицам. Были Рачинский, Вяч. Иванов, Бердяев, Лопатин, Гершензон, Е. Трубецкой. Остальных плохо помню. – **И разговор был полон смущения.** Лопатин, очевидно, знал о "софианстве" Соловьева больше, чем хотел сказать, и больше, чем было известно Булгакову. Трубецкой отмалчивался и все пытался вернуть дело к "академической" постановке, в чем ему пособлял и Рачинский. Бердяев "шел на вы". Гершензон хитренько кое-что выспрашивал и помалкивал с улыбочкой. Булгаков вопрошал – с той серьезностью и вместе детскостью, которая ему свойственна. Лопатин то и дело "прогова-

ривался". Проговорился о каких-то "розовых записках", которые получал Соловьев от Вечной Жены на спиритических сеансах (ах, как поморщился при этом "проговоре" Трубецкой! чуть ли не кулак сжал: обычный ораторский его жест, здесь, в обществе 10 – 12 человек близких, свидетельствовал только о смущении и досаде!), проговорился, что Соловьев тем же спиритическим путем получил от "Софии" план расстановки вещей в своем кабинете. "Проговоры" слушались так: Трубецкой или Рачинский вели какую-нибудь речевую матовую академическую полосу, очень благополучную и матовевшую все взгорки и болотца Соловьева. Булгакову, лично не знавшему Соловьева, – хотелось все вызнать, все выяснить: добросовестность его "марксизма" сказывалась и в его "идеализме", и в "мистицизме". А Трубецкой все матовил, матовил. Тогда непоседливому Лопатину становилось невтрепеж и он вдруг выпаливал: "Да, у Соловьева были непосредственные сношения с Софией..." – Булгаков: "Какие же, Л[ев] М[ихайлович]?" – и Лопатину оставалось только проговориться о спиритических сеансах, о розовых записках, о "софийном" плане кабинета, о розовой туфле, покрываемой поцелуями мистической любви.

Но и он, и Трубецкой брезгливо и даже не без злости отстранялись от нижегородской "жены, облеченной в Солнце". Лишь Бердяев бесстрашно пускался в мистику этой жены, да Булгаков <...> рыцарски оборонял Шмидт:

"А.Н.Ш. своею кровью

Начертал он на щите".

(разумеется Булгаков как православный, делал большой вычет на "прелесь"

и даже стихотворение это Пушкина, из коего я привел 2 стиха, подвергал большой критике со стороны его "православности").

Но и Булгаков – не после того собрания, а как-то в это же время – сказал мне: "Я дорого бы дал, чтобы наше общество называлось не "Памяти Соловьева". – "А как же?" – "Ну хоть бы даже "Памяти Достоевского" – и это лучше. (Даже "Достоевский" казался ему несомнительней и религиозно-добротней, чем Соловьев.)

Чувствовалось, что "софианка" Шмидт – встала на конце жизненного пути Соловьева – как некая Немезида: "А! Ты хотел встречи с Софией. Ездил для этого в Египет, написал "Три встречи". Вот тебе четвертая. Встречай Софию Анну Николаевну из "Нижегородского листка". Она исповедует тебя во плоти пришедшим Логосом и требует, чтоб ты признал ее во плоти пришедшей Софией, Вечной Женственностью. Встречай ее".

Бесспорно, что предсмертные письма Соловьева к Шмидт наполнены худо преодолевавшимся ужасом перед этой Софианкой, вышедшей из недр его мистики и поэзии. В ее кривом зеркале отражались все подспуднейшие его идеи и чаяния. Всякое кривое зеркало – Немезида, и Соловьевым – это видно по его письмам – овладело стремление бежать без оглядки от своей "софианки", а если нельзя убежать, то остановить свою "Софию" воплощенную, крикнуть ей: "Ты – не от меня! Я тебя не знаю! Ты – не моя! Оставь меня!" <...>» [5, с. 773 – 774].

Тон этой записи явно направлен против сухой академичности в реше-

нии главного компонента «соловьевства» – его «софианства» – применительно к реалиям земной человеческой жизни; академичности, вынуждающей некоторых доходить до ханжества. С этого и начинается запись: «Когда будут писать о Вл. Соловьеве, – если будут когда-нибудь, – труднее всего будет писать о том, о чем в начале XX в. казалось писать легче и сладостнее всего, – писать о Σοφια» [5, с. 773]. Тема Софии, как известно, связывала и Булгакова с Дурылиным [12, с. 23 – 24], о чем свидетельствует и их переписка [10]. Отдав богатую дань этой теме, Дурылин, однако, в конце 1910-х гг. отходит от нее, отчуждаясь от «мыслительного», «теоретического» христианства в целом. Об этом он прямо писал в упомянутом письме П. Флоренскому в 1919 г.: «Со мной вообще тут что-то делается: я много внутренне не могу читать. <...> И общее моё чувство обо мне: з-н-а-ть ничего не хочется, а жить, чувствовать, быть» [цит. по: 11, с. 206].

Как следует из процитированной записи (даже со скидкой на искажения памяти) особенно запомнилось ему обсуждение доклада; разное поведение участников описано с выразительными подробностями. За ними – «жить, чувствовать, быть» разных людей гораздо убедительнее, чем собственно обсуждение проблемы софийности и сути «Вечной Женственности». Булгаков в своей статье (и, значит, в докладе) рационально и последовательно рассматривал мистику Шмидт и Соловьева, их совпадения и вытекающий из них страшный вопрос о самоопределении Соловьева: «Теперь мы должны поста-

вить вопрос резко и прямо, с беспощадной обнаженностью: если Соловьеву являлась "вечная подруга", о которой мы имеем его же собственное учение, следовательно, знаем, как он понимал ее сущность, то каково же при этом было его собственное самосознание?» [1, с. 105], «Спросим же теперь *свою* религиозную совесть: как относимся мы – не к "откровениям" пререкаемой, ошельмованной в глазах многих А. Н. Шмидт, но к видениям самого Вл. Соловьева?» [Там же, с. 108 – 109], «...разделяем ли мы с ним его собственное понимание, т. е. что ему действительно являлась Дева София, которую он по праву называл "вечною подругой?" И в таком случае за кого мы должны почитать того, кто удостоен был такого избранничества? Как следует относиться к его словам, писанию, деяниям? Боюсь, что даже и в святцах не найдем мы соответствующего ранга для "почести сего высшего звания"» [Там же, с. 109]; «особенность Соловьева и в этом отношении состоит в том, что он из мужского центра души и от своего лица обращается к Софии, самоопределяясь тем самым как Логос...» [Там же, с. 111], «... как бы ни ограничивать силу и степень соловьевского перевоплощения, все же его опыт остается единственным в своем роде, как это осознает он и сам. А потому, хотя бы в смягченной форме, снова возвращается наш прежний вопрос о том, как же сознавал Вл. Соловьев себя в качестве избранника Софии» [Там же, с. 112]. Главной в его статье была фигура Соловьева, возможно, потому что А. Шмидт была в центре его внимания в опубликованной вместе с

Флоренским книге «Из сочинений Анны Шмидт» (М. : Путь, 1915).

В рецензии Дурылина Шмидт вслед автору рецензируемой книги характеризуется как «замечательнейший мистик, писательница, ставшая скольконибудь доступной читателю только после своей смерти», «мистически родственная» Соловьеву; но в дневнике – иронично и снижено: «жена, облеченная в Солнце», «софианка», «"Вечная женственность" в стоптанных прюнелевых башмаках и с репортерским билетом "Нижегородского листка" в кармане запыленной, неловко подтыканной юбки». (Возможно, эти подробности он почерпнул из воспоминаний Горького [4]). Для него этот образ, вышедший «из недр его <Соловьева – И.М.> мистики и поэзии» и вызывающий «худое преодолеваемый ужас», доказывает несостоятельность, невыносимость и, значит, ошибочность мистических откровений и богословских исканий В. Соловьева. Он признает, что это «неловко, а может быть немного и стыдно» [5, с. 773], но главное – непроговоренное прямо постоянно остается как бы за скобками для участников дискуссии, которые, значит, в своих представлениях об отношениях и любви редуцируют бытие, тем самым искажая его.

Явное несоответствие бытового и бытийного смущало, видимо, и Булгакова, пораженного смыслом написанного Шмидт и академично игнорировавшего специфику ее внешнего облика в стремлении понять эту чрезвычайную ситуацию. Оценочные определения в его статье: «странная корре-

спондентка» [1, с. 105], «нижегородская сивилла» [Там же, с. 108] воспринимаются чисто риторическими фигурами, использованными во избежание повторов. В целом он действительно рыцарски защищает Шмидт: «Навязчивая, маниакальная психопатка? Может быть, но одаренная гениальной мистической пронизательностью, а при этом, когда нужно, трезвая, нечуждая невинного лукавства репортерша провинциальной газеты» [Там же, с. 107]; «нельзя отрицать, что логика ее отличается здесь железной последовательностью, и вообще ее мышлению свойственной, – это менее всего каприз психопатки» [Там же, с. 108]. Дистанцировавшись от несоответствия ее облика ее же притязаниям на роль Софии, он честно проанализировал писания ее и Соловьева, обнаружив в ее рассуждениях безупречную логику и понимание работ Соловьева, что и стало основным аргументом для автора. Это качество Булгакова отмечает Дурылин и в рецензии: «В писательском облике С. Н. Булгакова есть необыкновенно редкая черта: постоянство духовных почитаний, незыблемое памятование о родстве духовном. Как далеко ушел он теперь не только от бывшего своего «марксизма», но и от «идеализма»; далеко позади от него и его бывшее ортодоксальное «соловьёвство», – но все это и многое другое, теряя для Булгакова свою правду и истину абсолютную и всеполную, неизменно сохраняло за собой правду и истину относительную» [6, с. 452 – 456].

Рискну предположить, что «мужество» Булгакова относится в сознании Дурылина к способности первого ис-

коть истину поверх эмоций и независимо от личных пристрастий и симпатий, бесстрашно; такая рационализирующая установка отличала этого мыслителя от самого Дурылина, который отдавал предпочтение собственному эмоциональному и эстетическому в том числе опыту перед рационализациями.

Приведенная запись сделана в самый тяжелый период жизни Дурылина, в Томской ссылке [13, с. 218 – 251]. Она следует в тетради «Угла...» за воспоминаниями об Оптинском старце Анатолии, о его доброте и любви. Ее Дурылин определяет как «что-то первично-нужное и важное», а о самом старце он хотел бы «найти "прекрасно-доброе" и потому простое слово», но признается, что никогда не найдет его [5, с. 773]. Соположение этих двух воспоминаний – об Оптинском старце и обсуждении доклада Булгаковым –

доказывает, что проблема совмещения земной любви, мистических откровений и рациональных объяснений христианских постулатов, остро стоявшая для Дурылина в конце 1910-х годов, оставалась актуальной в его сознании еще долго. Решив этот вопрос в собственной жизни во многом благодаря Ирине Алексеевне Комиссаровой и художественно осмыслив его в «Колоколах», он видит глубокую драму и в русском православии с его апологией аскетизма, и в возведении половой любви к самосовершенствованию и воспитанию нового человека путем мистических восхождений у Соловьева. Отвержение рационального познания объяснимо мировосприятием Дурылина, искавшим как в литературе, так и в жизни, прежде всего, соприкосновения с теплотой бытия, в котором есть «лично греющая радость и свет» [3, с. 190].

Библиографические ссылки

1. Булгаков С. Тихие думы. М. : Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. С. 75 – 114 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10071455> (дата обращения: 21.10.2017).
2. Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М. : Языки русской культуры, 1997. 753 с.
3. Визгин В. П. Дурылин как философ // С. Н. Дурылин и его время / сост. и ред. А. Резниченко. Кн. 1. Исследования. М. : Модест Колеров, 2010. С. 186 – 197.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. В 25 т. Т. 17. М. : Наука, 1973. С. 45 – 57.
5. Дурылин С. Н. В своем углу / сост. и примеч. В. Н. Тороповой ; подгот. текста и подбор ил. В. Н. Тороповой и В. Ф. Тейдер ; предисл. Г. Е. Померанцевой. М. : Молодая гвардия, 2006. 912 с.
6. *Он же*. Статьи и исследования 1900 – 1920 годов / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб. : Владимир Даль, 2014. 895 с.
7. *Он же*. Сергей Булгаков. Тихие думы // Понедельник. 1918. № 16, 17 (4) июня.

8. Марченко О. В. С. Н. Дурылин и В. Ф. Эрн. Приложение: С. Н. Дурылин. Памяти В. Ф. Эрна // С. Н. Дурылин и его время. С. 209 – 241.
9. Нефедьев Г. В. Моя душа раскрылась для всего чудесного. Приложение: Переписка С. Н. Дурылина и Эллиса (1909 – 1910 гг.) // С. Н. Дурылин и его время. С. 113 – 158.
10. Письма С. Н. Булгакова С. Н. Дурылину : [предисл. и примеч. М. А. Рашковской и Е.Б. Рашковского] // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 156 – 164.
11. Половинкин С. М. София С. Н. Дурылина и свящ. Павла Флоренского. Приложение: Письма С. Н. Дурылина к свящ. Павлу Флоренскому // С. Н. Дурылин и его время. С. 197 – 209.
12. Резниченко А., Резвых Т. Метафизическая проза С. Н. Дурылина. Истоки и параллели // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900 – 1920 годов / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб. : Владимир Даль, 2014. С. 3 – 48.
13. Торопова В. Н. Сергей Дурылин. Самостояние. М. : Молодая гвардия, 2014. («ЖЗЛ». Малая серия. Вып. 73). 349 с.
14. Фудель С. И. Воспоминания // Новый мир. 1991. № 3. С. 206 – 214.
15. Щедрина Т. Г. Сергей Дурылин и Густав Шпет в сфере разговора русских философов (опыт историко-философской реконструкции архива) // С. Н. Дурылин и его время. С. 175 – 186.

I. V. Moteiunaite

**«COURAGE IN ADDRESSING THE ISSUE»: S. N. DURYLIN'S REVIEW
OF «QUIET THOUGHTS» BY S. N. BULGAKOV**

The article analyzes S. N. Durylin's review of S.N. Bulgakov's book "Silent Thoughts", published in the newspaper "Monday" in 1918. The author examines the materials of Durylin's book "In One's Own Corner" and his letters, and proves that Durylin commented not on the text of the book, but on S. N. Bulgakov's report "Vladimir Soloviev and Anna Schmidt", memory of which for many years did not leave him, because it reflected the worldview differences between him and his colleagues in the Moscow Religious Philosophical Society.

Keywords: S. N. Durylin, S. N. Bulgakov, "Quiet Thoughts", "In His Own Corner", Anna Schmidt, Moscow Religious Philosophical Society.

**КИНОЭКФРАСИС В «РОМАНСЕ» МАРИИ СТЕПАНОВОЙ
«ПАМЯТИ ПАМЯТИ»**

В документально-художественном произведении Марии Степановой «Памяти памяти» (2017) большое внимание уделено кинематографу как медиуму одновременно травматичной и устремленной в вечность памяти. Доказывается, что аналитическое различение документального и художественного принципов в киноэкфрасисах Марии Степановой способствует прояснению социальных и художественных эффектов кинематографа, превращая «романс» в исследование не только способов помнить, но и способов мыслить будущее.

Ключевые слова: киноэкфрасис, современная русская проза, память жанра, память в литературе, кинематографичность.

Термин «киноэкфрасис», или «кино-экфрасис» (film ekphrasis, ekphrasis in film), вошел в науку как необходимая часть интерпретации эстетической «триады живописи, романа и кинематографа» [4, с. 10]. При этом никому из исследователей не удастся сохранить равновесие этой триады. Валери Познер назвала киноэкфрасисом нормирование лекторской работы на советских пропагандистских кинопоказах 1920 – 1930-х годов. Так, показ фильма С. М. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» должен был сопровождаться историческими экскурсами, причем по требованию инструкции 1927 г., «[п]о мере того, как фильм выявляет нарастание в драматизме своего содержания, лектор дает нарастание психологического впечатления в своей словесной части» [2, с. 157]. Комментируя инструктирующие брошюры, Познер выделяет другую триаду – экранного изображения, диегесиса (последовательного повест-

вования) и экфрасиса: «[Н]адо отметить, что словесный ряд может вступить в разные отношения со зрительным. Чтение надписей, как и озвучивание голосов актеров в виде отдельных реплик персонажей, остаются внутри диегесиса, т. е. они к экфрасису не относятся. Другое дело комментарий, предварительное описание действия или одновременное объяснение того, что происходит на экране. Тут мы уже вне диегесиса» [Там же, с. 158].

Н. С. Бочкарева и М. А. Пешкова указывают, рассматривая уже преломление того же самого фильма в новелле Фейхтвангера, что киноэкфрасис превращает фильм в рамку драматических событий в жизни литературного героя:

«Основные события происходят во время просмотра фильма: герой заходит в кинотеатр уверенным в себе и в своих идеалах, выходит же потеряннным и подавленным. Киноэкфрасис придает композиционную целостность новелле,

участвует в ее пространственно-временной организации, выполняет сюжеттообразующую функцию, влияет на специфику жанра» [1, с. 91].

Если согласно Познер в пропагандистском употреблении кино триада живописи, романа и кинематографа заменена на триаду экранного образа, диегесиса и экфрасиса, иначе говоря, экфрасис и создает нормативную кинематографичность в отличие от сцен фильма, которые воспринимаются как картинки (далее Познер вспоминает лубочную и раешную культуру, в которой и находит ключи к восприятию кинематографа массами населения), то Бочкарева и Пешкова, рассматривая эффекты восприятия того же самого фильма в ту же самую эпоху, уже понимают кинематографичность как само собой разумеющееся свойство любого удачного киноэкфрасиса, благодаря чему он и влияет на все уровни организации самой новеллы. Таким образом, киноэкфрасис оказывается привилегированным членом любой триады, каковы бы ни были другие две части триады: живопись и кинематограф, изображение и пояснение, рецепция кинематографа и нарратив о кинематографе – мы имеем дело не столько с качественным скачком в понимании киноэкфрасиса, сколько с его все более точной жанровой спецификацией. Мы утверждаем, что в «романсе» Марии Степановой «Памяти памяти» произошел качественный скачок в понимании киноэкфрасиса, которого не удалось пока произвести в научной литературе.

Полный анализ жанровой специфики «романса» Марии Степановой выходит за пределы задач нашего исследования: документальные эпизоды и документы, описание вещей и исследование эффектов вещественной памяти, размышления о разных медийных свидетельствах трагической истории XX века и о трансформации смысла разных медиа (кино, фотография, письмо) – неотъемлемые части повествования в этом произведении, говорящем о «несводимост[и] человека к любой мере» [5, с. 47].

Киноэкфрасис в этом произведении появляется в связи с двумя темами: во-первых, темой документального кино, которое должно производить эффект узнавания «по утратам» [3, с. 91], так как в кинохронике сходство лиц может оказаться обманчивым, а разные травмы или метафоры травм вроде оторванной пуговицы сразу видны в киножурнале, во-вторых, темой художественного кино, которое, концентрируясь, наоборот, на лице человека, на герое как искреннем персонаже, на лице у которого все написано, погружает зрителя в почти сомнабулическую атмосферу, в которой и является возможность иного развития событий – эта возможность иллюстрируется известным анекдотом о том, что некоторые зрители многократно пересматривали фильм «Чапаев» в надежде на то, что в какой-то из копий фильма персонаж выплывет [Там же, с. 275].

Обе эти темы, узнавания героя в этом мире как травмированного, ничего, находящегося в прорехе бытия, и

узнавания героя в вымышленном мире художественного фильма в прорехе сюжета, сходятся в изложенной в связи с «Чапаевым» детской позиции повествовательницы: она в детстве не дочитывала книгу до места, где любимый герой должен погибнуть, закрывала книгу и тем самым спасала его, исходя из того, что вечность его самопрезентации и есть вечность его бытия. Получается треугольник самолюбие – самопрезентация – бытие: герой, как гордый собой, желает вечно себя представлять и, вечно себя представляя, он остается в вечном бытии. В таком случае киноэкфрасису или кинематографу как последнему и привилегированному члену триады соответствует состоявшееся иллюзорное бытие, и требуется жанровое подразделение на документальное и художественное кино, чтобы прояснить границы этого бытия.

Документальное кино в «романсе» Степановой – это кинохроника, которая называется также киножурналом: тем самым подчеркивается как его регулярность, так и его циклическое воспроизведение, создающее впечатление бесконечности; при этом качественных характеристик этой бесконечности Степанова принципиально не дает. Документальная хроника рассматривается как особая работа с фиксируемым настоящим: все фиксируется как «известное», во всяком случае производящее впечатление известного, и при этом все лишается каких-либо собственных судеб, выступая как иллюстрация не просто к событиям XX века, а к лозунгам, которые эти события

сопровождают: «Документального кино, занятого раскопками этого всего, так много, что любой сюжет, если не лицо, кажется известным наперед; толпы, застигнутые врасплох кинохроникой, лишены фамилий и судеб и обречены бесконечно перебегать улицу под носом у трамвая, иллюстрируя любой произвольный тезис: “венские горожане приветствуют аншлюс”, “завтра была война”, “все там будем”» [3, с. 90].

Здесь треугольник выглядит как рецепция кинематографа – нарратив кинематографа – киноэкфрасис. При этом рецепция кинематографа создает впечатление тотального знания о происходящем, нарратив, напротив, показывает неизвестность всего происходящего (все застигнуто врасплох им и потому неведомо), тогда как экфрасис состоит именно в том, что как и в инструкции, рассмотренной Познер, нарастающее драматическое содержание соответствует нарастанию речевого впечатления, драматические лозунги переживаются как патетические призывы. Но ключевым здесь оказывается понятие «произвольный тезис», взятое из практики логической аргументации, что с одной стороны раскрывает природу экфрасиса в риторическую эпоху как важного ораторского упражнения, а с другой стороны намекает на произвол как на позицию пропагандиста, от взгляда которого на происходящее общественное сознание до конца не освободилось. Далее эта позиция, совмещающая три несовместимые речевые стратегии – нарратора, экзегета (толкователя изображения как первичного

субъекта классического экфрасиса) и пропагандиста, – раскрывается как позиция привилегированная. Причем ее привилегированность состоит в возможности подрывать не только позиции героев и вещей, но и саму позицию героев и вещей в бытии: «Старинное разделение на важное и неважное действует везде: герой говорит, девочка ест мороженое, толпа стоит, как положено толпе. К хроникальному материалу относятся как к складу с реквизитом; его много, и можно выбирать на вкус и цвет. Автор рассказывает историю, прохожие ее иллюстрируют. Дело всегда не в них; они – если воспользоваться телевизионным термином – перебивки: то, что заполняет паузы, радуя глаз и не отвлекая от общей идеи» [3, с. 90].

Такой хроникальной камере, которая фиксирует все как есть, но в результате оказывается медиумом пропаганды, противопоставляется «затемнение», выделяемое по тексту «Памяти памяти» всегда курсивом, когда это слово подается как искусствоведческий или киноведческий термин, а не как одна из метафор, описывающая качественную работу памяти. Например, «фрагмент обрывается, книга уходит во что-то вроде киношного *затемнения*» [Там же, с. 175].

Если в киноведении термин «затемнение» (*fade, fade in*) имеет общепринятый определенный и однозначный смысл одного из видов монтажа, при котором переход от кадра к кадру создает впечатление разрыва во времени, а значит, драматического пережи-

вания внезапно завершившегося эпизода, то в изучении живописи такого термина нет, все сходные явления описываются объемным термином «светотень» (*chiaroscuro*, крайне редко *light-dark*), обозначающим вырванное из темноты искусственным освещением изображение лиц в масляной живописи, как у Караваджо или Рембрандта. Употребление термина по отношению к обоим искусствам – новация Марии Степановой, которая позволяет сблизить экфрасис живописи и киноэкфрасис:

«Есть апокрифический рассказ о том, что Рембрандт *намеренно затемнил* прекрасно написанную Клеопатру – с тем, чтобы эффектней выделить единственную жемчужину. Клеопатра, если и была, не сохранилась. Зато в раннем автопортрете 1628 года с его пленительным смешением розовости и рыжины, прозрачных теней и мерцающих поверхностей такой жемчужиной оказывается ухо. Освещение там, что называется, режимное: такой свет, прощальный, предвечерний, спасает любую фотографию и киносъемку, сообщая ей ниоткуда взявшееся совершенство. Лицо погружено во мглу, высвечена только самая луковка носа; зато часть шеи, нежная щека с волосками, участок белого воротничка словно позолочены последним солнцем, и кольца волос на загравке отблескивают проволокой. Центр композиции вслед за светом сдвигается влево, и багровеющая ушная мочка (непомерно раздутая, словно только что прокололи ухо, и вот оно саднит и пухнет) становится сразу всем: и закатом, и драгоценной серьгой, и

слепым, затянутым плотью третьим глазом» [3, с. 147].

Свет приобретает в этом описании двойную функцию: с одной стороны, он вырывает из тьмы узнаваемое лицо, как и положено технике кьяроскуро, а с другой – сообщает непонятное совершенство любому изображению. Такая двойная функция кьяроскуро уже становилась предметом размышлений в русской литературе: следует указать на стихотворение Виктора Кривулина «Ла Тур» (1975), вошедшее в его книгу «Композиции». В этом стихотворении свет обнадеживает повествователя, впавшего в отчаяние при виде советской действительности эпохи застоя, и одновременно готов сообщить совершенство любому лицу, освещенному этим светом. Но если у Кривулина встреча с лицом, с личностью другого оказывается целью той и другой функции света, то у Степановой эти функции разные. Свет выхватывает из тьмы вовсе не лица, а предметы, вроде жемчужины, и опредмечиваются даже черты облика: волосы на загривке отблескивают проволокой. Третий глаз не увидит того, кто на него смотрит. А вот ровный прощальный свет, хоть и сияет в полной мгле неразличимости, бросает на весь этот мир опредмеченных черт позолоту ценного впечатления, пробуждающего эмпатию повествователя.

Смысл всего этого построения – в создании новой триады. Вместо тотального знания о происходящем как о реквизите, кинематографического впечатления как усредняющего все вещи

и всех лиц любая вещь оказывается уникальной и выхваченной из своей тьмы. Вместо нарратива, застигающего вещи врасплох, здесь нарратив, напротив, со всем прощается, создает прощальное впечатление, прямо противоположное впечатлению врасплох. Наконец, экфрасис, состоящий из попыток качественных, а не количественных характеристик освещенности вроде «розовости», «рыжины» или «мерцания», причем в таких сочетаниях, что не остается сомнения, что речь о качественном развитии, а не просто об опознаваемых свойствах, становится привилегированным членом триады, придающим качественные характеристики происходящему. В «Памяти памяти» такое превращение живописного экфрасиса из оживления изображенного, чем был классический экфрасис, в исследовании качественных преобразований реальности встречается не раз. Разберем только один пример.

«В городе Вюрцбурге есть дворец, а во дворце плафон работы Джанбаттиста Тьеполо, не похожий ни на что на свете; это, конечно, плоховатое описание – ведь все на свете похоже на все, всё *рифмует*. Он розовый и румяный во всю длину небес, он полон удивительными созданиями, которые реальность обычно медлит нам показывать, отводя им место в цирке или голливудском костюмном кино. А тут они все явлены, собраны на парад четырех континентов, которые вдруг снялись с места, собрали вещички и двинулись на общий праздник во славу вюрцбургского князя-епископа, имени которого я не помню» [Там же, с. 266].

Хотя завершается этот эпизод нормативным для классического экфрасиса оживлением всей сцены, в нем прежде дана отсылка к костюмному кино, что вносит в экфрасис неведомую ему тему рифмы: все оживает, потому что все, с одной стороны, похоже на все, а с другой – все удивительно. Так опять тотальное знание как первый член триады и тотальное удивление нарратора-экзегета как второй член триады оказываются зависимы от привилегированного места живого кинематографического экфрасиса, в результате чего тотальное знание распадается на систему соответствий, а тотальное патетическое восхищение – на систему ожиданий и исполнений. Идея, что кинематографический нарратив не может выступать как самодовлеющий нарратив, но всегда оказывается внутри отношений предшествования и последования, много раз встречается в книге Степановой, например, в описании массовых музыкальных вкусов XX века, не уступающем по хлесткости памфлетам Т.-Л. Визенгрунда-Адорно, хотя и состоит из нескольких слов: «торопятся в кинотеатр – перед началом джаз» [3, с. 231].

Как только Степанова переходит от документального кино к художественному, она начинает использовать эту свою критическую теорию, разложение знания на систему соответствий, а впечатления на систему времен уже в целях реконструкции художественного содержания эпохи. Так, важное место в «романсе» занимает очерк о кинорежиссере-авангардисте Джозефе Корнелле:

«В декабре 1936-го в одной нью-йоркской галерее Джозеф Корнелл показывал небольшой группе зрителей свой первый фильм. Он назывался «Rose Hobart» и длился примерно семнадцать минут. Глаз проектора был закрыт синим стеклом, придававшим изображению лунный оттенок; фильм шел на замедленной скорости и без звука, словно все происходило двадцать лет назад во времена немого кино. Среди зрителей был тридцатидвухлетний Сальвадор Дали. Где-то в середине показа он вскочил и опрокинул проектор, крича, что Корнелл его обокрал. Эта идея, настаивал он, была в его, Дали, под-сознании, это его собственные сны и Корнелл не имел никакого права распоряжаться ими как своими. После того как Дали и Гала покинули помещение, показ продолжился; темносиенные туземцы в голубоватых набедренных повязках шестами гнали крокодилов к реке, ветер шевелил пальмы, женщина ослепительной красоты приближалась к чему-то и внимательно смотрела, а потом делала это же еще пару раз. Солнце затмевалось; на поверхности воды появлялся круглый, как око, пузырь. Женщина играла с обезьянкой. Больше это кино автор не демонстрировал; с другой стороны, свою функцию оно выполнило и так» [Там же, с. 272].

Далее объясняется, что это было вовсе не документальное кино об экзотических краях, а смонтированная художником нарезка из провалившегося в прокате приключенческого фильма, причем при монтаже Корнелл выбирал

именно те эпизоды, где видна героиня, где выхвачено ее лицо. Иначе говоря, он действовал так же, как Рембрандт, но только в мире кинематографического повествования, а в остальном все то же, разве что «лунный оттенок» на мерцающем экране вместо золотой закатной грусти на сияющем новом холсте. В экспериментальном фильме заведомо различаются ожидание, процесс демонстрации, процесс восприятия и итог восприятия, это уже не подчинено никакому «джазу» массового вкуса. Также в экспериментальном фильме все рифмуется со всем, женщина производит повторяющиеся движения, а блеск экзотических сцен обладает тем остроумием (вроде сравнения пузыря с оком), которое и является главным смыслом рифмования как остроумного нахождения тонких соответствий. Бунт Дали тогда означает одно: он уже прочел этот фильм как экфрасис своего сновидения, экфрасис уже состоялся, и тем самым привилегированное место экфрасиса уже не может утверждаться, если и так всё уже расчленено и препарировано. Остается только понимать экфрасис как утверждение артистического будущего самого Дали.

Далее повествовательница «романса» Степановой сама смотрит этот фильм и дает его экфрасис. Он начинается с материализации светотени: «В первых же кадрах, когда камера крадется в туземной тьме к освещенной хижине, где спит Роза, и наконец видит ее через прозрачную, как стекло, занавеску...» [3, с. 273].

Затем материализуется *затемнение*, превращаясь в смену материальных одежд: «[Д]ива движется внутри подсвеченного пространства, ее лицо почти неподвижно, при монтажных склейках меняются лишь костюмы, платье, еще платье, мягкий белый плащ с округлыми лацканами» [Там же].

Наконец, материализуется само зрение, превращаясь в единственный параметр, позволяющий утверждать социальную реальность героини: «Чаще всего это хроника взглядывания: героиня замирает и всматривается, отшатывается и смотрит опять. (...) редкостное зрелище: извержение вулкана. Они смотрят его вдвоем, как кинозрители на темном балконе...» [Там же, с. 273].

Так материализация всех элементов экфрасиса при рассмотрении художественного кинематографа, превращенного в материал авангардной постановки, позволяет осмыслить роль экзегета-нарратора-мемуариста как противоположную той роли пропагандиста, которую, как мы выяснили в статье, нельзя отделить от литературного восприятия документального кино. Искусно как никогда смешав нормативы киноэкфрасиса и экфрасиса живописи, светотень и затемнение, Мария Степанова перевернула логику восприятия кинонарратива и логику повествования о нем, что позволило подорвать привилегированное положение киноэкфрасиса, ведущее к пропагандистским решениям, к превращению повествования в рецепцию готовой пропаганды, и воскресить одну привилегию экфрасиса – привилегию взглядываться в будущее,

чувствовать общее будущее, перед которым настоящий художник бессилён, но в которое он только и устремлён. Дальнейшее исследование «романса» «Памяти памяти» не может проходить мимо такой искусствоведческой программы, изложенной в самом произведении со всей откровенностью.

Библиографические ссылки

1. Бочкарева Н. С., Пешкова М. А. Киноэкфрасис в новелле Лиона Фейхтвангера «Броненосец “Потемкин”» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1. № 2. С. 87 – 96.
2. Познер В. Киноэкфрасис. По поводу кинокомментария в России // Экфрасис в русской литературе : сб. тр. Лозаннского симп. / под ред. Л. Геллера. М. : МИК, 2002. С. 152 – 162.
3. Степанова М. М. Памяти памяти. М. : Новое изд-во, 2017. 408 с.
4. Writing and Filming the Painting: Ekphrasis in Literature and Film / ed. Laura M. Sager Eidt. Amsterdam, New York, 2005. (Internationale Forschungen Zur Allgemeinen Und Vergleichenden Literaturwissenschaft). 244 p.
5. Делл Аста, Адриано. Вся истина без слов: радость встречи и общения с А. И. Солженицыным в дневниках прот. Александра Шмемана // Вестник ВЛГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 4 (8). С. 42 – 48.

A. V. Markov

FILM EKPHRISIS IN THE «ROMANCE» «IN MEMORIAM OF MEMORY» BY MARIA STEPANOVA

In the artistic documentary by Maria Stepanova "In Memoriam of Memory" (2017) much attention is paid to the cinema as a medium of memory at the same time traumatic and aspiring to the eternity. It is proved that the analytical distinction between documentary and artistic principles in this work contributes to the clarification of the social and artistic effects of the cinema art, converting this prose into a research about not only ways to remember, but also about ways to think over the future.

Keywords: film ekphrasis, contemporary Russian prose, memory of the genre, memory in the literature, cinematography.

УДК 2

Е. И. Аринин, В. С. Мартиросян

ПАРАДОКСЫ ТЕРМИНА «ВЕРУЮЩИЙ» В КОНТЕКСТАХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АРМЕНИИ*

В статье анализируются распространенные представления о верующей личности в армянской и российской культурах. Авторы уделяют внимание парадоксальности понимания «своего» и «чужого» в современном массовом сознании, отождествляющем «верующего», «сектанта» и «колдуна» при одновременном их противопоставлении. Рассматриваются внешние и внутренние аспекты отношений терминов вера, доверие и недоверчивость в личном и социокультурном контекстах. Статья посвящена положительным и отрицательным моментам, сформировавшимся в Армении и России, переживающих период своего рода реставрации разделительной «конфессиональной» семантики и ее соприсутствия с собирательными семантиками, научными или советскими.

Ключевые слова: Армянская Апостольская Церковь, Русская Православная Церковь, верующий, вера, нормативное и маргинальное.

1. Армянский контекст

В арменоведческих источниках, посвященных определению термина «верующий», указываются два основных, причем противоречивых, семантических направления – определенная конфессиональная принадлежность, которая по большей части отождествляется с национальной идентичностью [23, с. 5], и выступающий в качестве хоть и неофициальной разновидности этико-культурного знания статус «чуждости» в знаково-семантической отмеченности «свой-чужой» [Там же, с. 10 – 11]. Второе направление почти не освещалось в науке, во всяком случае в качестве обозначения самого акта терминологической дифференциации

этих двух смыслов, что послужило семантическому отождествлению в современном армянском языке слов «сектант» и «верующий».

Тому, что слово «верующий» получило в арменоведении взаимоисключающие значения, способствовало также и то обстоятельство, что исследователи не задавались вопросом, почему конфликтующий с текущей религиозной позицией термин не был вытеснен из употребления и не нашел для себя иного названия, чем то, которое досталось от официальной, «канонической» практики.

Наиболее вероятная исходная форма армянского аналога слова «верующий» (havatacyal) сводится к перс. *nurvōd-*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (РФФИ) – ННИС № 15-23-06002, 2015 – 2017.

«новая весть», араб. havadōs «благая весть», лат. ave, avete «здравствуй, здравствуйте» [20, с. 394, 396]. Языковое заимствование предопределяет основное пространство и условия функционирования термина, но, подкрепляясь новыми историко-культурными заданиями, получает совсем иную семантическую мотивировку. Эта смыслообразующая особенность слова диктует ход попавшего в него действия и дает возможность для восстановления определенной реальности в самом слове. А далее посредством двух концептуальных уровней слова, организующих «собственные» действенно-смысловые пространства, строится диалектическая система взаимно поддерживаемых значений [21]. В данном случае слово не только значительно отходит от своего этимологического окружения, но в пользу практических потребностей приобретает диаметрально противоположное значение.

Термин «верующий», по крайней мере в исходном значении, предполагает наличие определенных внешних признаков, соответствующее религиозное поведение и практику. Культурно-историческому влиянию подверглись именно внешние проявления данного понятия, в то время как внутренняя духовная мотивировка осталась неизменной, сводясь к сверхисторическому, сверхчеловеческому состоянию.

Вековая традиция официальной церкви по определению правил и условий для верующего христианина в его религиозной практике обеспечила преимущество уже «аргументированной» соборной свободы. Поэтому изначальные сопротивление и настороженность, которые возникают в случае внецерковной проповеди, скорее всего отно-

сятся не столько к предложенному вероучению, которое может и не отличаться от уже существующего, но именно к регулированию извне поведения, мыслей, вторжению в свободу. Наглядная «дисциплинированность» в ритуальном поведении представителей религиозных меньшинств (строгое соблюдение обрядов и канонов, заучивание наизусть библейских цитат, зачастую знание соответствующих номеров стихов и т. д.) свидетельствует об объективной потребности в самообосновании. Подобное хоть и закономерное проявление сознательной и поведенческой точности в религиозной практике со стороны представителей официальной церкви отсылает к первым, что и способствует идентификации «сектанта» в «верующем» и наоборот.

Актуализация данной этико-культурной парадигмы в значении слова «верующий» дает повод думать, что оно в более объективном смысле служит обозначению, с одной стороны, строгого соблюдения ритуальных практик (и неважно в пределах какой религиозной организации оно функционирует), с другой – исходной предрасположенности к внешним условным проявлениям религиозной жизни. Последнее определяется оценкой «реального» (сущностного) соответствия статусу «верующего» и выдвигаемых им требований для полноты реализации его образа.

Данная терминологическая оценка слова «верующий» может стать еще одним свидетельством критической рефлексии Армянской Апостольской Церкви, отражающим взаимность внецерковной полемики по основополагающим вопросам веры и некий внутренний компромисс между исходным и те-

кущим значениями термина [23, с. 233 – 234] одновременно между духовно-религиозной традицией и историческими формами ее воплощения.

2. Российский контекст

Термин «верующий», как показывает академический ресурс «Национальный корпус русского языка», встречается (на 01.05.2017) с 1762 года в 610 документах при 950 вхождении, причем «пики» словоупотребления приходятся на 1992 (1), 1989 (2) и 1821 (3) годы [18]. В целом это слово может пониматься в двух поляризованных коннотатах, низком и высоком, зафиксированных еще в словаре В. Даля (1863), где нет отдельной статьи для этого слова, но оно приводится в ряде других статей, в том числе в статье «вѣра» как производное – «вѣрючий», т. е. «доверчивый, верующий, легковерный, доверяющий» [8]. В статье «религия», наоборот, отмечается, что «религиозный человек, верующий» есть «твердый в вѣре» [11]. Важность быть «твердым в вере» традиционно объяснялась библейским преданием, согласно которому «Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас» (Лук. 17:5, 6). Таким образом, филологически слово «верующий» выступает как обозначение причастности личности как к предельно возвышенной «силе Вѣры», так и к семантически заниженным «доверчивости» и «легковерности».

В советское время это слово стало маркировать явных (или потенциальных) «врагов строительства коммунизма» или «малообразованных сограждан», нуждающихся в «атеисти-

ческом просвещении», а после «перестройки» оно стало выступать как маркирование, с одной стороны, подчеркиваемой и порой демонстративной причастности к подлинным «духовности», «возвышенности», «сакральности» и соответственно к дискурсам «Высшей Силы и Власти», тогда как, с другой – полной «неопределенности», когда «если о человеке говорят, что он верующий, это не значит, что ему вменяют в обязанность что-то делать и быть каким-то», в отличие от того, что «интеллигентный человек не может быть любым», т. е. выяснилось, что «характеристики людей как верующих не несут нормативного аспекта» [16]. Более того, в современном интернете на специализированных «атеистических сайтах» и особенно в «блогосфере» сформировалась влиятельная тенденция на «занижение» и «приземление» этого слова и стоящего за ним феномена.

Исторически слово «верующий» неразрывно связано со словом «вѣра», восходящим к древней семантике индоевропейского корня «weg» («истина», «правда»), изначально относившегося к сфере повседневной «хозяйственной жизни» и носившего вполне «прагматичный» характер, когда, как утверждает известный этимолог Э. Бенвенист, приверженность одним богам и отвержение других было важной «делкой» и повсеместной практикой, да и сегодня каждый «верующий» в отношении одной традиции почитания Бога должен быть «неверующим» в отношении «чужих богов» и других традиций, поскольку ожидается, что это «доверие» вернется человеку обратно как «Божия помощь» [5].

Лингвистический анализ показывает, что «верующий» – это прежде

всего слово (лексема) современного русского языка, вошедшее в широкое употребление только в XIX – XX веках. Оно оттеснило существовавшее около 1000 лет деление христианского населения на приверженцев нормативного «правоверия» («православия», принятого дворцом и элитами должного исповедания), с одной стороны, и, с другой – маргинальных или девиантных «ересей», «сект», «схизм» и тому подобных форм «лжеверия». Исследователи согласны с тем, что для «ветхозаветной» культуры «не являются характерными спекулятивное и систематическое мышление», появляющиеся в греческом и эллинистическом контекстах (где и создается «Новый Завет»), а «основной упор делается не на исповедание, а на поведение» [7]. А. Ф. Лосев отмечал, что «религиозное чувство римлян... очень осторожное, малодоверчивое», поскольку «римлянин не столько верит своим богам, сколько не доверяет им» [14]. С. С. Аверинцев тоже отметил, что понятие «веры» применимо отнюдь не к «религии как таковой», но только к «некоторым религиозным системам», в которых вера выступает как «центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка», совпадая с границами «теологии» (богословия), в отличие от религий «греко-римского или синтоистского язычества», где «не знают понятия веры как внутреннего состояния и требуют от человека соблюдения ритуальных и традиционно моральных предписаний» [8, с. 352 – 355, 380].

Слово «верующий» присутствует в русском переводе Библии как обозначение «верных» христианской традиции, но уже в XIX веке оно оказалось

двойственным, обозначая два полюса «причастности к высшим истинам», от наивной «доверчивости» до убежденной и «твердой» приверженности «преданного ревнителя», готового даже «положить жизнь за вѣру» [10]. Тем не менее, коннотаты и денотаты слова «вѣра» в российской истории выступали как «государственно-политический конструкт» и «народная религиозность», когда, к примеру, для князя Владимира оно выступало как обозначение «Вселенского Патриархата» («Οικουμηνικό Πατριαρχεῖο Κωνσταντινουπόλεως») Нового Рима («Царьграда»), для Алексея Михайловича – как верность Московскому благочестию, тогда как для Петра Первого это была «Всероссийская Церковь» (в терминах «Духовного регламента» 1721 года), а для Александра I – мистическое «единство народа христианского» Австрии, Пруссии и России (в терминах «Акта Священного Союза» 1815 года) или, позднее, «Православная Кафолическая Греко-Российская Церковь». При этом в XIX – XX веках использовался целый ряд других наименований: «Российская Церковь», «Православная Российская Церковь», «Русская Церковь», «Русская Православная Церковь», «Российская Православная Церковь», «Российская Православная кафелическая Церковь», «Греко-Российская Церковь», «Православная Греко-российская Церковь», «Российская Восточно-православная Церковь», «Российская Церковь греческого закона» [26]. Наименование этой самоопределяющейся нормативной традиции благочестия, в свою очередь, восходит к «Кафолической и Апостольской Церкви» в терминах Первого Вселенского Собора 325 года и к «единой Святой, Кафолической и Апо-

стольской Церкви» в терминах Второго Вселенского Собора 381 года). Эти наименования «христианского сообщества» как «καθολικῆς ἐκκλησίας» («Ecclesia Catholica») восходят, в свою очередь, к евхаристическим собраниям первых приверженцев Иисуса из Назарета, которые, как отмечает С. С. Аверинцев, «вовсе не собирались «основывать» новую религию, а себя считали наиболее верными из иудеев», т. е. «народом Божиим», «людьми Писания» [1]. Сегодня эти семантические горизонты могут актуализироваться политиками, когда, к примеру, интервью Минтимера Шаймиева в «Российской газете» (04.12.2003) могло называться «Вера у нас одна, религии разные» и там в контексте обсуждения вопроса сосуществования мусульман и православных в Татарстане говорилось, что «не существует жестких стен между религиями... Ведь вера одна, религии разные» [6].

Другим важным аспектом проблемы является то, что «Библейская традиция», начиная с «Ветхого Завета», различает «верующих» (верных единственному Богу Священного Писания) и «магов» (в контексте «Торы» – מַגֵּן, маг – жрец в древнем Иране), которые не «исповедуют», но практикуют «магию», т. е. «волшебство, колдовство, чародейство, действия, связанные с верой в способность человека оказывать влияние на силы природы, судьбу отдельных лиц или целых народов с помощью сверхъестественных средств» [17]. Слово «магия» вошло в греческий, латинский и другие европейские языки, при этом если римляне относили магию к невежественным «суевериям», то греки так именовали особые культовые практики, связанные с ас-

рологией, гаданием и народной медициной как мудрыми «тайнственными искусствами» (это значение еще сохраняется в Евангелии от Матфея, 2:1, 7, 16, где «волхвы» и есть «маги»), которые только с III века начинают квалифицироваться как негативно оцениваемые «чародейство» и «колдовство» [24, с. 372]. Из «Нового Завета» (Деян. 8:4 – 24) известен «Симон Волхв» (Симон Маг, Σίμων ὁ μάγος), крещеный в Самарии «извратитель истинного христианства», выдававший себя за «верховного Бога», творивший чудеса и пытавшийся купить благодатный апостольский дар священства [19]. «Маги» не относились к «верующим».

«Верность» господствующему вероисповеданию в литературе с XVIII века начинает противопоставляться «стыдному идолослужению», «богопротивному суеверию», «пребезумным ересям», «раскольникам», «иноверцам», «Латини» и «новейшим иноверным учителям» [12]. Много писалось и о «хладноверных», «суеверных», «двоеверных», «неверных» и тому подобных современниках, описанных в таких литературных произведениях, как, к примеру, забытая сегодня «героическая комедия» «Безбожник» М. М. Хераскова (1761) или всемирно известные романы Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872) и «Братья Карамазовы» (1880). Тем не менее, все эти сограждане «приписывались», как в случае первой всероссийской переписи 1895 года, по их «природе» (происхождению, семейной традиции) к «господствующей Вѣре» или другим 15 статистически менее значимым, но допускаемым в Российской империи «рубрикам» [27].

Таким образом, термин «верующие» до начала XX века использовался, скорее, в разделительном, чем в привычном нам сегодня широком собирательном значении, обозначая преимущественно «твердого в вере ревнителя государственного православия» или по аналогии приверженцев ряда «терпимых вероисповеданий», тогда как старообрядцев именовали «раскольниками», иудеев – «жидами», ламайтов (буддистов) – «идолопоклонниками» и «язычниками», приверженцев духовно-мировоззренческих новообразований – «лжеучителями», «безбожниками», «отступниками», «атеистами», «сектантами», «еретиками» и т. п. (так, к примеру, именовали Л. Н. Толстого в печально известном «Определении с посланием святейшего синода № 557 от 20 – 22 февраля 1901 года»), между которыми ничего общего не усматривалось в духе известного вопроса Тертуллиана «что общего у Афин и Иерусалима?» М. А. Рейсмер в монографии с характерным наименованием «Государство и верующая личность» (1905) отмечал, что в России «по-прежнему не существует ...человеческой личности с ее миром нравственной духовной свободы», «духовным энтузиазмом» и возможностью создать «религию для своей совести», которую не удовлетворяет «ни одна из существующих вер» [22]. В таком новом контексте свобода совести «верующего» выступила новой нормативной оппозицией как принудительной «казенной Вѣре», так и «темным суевериям».

3. Советский и постсоветский контексты

Законодательное закрепление в государстве принципов веротерпимости и

свободы вероисповедания в 1905 – 1917 годах завершается революционным семантическим нововведением в СССР. Это было «Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о религиозных объединениях» (от 08.04.1929), в котором формулируется понятие «религиозное объединение верующих граждан всех культов», после чего слово «верующий» входит в словари «советского» русского языка, становясь собирательным нормативным обозначением приверженцев любого вероисповедания как «культа» (православного, иудейского, сектантского или шаманистского и т. п.): «верующий... признающий существование бога, религиозный человек» (позднее выражение «признающий существование бога» меняется на более широкое «признающий существование сверхъестественного») [25]. Так, к примеру, А. В. Луначарский в 1930 году утверждал, что «до настоящего времени шаманы (жрецы, муллы, попы) являются теми же колдунами, которые якобы отличаются от всех прочих людей тем, что они умеют молиться, т. е. умеют добиваться от духов и богов, которые распоряжаются природой и жизнью людей, таких поступков, которые нужны им или молящимся; при помощи их молитвы божества воздействуют на природу в положительном или отрицательном смысле, могут воздействовать и на провинившихся людей в смысле какого-либо наказания» [15].

Слово «верующие» выступило как собирательная категория для обозначения «приверженцев всех культов», которым стала противопоставляться категория «атеистов» как обозначения

нормативных носителей «передового научного марксистско-ленинского мировоззрения» и «строителей коммунизма», по отношению к которым первые могли трактоваться властями как девиантные «враги» или маргинальные «попутчики». И. В. Сталин лично внес в опросные листы Всесоюзной переписи 1937 года позицию, выясняющую, считает ли гражданин себя «верующим» или «неверующим» в противоположность прежнему «природному» приписыванию, в результате чего выяснилось, что в стране после «пятилетки безбожия» и 20 лет утверждения новой идеологии оказалось 56,7 % «верующих», что вызвало известные репрессии в отношении организаторов переписи и запрет на публикацию полученных данных [9]. Позднее исследователи старались не вводить в анкеты такие прямые вопросы, используя термин «верующий» в аналитическом плане, т. е. не в качестве самоопределения опрашиваемых, но как интерпретацию убеждений тех респондентов, которые отвечали, что они «верят в Бога» [13].

В СССР разворачиваются многочисленные попытки создания универсальной «типологии верующих», целью которых было как вполне академическое изучение сходства и различий приверженцев различных религиозных движений, выявление «маркеров» и «индикаторов», характеризующих особенности их мировоззрения и поведения, интеграции в специфические сообщества (церкви, приходы, братства, общины и т. п.), так и использование этих знаний для ведения работы по «атеистическому воспитанию трудящихся» и «преодолению ре-

лигиозных пережитков». Вместе с тем очевидным оказалось различие критериев «подлинных ревнителей» как в разных конфессиональных традициях, так и в типологически различных формах религии (к примеру, в «высоком» и «народном» христианстве, иудаизме или шаманизме, которые виделись не столько сходными, сколько очевидно различными между собой в исследованиях этнографов и фольклористов) или в «парарелигиозных феноменах» (идеологиях, «культурах звезд» и т. п.).

Результатом всех этих попыток стало то, что за советский период так и не удалось сформулировать научное определение термина «верующий», превратить интуитивно понятное слово разговорного языка в ясный элемент концептуальной системы, как и многие другие попытки представить сложный и динамичный внутренний мир глубинных настроений и переживаний личности более «ясным» и специфичным, чем он есть в действительности. «Верующий» для советской идеологии – это эмпирическое воплощение «религии» («мракобесия», «тормоза общественного развития», «врага науки» и т. п.) как препятствие на пути движения общества к коммунизму, требующее выработки точных критериев описания и выявления для последующего исправления (перевоспитания), нейтрализации или уничтожения. Сложность этой проблематики нашла свое воплощение в ряде произведений советского кинематографа, вызвавших бурные дискуссии, порой заканчивавшиеся запретами и «полкой» как, к примеру, «Тридцать три» (Г. Данелия, 1965), «Андрей Рублев» (А. Тарковский, 1966),

«Семнадцать мгновений весны» (Т. Лизнова, 1973), «Дважды рождённый» (А. Сиренко, 1983) и многих других, не говоря уже о таком жанре, как «фильм-сказка», рожденном в 1938 году сразу после «пятилетки безбожия», что означало начало советских попыток «освоить сверхъестественное» после неудачи его «полного искоренения».

Оборотной стороной таких классификаций было ситуативное выделение или сокрытие особой категории «колеблющихся», которую либо «высвечивали», чтобы показать «недостатки в атеистической работе» конкретного региона и соответствующего «ответственного», либо, наоборот, старались не замечать, отчитываясь об «успехах». Иронично-карикатурное описание фундаментальной неопишуемости динамичного и полиморфного «многообразия верующих» в позднем СССР было представлено М. Н. Эпштейном в книге «Новое сектантство: типы религиозно-философских умонастроений в России. 1970 – 1980-е годы». Автор показывал, что такого рода «приверженность» возникает и исчезает практически ежедневно, и соответственно ее невозможно отследить, описать и «запротоколировать» в архивах тех или иных ведомств национальной безопасности, требуя для «неусыпного контроля» непомерных бюджетных расходов.

Таким образом, сегодня Армения и Россия оказались в периоде своего рода реставрации разделительной «конфессиональной» семантики и ее соприсутствия с другими семантиками, в том числе «советскими» и «светскими». Наука, однако, требует разделять языки обыденного самоописания и экс-

пертной интерпретации. «Верующий» для науки – это важнейший теоретический концепт, обозначающий гражданина современного государства, гарантирующего ему свободу совести, включающую свободу вероисповедания, который одновременно выступает как элементарно-индивидуальное проявление религиозности, эмпирическое воплощение религии, требующее выработки корректной модели концептуального описания действительности, в рамках которого и «неверующий» (согласно самоописанию) респондент может оказаться так или иначе «религиозным», хотя, конечно, в более широком концептуальном контексте. Можно полагать, но это нуждается в дополнительных текстологических и социологических исследованиях, что термин «верующий» для современной молодежи Армении и России, выросшей после распада СССР, представляется обозначением любой «причастности к религии», будь она нормативной традицией существующей тысячелетия конфессии (ААЦ или РПЦ) или возникшей вчера общине, которую окружающие воспринимают как маргинальную или даже девиантную «секту». В перспективе представляется эвристичным соотнести эти данные с идеями Н. Лумана о трех типах религиозности, коррелирующими с этапами коммуникативистского становления современного общества, особенно с эпохой массмедиа [2]. Религиозность различается в связи с пониманием религии [4]. Оно, в свою очередь, неразрывно связано с пониманием в обществе нормы и отклонения, как, к примеру, в случае со староверием [3].

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Ефрата. М., 1987. С. 13.
2. Аринин Е. И. Религия как «аутопойетическая» система в работах Никласа Лумана // Религиоведение. 2013. № 2.
3. Аринин Е. И., Милькова А. В. Поморское древлеправославие на владимирской земле. Ч. 2 // Вестник ВлГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 3 (15). С. 70 – 77.
4. Аринин Е. И., Мартиросян В. С. Термин «религия»: сравнительный анализ некоторых денотатов и коннотатов в России и Армении (к постановке проблемы) // Вестник ВлГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 3 (15). С. 78 – 84.
5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / общ. ред и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс-Универс, 1995.
6. Вера у нас одна, религии разные [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rt-online.ru/articles/rubric-70/53331/> (дата обращения: 02.11.2017).
7. Вера // Еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=10890&query=%C2%C5%D0%C0> (дата обращения: 02.11.2017).
8. Вера // Католическая энциклопедия. М. : Изд-во Францисканцев, 2002. С. 923 – 927 ; Вера // Еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=10890&query=%C2%C5%D0%C0> ; Вера // Христианство : энцикл. слов. В 3 т. Т. 1. М. : Большая рос. энцикл., 1993. С. 352 – 355 ; Вера // Православная энциклопедия. М. : Православная энцикл., 2004. Т. 7. С. 669 – 695 ; Аверинцев С. С. Вера // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 2010. С. 380.
9. Волков А. Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы : экспресс-информ. (Серия «История статистики»). Вып. 3 – 5. Ч. 2. М., 1990.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М. : Гос. изд-во иностран. и нац. слов., 1955. С. 332.
11. Там же. Т. 4. С. 91.
12. Духовный регламент Петра Первого. С прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского» М. : Либроком, 2012.
13. Иванов А. И. Религиозность населения Владимирской области эпохи завершения советского периода // Религия и религиозность во Владимирском регионе : монография / под ред. Е. И. Аринина. Т. 2. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2013.
14. Лосев А. Ф. Эллинико-римская эстетика I – II вв. М., 1979. С. 35 – 37.
15. Луначарский А. В. Искусство и религия [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/religia-i-prosvesenie/iskusstvo-i-religia> (дата обращения: 16.09.2017).

16. Любарский Г. Ю. Вера. Религия. Церковь. Продолжение: интеллигентные vs, религиозные [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2012/09/21/cogniometry/> (дата обращения: 28.04.2017).
17. Магия // Еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/12558> (дата обращения: 28.04.2017).
18. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.08.2014).
19. Нестерова О. Е. Симон Маг // Мифы народов мира. Т. 2. М., 2000. С. 436.
20. Новый толковый словарь древнеармянского языка / сост. Г. Аветикян, Х. Сюрмелян, Ж. Авгерян. Т. 1. Венеция, 1837. С. 394, 396.
21. Потенция А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 114.
22. Рейсмер М. А. Государство и верующая личность. М. : Либроком, 2011.
23. Саакян А. С. Народное христианство в средневековой Армении. Ереван : Изд-во ЕГУ, 2014.
24. Словарь античности : пер. с нем. / отв. ред. В. И. Кузищин. М. : Эллис Лак : Прогресс, 1994. С. 327 ; А. П. Лопухин. Волхвы // Христианство: энцикл. слов. В 3 т. Т. 1. М. : Большая рос. энцикл., 1993. С. 372.
25. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935.
26. Цыпин В. прот. Ведомство православного исповедания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/150023.html> (дата обращения: 18.08.2017).
27. Чумакова Т. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г. : забытая страница советского религиоведения // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 3 – 4 (30).

E. I. Arinin, V. S. Martirosyan

**PARADOXES OF THE TERM «BELIEVER» IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN-ARMENIAN RELATIONS**

The article analyzes popular ideas about the believing personality in Armenian and Russian cultures. The authors pay attention to the paradoxical nature of the understanding of "the mine" and "other" in today's mass consciousness, which equates the "believer", "sectarian" and "sorcerer" while simultaneously contraposing them against each other. External and internal aspects of the terms of faith, trust and distrust in personal and sociocultural contexts are examined. The article is dedicated to the analysis of the positive and negative moments that have arisen in Armenia and Russia, experiencing a kind of revival of the separating "confessional" semantics and its co-presence with the scientific or Soviet collective semantics.

Keywords: Armenian Apostolic Church, Russian Orthodox Church, believer, faith, normative and marginal.

**ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМОЦЕНТРИЗМА:
ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В статье раскрывается мотивационно-смысловая сущность морали потребительства как глобального феномена, характерного для эконоцентрической модели развития стран западного мира и постсоветской России. Потребительское поведение становится образом жизни зажиточных слоев общества и транслируется средствами массовой информации в общественное сознание. Возрождающаяся православная религиозность может сдерживать рост потребительских настроений в нашей стране и положительно воздействовать на отношения россиян к духовным ценностям.

Ключевые слова: потребление, потребительство, эконоцентризм, самоограничение, духовность, нравственные ценности, религиозность, смысл жизни.

Возвращение российского социума к базовым ценностям рыночной экономики резко изменило поведенческие стереотипы в сфере потребления в социальных группах, связанных с бизнесом. В результате появления частной собственности и больших доходов у «новых русских» возникает культ потребительства. Процесс обогащения происходит одновременно с масштабным для нашей страны феноменом ресакрализации массового морального сознания. Этот «ренессансный» процесс по своей мистической направленности вступает в противоречие с тенденцией на активную прагматизацию и профанизацию экономического поведения россиян. В светском государстве, каким является современная Россия, церковь не может диктовать обществу свои нормы отношения к земной жизни, она не принуждает людей строго поступать по заповедям, но призывает жить по совести, быть добродетельным, скромным в обладании

земными благами. Подлинно религиозная вера наряду с социально-экономическими и культурными регулятивами может стать важным средством сдерживания потребительских настроений в русском народе. Православная церковь указывает людям на значимость в жизни каждого вечных ценностей добра, любви, справедливости, должных быть основой духовно-нравственного благополучия человека и общества. «Любая человеческая деятельность должна иметь нравственные ориентиры. Сами по себе материальные блага не делают человека счастливым. Более того, сосредоточенность лишь на материальном преуспевании приводит к нравственной деградации личности... Церковь призывает воспринимать богатство как дар Божий, который дан человеку не только ради него самого, но и ради ближних» [10, с. 16].

Несмотря на то что большинство частных собственников позиционируют себя православными и посещают

храмы, их экономическое сознание не соотносится с нравственными религиозными установками и ориентировано на материально-вещное самоутверждение, на власть денег. Философско-этический взгляд на феномен потребительства в целом как глобальный процесс помогает глубже понять природу российского «сребролюбия» и обосновать роль возрождающейся православной религиозности с сдерживанием бездуховной идеологии потребительства.

Рыночная среда формирует адекватное ей информационное (семантическое) пространство, которое заполняется симулякрами «красивой» жизни, подчиненной самоцельному потреблению телесных благ. При этом большая часть населения страны имеет низкие доходы и скромные потребительские притязания, связывая их с результатами собственных трудовых усилий.

Рекламная индустрия навязывает населению страны образцы поведения и общения, отрицающие здоровые духовные традиции русского народа и закрепляющие худшие черты «одномерного человека» – бездумного потребителя (продукта западного «общества потребления»).

Феномен потребительства проявляется в контексте западно-цивилизационной эконоцентрической парадигмы общественного развития, подчиняющей все сферы человеческой жизни целям экономического прогресса, накопления денег, которые превращаются в меру всех вещей и стимул для роста материальных и квазидуховных потребностей. «Общество потребления – это совокупность отношений, где господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных

объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом. Потребительство снимает оппозицию между реальностью и знаками. Оно есть практика поддержания иерархизированной знаковости путем отправления социально стратифицированных жестов, которые приближают реализующего их автора к элитарности. Специфический тип социализации постепенно приводит индивидуальные нормы и ценности человека в соответствие с нормативно-ценностной системой консюмеризма» [5, с. 172].

В антропологическом аспекте сила денег, как показывает весь длительный исторический процесс формирования рыночной экономики, проявляется в психологии стяжательства, накопительства, обладания. Современный тип «экономического человека» видит в природе денег, их количестве собственную идентичность и через платежеспособность определяет идентичность другого: «денежный человек» более статусный и более «подлинный» социальный субъект, чем малоимущий (безденежный) человек.

В абстрактно-гуманистическом плане увеличение персональных («своих») денег может расширять предметно-культурное пространство самоосуществления человеческой личности как в материальной, так и духовной сферах. В реальной жизни рост доходов действительно открывает большие возможности для разнообразного индивидуального потребления общественных благ, но при условии приоритетности в системе ценностных ориентаций индивида мотивации к личностному развитию, к духовно-нравственным ценно-

стям. Коварство денег состоит в том, что они имеют количественную меру и стремятся наделять всякую вещь конкретной стоимостью, а потому не конвертируемые в деньги блага как бы не существуют и не утверждаются в собственном самоценном существовании. К таким «вещам» относятся религиозные, нравственные, этические и интеллектуальные ценности, связанные с личностно-духовной сферой человеческого бытия, определяющие смысло-жизненные ориентиры человека. Деньги являются инструментом (средством) решения объективных проблем воспроизводства, в первую очередь, физической жизни людей, но деньги имеют также свойство отделяться от своих экономических функций и становиться самоценностью в значении символа вещественного богатства, власти, престижа, счастья и т. д.

Прививаемый рыночной идеологией культ денег деперсонализирует и рационализирует материальные потребности, снижает значение надывидуальных нравственных мотивов и метаэмпирических целеполаганий, умножает как грубые, так и утонченные пороки людей. Все большее число людей становятся адептами консьюмеризма, «сделавшими любовь к деньгам и устройству своей жизни, примитивную адаптацию религией, вытеснившей все остатки автономной нравственности. В них нет энергии криминала, но нет и трудовой аскезы и культурного стремления, нет упорства и рациональности, а есть лишь приспособительные реакции, часто весьма успешные, но бессмысленные по сути их жизненных установок» [12, с. 759].

Потребительство как философия повседневной жизни ценностно амбивалентно: с одной стороны, оно выступает для индивида в качестве способа социальной самоидентификации, с другой – потребительство становится воплощением социального конструирования массового человека с заданными потребностями, принуждаемого к перманентному потреблению.

Намеренное культивирование потребительства как главного жизненного устремления приводит к трансформации отношения к собственности и самого способа существования человека-потребителя. Если в эпоху классического капитализма «экономический человек» стремился к сохранению приобретенной собственности, к продлению сроков ее полезного использования, то современное потребительство переносит акцент на сам процесс потребления: «Потребление → временное обладание и пользование → выбрасывание (или, если возможно, выгодный обмен на лучшую модель) → новое приобретение – таков порочный круг потребительского приобретения. Лозунгом сегодняшнего дня поистине могли бы стать слова: «Все новое прекрасно!» [13, с. 98]. Наглядной иллюстрацией «потребительского приобретения» в книге Э. Фромма «Иметь или быть?», изданной в 1976 году, выступает отношение к личному автомобилю в американском обществе (подобное происходит теперь и в России).

Потребность в снятии напряжения в условиях жесткой конкуренции, постоянных рисков реализуется в пассивном отдыхе, в стандартизированных и деиндивидуализированных развлечениях, на удовлетворение которых

работает огромная индустрия, ее целью становится коммерческая эксплуатация телесных и усредненных духовных желаний, приносящих наслаждение, чувство удовольствия.

В тотальном пространстве потребления происходит сущностное изменение «непродаваемых» модусов человеческого бытия – любви, дружбы, достоинства, искренности, радости и других реальных (подлинных) чувств и переживаний, которые подменяются продаваемыми на рынке услуг знаками-имитациями, знаками-симуляциями. Массовая коммерциализация культуры тиражирует мир симулякров (обманок), выдаваемых за настоящие образцы человеческих чувств, подавляя истинную культуру, ее смысловое измерение, связанное с природно-духовной целостностью человека, с неизбежной трагичностью жизни. Личностные качества реальных людей заменяются внешними (рекламными) свойствами, привлекательными для целевой потребительской аудитории, узнающей в имиджах и брендах себя и по культурным каналам обратной связи способных артикулировать «товарное» отношение к имиджевым характеристикам человеческих субкультурных персонажей (политиков, спортсменов, поп-артистов, шоу-бизнесменов и т. д.) [6, с. 25 – 35].

При создании и закреплении потребительских имиджей используется механизм мимезиса (подражания), задающий программу демонстрации тех или иных образцов «стильного» поведения. «Поскольку образец сознательно повторяется, он интериоризуется во внутреннее пространство, занимает свое место в иерархии ценностей. Но, кроме

того, данный образ или образец информационно насыщен, он может в себе нести знаки разного уровня от гормональных, сексуальных, властных знаков и знаков агрессии до территориальных, ритуальных и пр.» [9, с. 326].

В имиджевом образе присутствует элемент фетишизации предмета желания в ситуациях невозможности непосредственного удовлетворения потребительских ожиданий. Так, бедные погружаются в «мир грез» богатых через символическое подражание и проигрывание «сладкой жизни» в восприятии ее образов по каналам массовой культуры. Разнообразие пассивных развлечений, не требующих творческой самоотдачи и высокой дисциплины, не может способствовать возвышению чувственной сферы человека, развитию в нем рефлексивно-критического сознания: «Поэтому лица с рыночным характером чрезвычайно наивны во всем, что касается эмоциональной стороны жизни. Их могут привлекать «эмоциональные люди», однако в силу наивности они часто не могут определить, являются ли такие люди естественными или фальшивыми. Вот почему так много обманщиков и мошенников добиваются успеха в духовной и религиозной сферах жизни; вот почему политики, изображающие сильные эмоции, очень привлекают людей с рыночным характером и почему последние не могут отличить подлинно религиозного человека от того, кто просто демонстрирует глубокие религиозные чувства» [13, с. 173]. Общая характеристика массового сознания американского общества 70-х годов 20-го века во многом соответствует тому, что происходит в поре-

форменной России начала 21-го века, но особенный портрет российского потребительского сознания прорисовывается через призму нашей ментальности, складывающейся под влиянием православно-христианской традиции, не одобрявшей стяжательство и обогащение любой ценой.

Бытовая жизнь простого русского народа на протяжении веков отличалась бедностью и приучала людей к терпению, выносливости. С другой стороны, государственный гнет и социальная несправедливость делали русского человека склонным к произволу и беззаконию, часто совершаемыми под предлогом восстановления социально-экономической справедливости. Двойственность души нашего народа отмечал Н. А. Бердяев: «Русский человек может бесконечно много терпеть и выносить, он прошел школу смирения. Но он легко поддается соблазнам и не выдерживает соблазна легкой наживы, он не прошел настоящей школы чести, не имеет гражданского закона... Приходится с грустью сказать, что святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мошеннической» [2, с. 74].

Для нашей страны актуальна задача восстановления нравственных начал в жизненном мире «экономического человека», чтобы способность быть успешным в своем социально значимом деле не исключала способности быть совестливым человеком. В бизнес и политическую власть необходимо интегрировать индивидуальную и корпоративную нравственную ответственность, дополненную формализованной моралью институтов политической демократии, поддерживаемой конкрет-

ными инструментами права в системе государственной власти.

Посредством справедливого функционирования кредитно-денежных механизмов необходимо поддерживать в активном состоянии мотивацию деятельного большинства на зарабатывание денег трудовыми усилиями, дающими возможность достижения благополучия на уровне стандартов благополучия в среднем классе общества как самой производительной части активного населения. При достижении и закреплении этой нормы, как отмечают психологи, потенциально может происходить переход от дефицитарной к бытийной мотивации индивидуальной жизни, когда субъективные переживания счастья зрелой личностью связываются уже не только с количеством денег и вещей, с телесным комфортом, а с самореализацией в своей позитивной деятельности, приносящей активное состояние радости: «Это переживание служит одновременно наградой за вложение усилий в то, чтобы быть в состоянии справиться с все более и более сложными задачами, и тем самым выступает движущей силой эволюции в направлении роста сложности. Поток напрямую связан с характеристиками личности, уровнем ее развития и зрелости» [8, с. 43].

В перспективе наше общество, да и весь капиталистический мир должны найти решение фундаментально важной проблемы «кризиса мотивации» в сфере труда – найти гармоничное сочетание ответов на два единых вопроса: «как лучше работать?» и «ради чего работать?». И лишь тогда станет реальностью истинная гуманизация труда – все более полное раскрытие чело-

векообразующего потенциала трудовой деятельности.

Религия в лице православной церкви является социальным институтом, определяющим практическое поведение человека на основе абсолютных ценностей, которые персонифицированы в Боге. Вера в Бога как нравственного Абсолюта побуждает человека добровольно исполнять моральные заповеди, среди которых трудолюбие, смирение, терпение, милосердие оказывают влияние на поведение человека в повседневной жизни. Наличие высокой цели – спасение души в богоуподоблении – ориентирует профанную жизнь верующего на сдержанное отношение к земным благам, символом которых выступают деньги. Вместе с тем христианин должен трудиться, но не ради самоцельного накопления вещного богатства, а для поддержания разумного устройства материальной жизни, необходимого для распоряжения свободным временем, отдаваемым общению с Богом. Трудолюбие считается христианской добродетелью, а сам труд выступает неустранимым условием существования человека и средством спасения его в контексте исполнения человеческим родом земного предназначения, связанного с владением и преобразованием природы.

Несмотря на значительный рост потребительских стандартов в современную эпоху и возможность улучшения материального благополучия в результате личного труда, в структуре ценностей верующего человека определяющее место должно занимать стремление к духовному совершенствованию. В святоотеческой тради-

ции дается экофильное трактование библейских истин об отношении людей к природе как среде обитания и источнику физического существования человека. В них утверждается уважительный подход ко всему сотворенному миру и указывается на необходимость сбережения подотчетной человеку природы [3, с. 55 – 60]. Обвинения отдельными представителями западной науки христианской доктрины как якобы идеологической основы эксплуатации природы западным миром в целях накопления материального богатства не соответствуют действительным нравственным принципам христианского мироотношения. Причиной обострения экологической ситуации на планете следует назвать отступление от этих принципов в результате секуляризации западной цивилизации и доминирования экономических целей над всеми другими смыслами человеческой жизнедеятельности, начиная с Нового времени и Просвещения [14, с. 67 – 80].

Угроза экологической катастрофы заставляет по-новому подойти к культурным универсалиям, составляющим социокод западной цивилизации, частью которой является Россия, недавно вернувшаяся в рыночно-буржуазный контекст с его доминантой социального техницизма и рассудочного рационализма как главных проявлений секуляризованной формы устройства новоевропейского общества, имеющего христианские корни. Христианская моральная традиция (особенно православная) осуждает меркантильный эгоизм, оправдывающий стяжательство, накопительство материального богатства, тщеславие, гедонизм и т. д. Подлинная

религиозная вера связана с аскезой – сознательным, добровольным соблюдением принципа воздержания в отношении к жизненным благам и в целом к внешнему (телесному) существованию «ветхого» человека как конечного, поврежденного первородным грехом существа, для которого преобразование природы в напряженном труде есть путь возвращения к Творцу. Историческое христианство выработало разные типы личного аскетизма – от жесткого монашеского самоограничения плотского начала в молитвенном и трудническом подвиге до мягкого регулирования питания, отказа от некоторых развлечений – для большинства верующих. Полное бескорыстие, как показал исторический опыт христианства, невозможно – альтруистическая жертвенная жизнь не выдержала испытания природным эгоизмом, и церковь вынуждена была снизить нравственные требования к христианину и утвердить «среднюю мораль», допускающую возможность грешить и каяться в грехах без стремления к умерщвлению плоти.

В постхристианскую эпоху добродетель воздержания приняла обрядовый символический смысл, она почти не проникает в структуру мотивов экономической деятельности, не одухотворяет ее цели и средства. Существующее сегодня общество самовозрастающего производства и массивного потребления не поощряет ценностные интенции сдержанно-скромного, достойного духовной человеческой природы отношения к удовлетворению материальных потребностей, диктуемого религиозной моралью.

В начале 21-го века «золотой миллиард», формально принадлежащий к христианской конфессии, перешел в фазу сверхпотребляющего общества, что свидетельствует об утрате самой материально благополучной частью человечества религиозно-этических оснований повседневной жизненной практики. «Поведение, лишённое поддержки религии, вырождается в эпикурейский хаос... Моральное сознание является частью того, что делает нас людьми. Но общество никогда не могло жить без религии, и поэтому мораль как существенно социальное явление связана с религией..., религия остается необходимой гравитационной силой, которая удерживает каждого из нас от вращения по независимой орбите, и вместо этого связывает нас множеством форм коллективного благословения. В обществе без веры исчезает искусство, красота и милосердие, и никакое общество без веры не может выстоять долгое время» [11, с. 26 – 27]. «Констатация того факта, что современный человек не испытывает потребности к переживанию нравственных ценностей и осознанию трансцендентных сущностей, свидетельствует о том, что ответственность и свобода, связанная с концептом выбора, претерпели существенные изменения. Потеряна вертикаль, которая связывала человека с Богом и определяла необходимость существования для него высших духовных ценностей и его собственную человеческую состоятельность» [7, с. 58].

Советский опыт построения гуманного общества без религии показал, что в человеческом сознании существует априорная потребность в

безусловных ценностных ориентирах как бесспорных критериях нравственности. Моральный кодекс строителей коммунизма в определенной степени формулировал без указания на источники общечеловеческие моральные нормы, выработанные иудео-христианской традицией, но связывал их генезис с культурной эволюцией человечества, а в личностях основоположников марксизма воплощался идеал совершенного человека.

Социалистическая идеология декларировала гуманистические цели, связанные с развитием человеческой личности, а также с ростом общественного богатства и материального благосостояния граждан на уровне разумных потребностей в соответствии с мерой трудового вклада каждого в общее благо. Потребительство осуждалось как проявление буржуазной морали, но в условиях товарного дефицита стремление к зажиточной жизни способствовало приближению кризиса советской экономической модели. Безрелигиозность большинства населения способствовала быстрой «настройке» сознания людей, ставших частными собственниками, на самоценное обогащение. Формальное приобщение к религии у многих россиян сводится к культовой практике, связанной с совершением таинств, с верой в чудесные благодатные события, изменяющие их жизнь в лучшую сторону без приложения собственных духовных усилий на стяжание Божией благодати.

Святоотеческая традиция наставляет православных верующих быть всегда милосердными, любить бедных, жалеть страждущих, не стяжать богат-

ство ради самого богатства. Христос в словах: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени» (Лк, 12:15) предостерегает нас от опасности потери в погоне за богатством духовной свободы и вместе с ней способности к нравственному совершенствованию. В повседневной жизни необходимо руководствоваться наставлениями отцов церкви и святителями о разумном чередовании сна и бодрствования: чрезмерный сон вредит и душевному, и телесному здоровью [1, с. 84 – 93].

Класс «молодых» отечественных капиталистов-предпринимателей в азартной гонке за богатством не способен следовать религиозному принципу воздержания и не искушаться соблазнами роскоши и недуховными наслаждениями. Он не в состоянии нравственно сбалансировать продуктивное соотношение утилитарного и метафизического смысла труда и всей производительной деятельности. Доминирование утилитарных ценностей в сфере частной жизни стимулирует мотивацию к гиперудовлетворению материальных запросов, что препятствует самовозвышению потребностей. Потребительская идеология генерирует индивида с усредненными культурными чувствами, с неглубокой внутренней жизнью, с поверхностными религиозными переживаниями.

В секулярном обществе не только религия может противодействовать распространению идеологемы потребительства, необходимо видеть человеко-созидающие возможности светской гуманистической культуры (морали, искусства, науки) в возвышении внутреннего мира личности. И неверующие

люди могут быть альтруистами, заботиться не только о личном благе, но и о благе других. Верующие и нравственно зрелые неверующие индивиды «одинаково порицают грубый материализм (в обыденном смысле этого слова) массовой культуры и очень хотят наслаждаться не только красотой подлинной любви и донести эту радость до других. Возможно, в прошлом для большинства людей единственной доступной дорогой к этому была приверженность к сверхъестественному и, в частности, к определенной институциональной религии, но сегодня можно говорить о множестве альтернативных магистралей и пешеходных доро-

жек», – пишет американский философ-материалист Д. Денет [4, с. 129].

В нашем обществе проживают люди верующие, сочувствующие религии, неправославные, атеисты, – всех их может объединить гуманистическая установка на личностную самореализацию в творческо-созидательной деятельности. Чтобы потребление не становилось самоцелью, необходимо социализировать и гуманизировать принципы рыночной хозяйственной системы. Искренняя религиозная вера способна воспитывать человека и просветлять его побудительные силы, сдерживать и преобразовывать индивидуальный эгоизм во всех сферах человеческой деятельности.

Библиографические ссылки

1. Аринин Е. И., Медведева В. А. Феномен сновидения: подходы в истории православной традиции // Вестник ВлГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 1(9).
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Мысль, 1990.
3. Горбунов С. С. Христианство и живая природа: тотальная эксплуатация? // Вопросы философии. 2016. № 4.
4. Денет Д. Мораль и религия // Человек. 2015. № 5.
5. Ильин А. Н. Консюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии 2016. № 4.
6. *Он же*. Реклама как деструктивная практика потребительского общества // Вопросы философии. 2014. № 11.
7. Киселева М. С. Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // Вопросы философии. 2013. № 12.
8. Леонтьев Д. А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011. № 5.
9. Лешкевич Т. Г. Философское осмысление имиджа и репутационного капитала России // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ростов-н/Д. : Изд-во СКАГС, 2011.
10. Митрополит Волоколамский Иларион (Г. В. Алфеев). Православный взгляд на современные проблемы человечества в XXI веке // Вопросы философии. 2017. № 4.
11. Сакс Дж. Границы секуляризации // Вопросы философии. 2013. № 4.

12. Федотова В. Г. Этика капитализма: этика бизнеса и этика общества // Философия и этика. М. : Альфа-М, 2009.
13. Фромм Э. Иметь или быть? М. : Прогресс, 1986.
14. Юдин Г. Б. Человек экономический как проблема политической философии // Человек. 2017. № 4.

P. A. Belousov

**ORTHODOX RELIGIOSITY IN THE SEMANTIC CONTEXT
OF ECONOMOCENTRISM: ETHICAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECTS**

The article reveals the motivational-semantic essence of the morality of consumerism as a global phenomenon, which is a characteristic of economocentric model of development of Western countries and post-Soviet Russia. Consumerist behavior is becoming a way of life of the wealthier sectors of society and is transferred by the mass media to the public consciousness. The resurgent Orthodox religiosity may curb the rise of consumerist sentiment in our country and positively influence the attitude of Russians to spiritual values.

Keywords: consumption, consumerism, economocentric, self-restraint, spirituality, moral values, religiosity, meaning of life.

УДК 262.4/271

М. Л. Хижий, В. Б. Диеперов

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ «НЕПОМИНАЮЩИХ»
В 1927 – 1945 гг. В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Движение «непоминающих» возникло в Православной Церкви как форма религиозного протеста верующих – иерархов, священников и мирян на репрессивную политику советской власти. Поместный Собор 1917 – 1918 гг. своими решениями фактически подготовил православных христиан к эпохе гонений: значительно увеличил число епископов и активизировал роль мирян в приходской жизни. Одновременно это создавало угрозу появления расколов внутри Церкви.

Ключевые слова: Православная Церковь, Поместный Собор, антирелигиозная политика, церковное движение, церковная революция.

В 2017 г. в Московской Патриархии торжественно отмечается историческое событие – 100-летие Поместного Собора 1917 – 1918 гг. Он стал не только окончанием синодальной эпохи и восстановил патриаршество, но и предпринял попытку возродить соборное начало в управлении Православ-

ной Церковью. Так как Поместный Собор проходил на фоне социального катаклизма – октябрьского переворота и позднее Гражданской войны с репрессиями против верующих, это наложило трагический отпечаток на последующую судьбу его решений. Многие участники церковного форума ясно отдавали себе отчет в том, что жить и служить Богу им придется во враждебном к Православной Церкви окружении. Движение «непоминающих» можно рассматривать как реакцию значительной части иерархов, священников и верующих на религиозную политику советской власти.

Движение «непоминающих» возникло в определенных исторических условиях и хронологически может быть ограничено временными рамками 1927 – 1945 гг. Это эпоха, когда у церковного кормила встал митрополит, а впоследствии Патриарх Сергей (Страгородский). 1927 г. – год опубликования «Декларации об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти», а 1945 г. – год начала воссоединения «непоминающих» с Московской Патриархией при Патриархе Алексии I (Симанском). Разумеется, движение отделившихся от митрополита (Патриарха) Сергея (Страгородского) не возникло и не исчезло одновременно, хотя бы уже потому, что не было организационно и идейно монолитным. На протяжении всего периода репрессий оно имело разных духовных лидеров и появление в 1945 г. епископа Афанасия (Сахарова) как его признанного духовного вождя скорее говорит о том, что практически вся иерархия «непоминающих» была физически уничтожена органами НКВД-МГБ. Таким об-

разом, можно говорить о фактическом разгроме в СССР «катакомбной церкви», создании всех главных условий для ее дальнейшей маргинализации – превращения в церковной раскол, по организации и по духу близкий к известному в истории раскольническому движению старообрядцев-беспоповцев [2, с. 205 – 206]*.

Первые десять лет существования Советской власти заложили будущий идейный фундамент для появления движения «непоминающих». Прежде всего речь идет о Поместном Соборе 1917 г., восстановившем патриаршество в Российской Православной Церкви. Одним из решений Собора стало намерение значительно увеличить число епископов.

В результате революции и Гражданской войны, различных социальных катаклизмов, последовавших репресс-

* «Совершенно иной путь избрали изоляционисты, категорически отказывавшиеся от работы в советских учреждениях. Если в 1920-е гг. такой путь был совместим с жизнью легальных приходов, то начиная с 1930-х гг. эта группа перемещается в катакомбы. В таких общинах, как правило сельских, были сильны эсхатологические настроения. Кроме того, на идеологию этих групп повлияло возникновение обновленческого раскола («церкви лукавствующих»), к которому со временем стали причислять митрополита Сергея и его сторонников. Что касается общин, отказавшихся признать власть Патриарха Московского, то они в скором времени стали все больше деградировать. Существует немало примеров проявления этого вырождения (заочные крещения и венчания, замена богослужений точного круга акафистами, причащение святой водой, а то и кровью духовного лидера и проч.).» Произошло то, что принято называть вырождением церковной оппозиции, проявившемся в сектантском поведении и духе участников этого движения, постепенного исчезновения канонической законной иерархии и заменой таковой на самосвятскую иерархию.

сий и изгнания с епископских кафедр, из областей и даже из страны, численность епископата значительно уменьшилась. Историк М. В. Шкаровский пишет: «И здесь большую роль сыграло определение Собора от 15 апреля 1918 г. “О викарных епископах”, в соответствии с которым расширялись их полномочия и увеличивалось число викариатств. Несмотря на значительные препятствия, это постановление было исполнено. Если в 1918 г. было совершено 4 архиерейские хиротонии, то в 1919 – 14, в 1920 – 30, в 1921 – 39 и т. д. Таким образом, число епископов выросло в несколько раз и составило в 1920-е гг. более 200. В условиях гонений, когда правящие архиереи подвергались арестам, управление епархиями брали на себя находящиеся временно на свободе викарии. Причем до 1927 г. ссыльные архиереи могли занимать кафедры в городах, из которых они были удалены, сохраняя, таким образом, молитвенно-каноническую связь с епархией. Многочисленность епископата стала одной из причин, позволившей сохранить в Русской Православной Церкви апостольскую преемственность, несмотря на жесточайшие репрессии» [8, с. 170].

К началу периода гонений на Православную Церковь и верующих произошли существенные изменения в среде епископата: иерархами стали большее количество сравнительно молодых людей, пассионарных, готовых защищать интересы Церкви, но не имевших практического опыта руководства епархиями. Несмотря на то что большинство из них было викариями, в условиях репрессий времени на его приобретения у них не было – епископские кафедры все чаще становились вдов-

ствующими. Так, во Владимире за 1922 – 1930 гг. сменилось три правящих епископа и четыре викария, по факту замещавших на кафедре арестованных архиереев.

Истребление епископата было одной из задач репрессивных органов Советской власти. Так, в 1921 г. незадолго до архиерейской хиротонии архимандрит Афанасий (Сахаров) получил предупреждение от органов ГПУ, что в случае принятия епископского сана местом его принудительной изоляции может стать «любая географическая точка на карте РСФСР», а если он останется архимандритом, то будет репрессирован в пределах Владимирской губернии [1, Л. 14]. Разумеется, это не остановило исповедника.

Поместный Собор 1917 г., в котором будущий епископ Афанасий (Сахаров) принял самое активное участие, был уникальным явлением, которое отразило всю глубину перемен, происходящих в церковном сообществе. В первую очередь речь идет о значительном представительстве мирян среди его участников: 299 из 559 [8, с. 171]. Принятые Собором решения о православных братствах говорили о необходимости и готовности мирян встать на защиту интересов Церкви в годы социальных потрясений. Именно это послужило фундаментом для появления протестного движения мирян, выступивших против кампании властей по осквернению мощей и святых реликвий. Во Владимирской губернии епископ Афанасий возглавил сопротивление прихожан атеистическим выходкам местных коммунистов [5, с. 49].

Так как движение «непоминающих» было направлено против Заместителя Патриаршего Местоблюстителя

ля митрополита Сергия (Страгородского), «превысившего свои полномочия», для нашего исследования важно подчеркнуть формирование недоверия к его церковному курсу у Ковровского викарного епископа Афанасия (Сахарова), находившегося под началом митрополита, в 20-е гг. занимавшего Владимирскую кафедру.

Вызывает сомнение тезис, который тиражируется в различных жизнеописаниях епископа-исповедника, «что лично к митрополиту Сергию епископ Афанасий до конца своих дней относился с почтением и почти все его действия до начала 30-х гг. одобрял» [3, с. 59]. Разумеется, будучи викарием митрополита, а ранее иеромонахом, настоятелем епархиального монастыря, он всецело находился в каноническом послушании правящему архиерею. Но уже в начале 20-х гг. можно почувствовать различие во взглядах будущего Патриарха и духовного лидера «непоминающих» в отношении к политике Советской власти. Достаточно проанализировать одно из самых распространенных свидетельств о сопротивлении будущего епископа Афанасия кампании по вскрытию раков святынь в Успенском соборе города Владимира [5, с. 48]. Митрополит Сергий (Страгородский) предпочитал не оказывать открытого неповиновения гражданским властям, считая, что лучше не провоцировать конфликты, которые неминуемо привели бы к репрессиям в отношении верующих и возможному отречению кого-либо от Христа [7, с. 111]. Данная позиция митрополита вполне соответствовала мнению отцов Церкви на мученический подвиг, перекликаясь со словами святителя Амвросия Медиоланского:

«Должно остерегаться также и того, чтобы кто-либо в чрезмерной погоне за славой не злоупотреблял бы (своею духовною) властью и не возбуждал бы гонение и без того не расположенных к нам язычников, не зажигал бы также в них гнева. Ибо сколь многих (эти честолюбцы) обрекают на погибель, хотя сами и остаются твердыми и преобладают мучения?» [6, с. 171].

Позднее на допросе в ГПУ епископ Афанасий так объяснял мотивы своего сопротивления антирелигиозным действиям властей: «"Отделение Церкви от Государства желательно и для Церкви. К сожалению, как некоторые пункты декрета, так особенно многие действия властей на местах при осуществлении его дают основание видеть здесь не столько акт, вытекающий из идеи свободы совести, сколько стеснение религиозной свободы, нередко глумление и даже гонения на религию и церковь", — суть ответ на пункт 13-й одной из анкет, не помню в какое советское учреждение, поданной мной в 1918 г.» [5, с. 46].

Первая трещина, которая приведет к отходу епископа Афанасия (Сахарова) от митрополита Сергия в 1927 г., появилась задолго до этого. В 1917 г. во Владимирской епархии прошли выборы епископа. Владимирского архиепископа Алексея (Дородницына) лишили кафедры за симпатии к «благословенному старцу Григорию Распутину», а местное духовенство высказало пожелание, чтобы новый архипастырь не был замешан в «сношениях с темными силами» [4, с. 182]. Участие в выборах приняли два основных кандидата: протоиерей Тимофей (Налимов) и архиепископ Сергий (Страгородский). Оба претендента прибыли во Владимир из Санкт-Петербурга. Если архи-

епископ Сергей на тот момент был уже известным членом дореволюционного Синода, то протоиерей Налимов числился всего лишь священником столничного Казанского собора и преподавателем Духовной академии. Однако местное духовенство явно симпатизировало священнику. Предварительное голосование это отразило так: за протоиерея Налимова отдали голоса 207 выборщиков, за архиепископа Сергея (Страгородского) – 187. Такой расклад стал возможен по двум причинам: протоиерей Николай был младшим братом покойного архиепископа Николая (Налимова), который управлял владимирской кафедрой с 1906 по 1914 гг. Иерарх пользовался симпатиями местного духовенства, которые транслировались на его младшего брата. С другой стороны, архиепископ Сергей для многих в эпоху «церковной революции» ассоциировался с синодальной бюрократией, которую подозревали в некотором сервилизме по отношению к дискредитированной царской власти (негативное отношение к Распутину только подливало масло в огонь, несмотря на то, что лично архиепископ Сергей никак в связях со «старцем» замешан не был). Несмотря на перевес в первом туре, протоиерей Налимов выборы владыке Сергию проиграл с конечным результатом 307: 204. Хотя никаких свидетельств о нечестном голосовании архивы не сохранили, говоря современным языком, некоторая порция «черного пиара» все-таки присутствовала. Против архиепископа Сергея голосовала корпорация преподавателей Владимирской духовной семинарии (данных о том, за кого отдал свой голос иеромонах Афанасий, преподаватель литургики, нет). Одновременно высту-

пила правая пресса, обвинив Сергея (Страгородского) в увольнении предшественника на покой, обзывая его «львовцем» и «церковным большевиком» [4, с. 184]. Таким образом, несмотря на значительное превосходство над Налимовым, владыка Сергей победил на выборах в довольно сложной для него атмосфере. Стоит принять во внимание, что протоиерей Николай Налимов скончался в 1925 г., пройдя через преследования советской власти за свою последовательно негативную позицию в отношении обновленческого духовенства и раскола в Санкт-Петербурге. Именно симпатии к обновленчеству и его «приверженность принципам церковной бюрократии» будут поставлены позднее в вину архиепископу Сергию участниками движения «непоминающих». В любом случае необходимо учесть ту атмосферу во владимирской епархии, которая предшествовала всем последующим трагическим событиям и сыграла немалую роль в недоверии к высшей церковной власти.

Сама церковная иерархия остро чувствовала атмосферу разворачивающейся «церковной революции». С одной стороны, Патриарх Тихон ожидал неминуемых гонений на Церковь со стороны большевиков: этим обуславливалось увеличение числа викарных епископов, готовых прийти на смену репрессированным архиереям. С другой стороны, показателен его выбор местоблюстителей: митрополит Петр (Полянский) не обладал опытом епархиального архиерея, но был личным другом Святейшего; митрополит Агафангел (Преображенский) менял архиепископа Тихона (Белавина) последовательно на Литовской и Ярославской

кафедрах, являлся его однокашником по Санкт-Петербургской духовной академии. Это наводит на мысль о том, что Святейший Патриарх в лихую годину гонений на Церковь в первую очередь ценил в своем окружении не только деловые качества церковных администраторов, а человеческую надежность в людях, которым он был готов доверить управление церковным кораблем в случае критической ситуации. Нисколько не подвергая сомнению данный выбор, необходимо отметить, что он вполне соответствовал условиям эпохи – времени большевистской борьбы с Церковью.

Библиографические ссылки

1. Архив Владимирской епархии. Ф. ЕА (С). Оп. 4. Д. 5.
2. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.
3. Морохин Г., прот. Проблема канонизации новомучеников Российских на примере святителя Афанасия (Сахарова) // Афанасьевский сборник. Шуя, 2011. Вып. 1. С. 57 – 59.
4. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 г. СПб., 2008.
5. Сергия (Ежикова), инокиня. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Сергиев Посад, 2003.
6. Творения святителя Амвросия епископа Медиоланского. М. ; Рига, 1995.
7. Хижий М., прот. Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковно-политические взгляды // Альфа и Омега. 2007. № 2 (49). С. 140 – 147.
8. Шкаровский М. В. Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917 – 1918 годов в советскую эпоху // Церковь и время. 2003. № 4. С. 167 – 175.

M. L. Khizhiy, V. B. Diesperov

THE EMERGENCE OF THE «NON-MENTIONING IN PRAYERS» MOVEMENT IN THE ORTHODOX CHURCH IN 1927 – 1945

The «non-mentioning in prayers» movement emerged in the Orthodox Church as a form of religious protest of the faithful – bishops, priests and laity – against the repressive policy of the Soviet power. Decisions of the Church Council of 1917 – 1918, in fact, prepared Orthodox Christians for the era of persecution: the Council significantly increased the number of bishops and intensified the role of the laity in parish life. At the same time, it created a threat of the emergence of schisms within the Church.

Keywords: Orthodox Church, the Church Council, anti-religious policy, Church movement, Church revolution.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

eiarinin@mail.ru

БЕЛОУСОВ Павел Алексеевич – кандидат философских наук доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

kafedra-fir@mail.ru

ГОРСКАЯ Наталья Ивановна – доктор исторических наук доцент Смоленского государственного университета.

gorskaya-n@yandex.ru

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич – кандидат исторических наук доцент Среднерусского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

angrebyonkin@mail.ru

ДИЕСПЕРОВ Виталий Борисович – председатель отдела религиозного образования и катехизации Липецкой епархии РПЦ МП.

Vitalnosty48@yandex.ru

ЗДАНОВИЧ Александр Александрович – доктор исторических наук доцент Московского педагогического государственного университета.

zdanovich52@gmail.com

КОСТЫЛЕВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

irakostyleva@yandex.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

markovius@gmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МАРТИРОСЯН Вергине Самвеловна – кандидат филологических наук ассистент кафедры богословия Ереванского государственного университета.
rochta2008_91@mail.ru

МОТЕЮНАЙТЕ Илона Витаутасовна – доктор филологических наук профессор кафедры литературы Псковского государственного университета.
ilona_motya@mail.ru

НЕЧАЕВА Ирина Игоревна – кандидат социологических наук доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
nechaevaii@mail.ru

СИЗОВА Анастасия Юрьевна – кандидат исторических наук доцент кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета.
nastasya-ya@yandex.ru

ФЕДОТОВ Дмитрий Олегович – преподаватель кафедры технологии дизайна, социальных наук и сервиса ОГБПОУ «Смоленская академия профессионального образования».
gorskaya@yandex.ru

ХИЖИЙ Максим Леонидович – кандидат философских наук доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
maxim-priest@mail.ru

ЩИТКО Владимир Сергеевич – кандидат экономических наук доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
sl100@mail.ru